

С. С. С. С.
Иркутск, 1912.

372

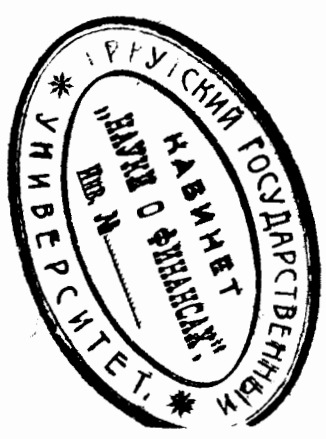
ПЕТРЪ ПОЛЕНАЕВЪ.

ЗА ШЕСТЬ ЛѢТЪ

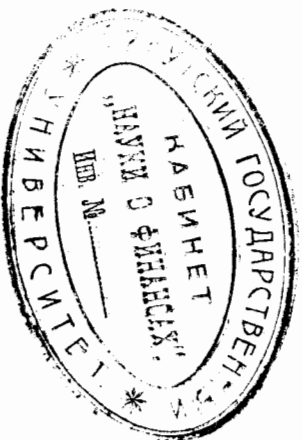
(1906—1912 г.г.)

~~Издательство~~ →

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

I.

Всего шесть дѣтъ прошло съ той поры, какъ Россія, эта величайшая страна міра, охваченная пожаромъ дикой, необузданной внутренней смуты, казалось, стояла уже на краю гибели. Русскій народъ, этотъ благороднѣйшій народъ, умъ и сердце котораго служатъ предметомъ общаго удивленія и изученія, точно бы помраченный въ самыхъ тайникахъ души своею, раскололся на части, и возсталъ братъ на брата, сынъ на отца. Съ каждымъ днемъ все ужаснѣе и уродливѣе становилась русская жизнь. Даже наиболѣе смѣлые готовы были поддаться отчаянію.

Въ городахъ безчинствовали; каждый день то здѣсь, то тамъ взрывались бомбы; на представителемъ власти попадали чуть ли не въ открытую, прабили винныя лавки, почтовые конторы, банки, денежные транспортъ; напали на дѣлные поѣзда. Студенчество обратилось въ революціонную армію; гимназисты и гимназистки бредили забастовками; рабочіе захватывали фабрики; шайки прохоримцевъ изобрѣкали изъ себя «народную власть»; устривались вооруженныя возстанія, дѣталось все возможное, чтобы смутить армію и увлечь ее къ измѣнѣ Царю и родинѣ. А въ деревняхъ? Тамъ жгли помѣщичьи усадьбы, захватывались земли, разрушали и упиликожали все, что видѣли.

Повсюду шныряли подстрекатели и совратители, преимущественно, конечно, молодежь. Въ этомъ помраченіи русскаго народнаго ума и сердца агитаторы видѣли блг-

жайший путь къ осуществленію злосчастной мечты о 30-летомъ вѣкѣ, какъ его рисуютъ учителя и вдохновители социализма. Села и деревни засыпались призывами къ грабежу, разбоямъ и убійствамъ. Въ городахъ заѣхали главаря революціонныхъ бандъ, вырабатывая планы заговоровъ, изготовляя бомбы, запасаая всякое оружіе, издавая возмутительныя газеты.

На что было надѣяться? Кажется, на первую Государственную Думу. По зову Монарха, безавѣтно любящего свой народъ, не останаививающагося ни передъ какими жертвами, чтобы только видѣть Россію счастливой и довольной, впервые въ русской исторіи были избраны народныя представители, которымъ Царь довѣрилъ такое исключительно важное дѣло, какъ сотрудничество съ собой въ устроении земли, въ опредѣленіи и разрѣшеніи народныхъ стремленій и нуждъ. Это ли не была минута, когда все лучшее, что есть въ Россіи, должно было объединиться и, вмѣстѣ съ Государемъ, рука объ руку съ Царскимъ правительствомъ, однимъ рѣшительнымъ движеніемъ должно было вырвать страну изъ угрожающей ей смертельной опасности?

Но не такова была первая Дума. Въ большинствѣ своемъ она состояла или изъ тѣхъ самыхъ подстрекателей и соинициаторовъ, которые, что называется, не умыли рукъ, прямо отъ поджоговъ и убійствъ поспѣшили на думскую каеедру, или изъ честолюбцевъ, для которыхъ весь вопросъ сводился къ тому, чтобы скорѣе сналить законную власть и насильственно занять ея мѣсто, или же, наконецъ, — изъ мечтателей, можетъ быть, и въ извѣстной мѣрѣ добросовѣстныхъ людей, но людей книги, а не жизни, людей, убѣжденныхъ, что достаточно взять листъ бумаги и расчертить на ней хорошую жизнь, чтобы жизнь уже, дѣйствительно, стала иной, хорошей, даже прекрасной. А рядомъ со всеми этими уже ждали своей доли добычи руководители воинствующаго инородчества, видимо, рѣшившіе, что Россіи не устоять и что, слѣдова-

тельно, нельзя упускать момента, который, можетъ быть, сразу осуществитъ мечту о полной независимости окранныхъ отъ государственнаго центра.

Вспомните, какъ повела себя первая Дума. И она вѣдала зарево пожара, въ которомъ гибло имущество на миллионы рублей, но для нея эти пожары были не горель народнымъ, а лишь показателемъ, что она не одинока, что за нею возставшій народъ. И она слышала стоны тысячъ людей, которымъ безжалостно убивали только за то, что они рѣшились отстаивать на служебномъ посту, по для нея эти стоны были приятной музыкой, такъ какъ черезъ трупы убитыхъ она надѣялась добратъ до своей дѣли. Она торжественно указывала на горѣвшее имущество и на проливающуюся кровь и мечтала только объ одномъ: чтобы ярче и огненнѣе брызгало пламя, чтобы шире и шире разливались рѣки крови, ибо тогда, наконецъ, прубьетъ часъ общаго отчаянія, и въ этотъ часъ волны смуты вынесутъ ее главарей на ту высоту, къ которой они дерзновенно стремились.

Теперь все это кажется просто сказкой. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не сказка, что какой-то Носаръ издалъ приказъ брать деньги изъ сберегательныхъ кассъ, и люди шли и требовали свои вклады? Развѣ не сказка, что напелся лейтенантъ, который объявить войну Севастополю, этому храму-памятнику русской доблести, и стрѣлять въ городъ, требуя сдачи? Развѣ не сказка, что городокъ Новороссійскъ объявилъ себя республикой? Развѣ не сказка, что адвокатъ Пергаментъ чуть-чуть не былъ возведенъ въ званіе президента вольнаго города Одессы?

А вѣдь все это было, все это соверждалось грабежами, убійствами, чудовищными насиліями, издѣвательствомъ надъ народной вѣрой, падъ всѣмъ, что русскому народу дорого и свято. И все это шло одно за другимъ, одно вытекало изъ другого, одно питалось другимъ, охватывая дѣлалъ области, разбивая общественныя связи, уродуя

теперь, кто-то надъ всёми этими работами. Иными словами: кто-то наблюдаетъ, изучаетъ, предугадываетъ, думаетъ, дѣйствительно. Очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что тѣ, кто работаютъ, шли не въ слѣду, а по какому-то заранѣе хотѣ бы только въ главнѣйшихъ чертахъ намѣченному плану.

Пусть какъ въ этомъ планѣ, такъ и при осуществленіи его были ошибки и недочеты, но разъ не только страна спасена отъ опасности, а и самая опасность ужъ такъ основательно забыта, ясно, что путь дѣйствій былъ намѣченъ совершенно правильно. Ясно, что, если не все, то самое важное, было угадано вѣрно, и, вѣрно угаданное, было во время поставлено на твердую, безусловно жизненную почву.

Посмотримъ же теперь, какими путями совершилось спасеніе страны и что вообще слѣдано за эти немногіе послѣдніе годы.

II.

Оъ чего должно было начать правительство? Возможно были два пути: путь новыхъ милостей и того, что на языкѣ тогдашней смуты обозначалось словами «широкія конституціонныя реформы», или же путь немедленнаго усмиренія матежниковъ, а одновременно—такихъ реформъ, которыя давали бы немедленный исходъ хотя бы важнѣйшимъ дѣйствительнымъ потребностямъ народной жизни.

Путь новыхъ милостей и «широкихъ конституціонныхъ реформъ»—не споримъ, это—прекрасный путь, если говорить о немъ въ тиши своего кабинета, внѣ условій времени и мѣста, не только не считаясь съ обстоятельствами, но и въ значительной мѣрѣ сознательно закрывая на нихъ глаза.

Что, однако, произошло бы, если бы правительство стало на этотъ путь? Нельзя забывать, что если безгранична милость, то еще безграничнѣе требованія, предъвыдвигаемыя къ ней. Рядъ величайшихъ милостей былъ уже оказанъ, по имени съ этого-то минуты и разгорѣлся пожаръ смуты, и

каждая новая милость являлась какъ бы новой пищей для того огромнаго коэтра, который разводиши смутыныя вѣхъ видья и сорья. Милость обязательно толковалась, какъ даянѣйшая услуга, какъ еще одинъ отказъ власти отъ самой себя. Никого не удовлетворяя вполне, но прежде всего только немногіе вообще понимаютъ въ такіи минуты, куда собственно они идутъ, всякая новая милость лишь дражила аппетиты. Кто за недѣлю передъ дарованіемъ народнаго представительства мечталъ только развѣ о введени въ составъ Государственнаго Совѣта выборныхъ отъ земства, тотъ, получивъ народное представительство, мечталъ уже о передачѣ власти въ руки народнаго собранія. Кто мечталъ о широкой конституціи, тотъ начиналъ уже говорить о республикѣ. Кто довольствовался республикой, особенно при мысли, что непремѣнно его переберутъ президентомъ, и онъ будетъ одинъ вѣднть въ трехъ картахъ, тотъ требовалъ уже дѣлка имущества и такого государственнаго распорядка, при которомъ богатыхъ не было бы вовсе, а всякій, не работая, имѣлъ бы всего довольн.

Конечно, можно сказать и такъ: хотя, дѣйствительно, требованія, предъявляемыя къ милости, безграничны, но было бы достаточно, чтобы власть удовлетворила только «разумныя» требованія. Онитъ—прекрасная мысль. Но какъ опредѣлнть, что именно должно считать разумными требованіями, когда смута тѣмъ въ особенности и огничаелся отъ покойнаго состоянія общества, что каждая политическая партія, даже если она накануне кое-какъ наскоро скончила, только одна свои требованія считаетъ разумными? Милости и при томъ огромныя милости были даны еще до того, какъ разгорѣлась дѣйствительная смута. Милостями, конечно, воспользовались. Но какъ-угодно изъ нихъ сейчасъ же обратили въ средство, чтобы изъ просителей обратнться въ прамыхъ бунтовщиковъ. Слѣдовательно, если бы правительство стало на путь новыхъ милостей, то воспользовались бы также и ими, но лишь для того, чтобы еще шире развернуть дѣло бунта и народнои смуты.

Не споримъ, и среди участниковъ смуты были разные группы. Хотно допускать, что были и такіа, которыя гдѣ-то на этомъ безконечномъ пути мигостей почувствовали бы себя, наконецъ, удовлетворенными и сказали бы: «да, теперь все обстоитъ прекрасно!» Но дѣло въ томъ, что къ этой минутѣ такіе удовлетворенные были бы уже просто горючкой, и они не имѣли бы ровно никакого практическаго значенія, въ сравненіи со все приближающимися и приближающимися новыми массами недовольныхъ, которые въ годы смуты рождаются какъ бы сами отъ себя и увеличиваются по мѣрѣ того, какъ власть не полагаетъ предѣловъ самому истинному смуты.

Но перейдемъ къ частностямъ. О какихъ собственно мигостяхъ шла рѣчь ближайшій образомъ? Прежде всего объ амнистии. Это значить, что хотѣли бы, во-первыхъ, все-лить въ ряды смутяновъ увѣренность вообще въ полной безнаказанности смуты; во-вторыхъ, имѣли въ виду просто напросто вернуть смутѣ всёхъ ея наиболѣе ревнкихъ приверженцевъ. Хотѣли такъ поставить вопросъ, чтобы каждый понималъ, что, собственно говоря, никакой смуты, въ смыслѣ дѣйствительнаго преступленія противъ основныхъ началъ государства, и нѣтъ, и не было, а есть только упрямство смѣшного правительства. Хотѣли внушить народу, что правительство «дѣлается за власть» и потому не сразу уступаетъ «справедливой волѣ народа». Увѣряли, что правительство своими мѣрами противъ смуты лишь пробуетъ, кто силенъ: оно или народъ. Слѣдовательно, когда правительство прощало, это толковалось, какъ увѣжденіе правительства, что оно уже не въ силахъ настаивать.

Кромѣ амнистии, требовали, конечно, и всей совокупности гражданскихъ свободъ. Правда, ровно за нѣсколько мѣсяцевъ до этого были даны не только всё свободы, но еще и въ такомъ видѣ, что цѣлыми недѣльями открыто на глазахъ всего Петербурга въ университетскихъ помѣщеніяхъ собирали деньги на бомбы для вышнихъ чиновъ правительства, а въ газетахъ печатались возмущительный-

шія пущности противъ всего, что каждому русскому дорого и свято. Это были такіа свободы, свободнѣе которыхъ не знало никогда ни одно государство. Въ что, однако, обратили ихъ и какъ ими воспользовались? Опять-таки, конечно, только какъ средствомъ для угнетенія смуты. Отъ этихъ свободъ берутъ свое начало и московское вооруженное возстаніе, и провозглашеніе въ разныхъ городахъ особыхъ мѣстныхъ республикъ, и возникновение такихъ бунтовъ, какъ кровавые дни въ Кроунштадтѣ и Севастополѣ.

Что говорить! Гражданская свобода, охраняемая не только силой власти, но и сознаніемъ свободныхъ гражданъ, всегда была, есть и будетъ величайшимъ благомъ, къ обладанію которымъ должны стремиться каждое государство и каждый народъ. Но не съ неба падаетъ это благо и не вырастаетъ оно на пепелищѣ революціонныхъ пожаровъ и изъ труповъ разстрѣливаемыхъ представителей государственной власти. Это благо зарождалось въ сознаніи просвѣщенной части общества, а проникаетъ въ глубь народныхъ массъ только постепенно. Революція рождаетъ свободы, т. е. пробуждаетъ духъ матека, не желающій знать никакого удержа, но гражданская свобода рождается и зрѣетъ только въ годы мирнаго и счастливаго развитія гражданскихъ силъ народа. Когда начинается смута, то и въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ, дѣйствительно, уже имѣется гражданская свобода, правительство, если оно не бѣжитъ позорно съ поля битвы, прежде всего ограничиваетъ свободу гражданъ, а ужъ какъ не расширяетъ ее. Это и понятно: смута изворачиваетъ свободу, коверкаетъ это драгоценное насажденіе, надъ которымъ вездѣ, гдѣ оно достигло корня, вѣками трудилась поколѣнія за поколѣніями. Если власть не признаетъ гражданской свободы, народъ переживаетъ тяжелые дни, но если свобода объявляетъ себя не признающей власти, то гибнетъ государство.

А у насъ? Основная масса населенія всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ находилась еще подъ крѣпостной зависи-

мостью. Тут новые поколения крестьянства, которые уже родились свободными, воспитались в таких неприглядных общинах экономических условиях, при которых трудно было серьезно думать о развитии в стране больше или меньше определенных гражданских чувств. Образованные классы общества в большинстве продолжали бороться на крестьянство только как на рабочую силу, а в меньшинстве—или слугали хвалебными песнями крестьянству, песни, которых крестьянство не понимало, или же пользовались крестьянством, как темной толпой, которая входит в революционный план и потому в рѣшительную минуту должна сослужить определенную революционную службу.

Одни поэтому говорили, что и вперед крестьянство не нужно ни просвѣщать, ни даже просто учить грамоте, а другие, наоборот, требовали, чтобы было позволено судить из народной школы революции. Все через народ и ничего для народа.—на этомъ, в сущности, сходился обѣ части болѣе образованных классовъ, и, если за эти годы кто-нибудь хоть в какой бы то ни было мѣрѣ разогнал именно для народа, то, конечно, все же только одно правительство.

Не болѣе были подготовлены къ разумному сознанию гражданской свободы и городскія массы. Только в столицахъ да в нѣсколькихъ болѣе крупныхъ городахъ мѣщанство и второ-плыдское купечество такъ или иначе чувствовало себя на линии гражданъ. В остальныхъ мѣстностяхъ, какъ были они тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ и оставались «жителями» или «обывателями», ожидавшими государствену съ личностью своего пристава и не шедшими в своихъ политическихъ чаяніяхъ дальше свободной возможности народа, промекъ себя, в душевной бѣсѣдѣ, пороптать на мѣстную полицію.

Когда были даны такъ называемыя свободы, самая вѣсть объ этомъ, встрѣченная в столицахъ и большихъ городахъ только какъ «утушка», тамъ, в глубинѣ России, произвела

прямо ошеломляющее впечатлѣніе. Были убѣждены, что это только такъ, нарочно, «для испытанія», а когда увидѣли, что это—въ серьезъ, то прежде всего просто растерялись.

Кому же, слѣдовательно, в действительности, нужны были свободы и при томъ немедленно и затѣмъ—наболѣе свободныя? Только незначительному по количеству образованному обществу, но и то съ оговоркой: большинству—ради сознания, что они уже не обыватели, а насропанце, въ западно-европейскомъ смислѣ, граждане, «остальнымъ»,—какъ средство совѣмъ для другихъ цѣлей, для цѣлей политической, для борьбы за власть, за переходъ власти изъ рукъ дворянства в руки представителей печати, адвокатуръ, техники.

Имѣлось въ виду разыграть при помощи свободы послѣднее дѣйствіе той упорной борьбы верхнихъ слоевъ городского общества противъ верхнихъ слоевъ государства, начало которой слѣдуетъ отнести еще къ эпохѣ реформъ Царя-Освободителя, когда впервые стали у насъ обѣдать и принимать болѣе или мѣтѣ замѣтная формы различные классы такъ называемой либеральной городской интеллигенціи.

Итакъ, правительству, в самый разгар смуты, в качествѣ единственнаго средства противъ смуты предлагали немедленно стать на путь повлечь милостей и дальнѣйшаго развитія свободы. Это былъ не просто лукавній, а рѣшительно коварный совѣтъ. Мы уже говорили, что онъ давался при обстановкѣ, когда совѣтъ звучалъ угрозою, не говоримъ и о томъ, что все время, когда съ нимъ выступали, одно-временно держали въ пиночки, при помощи которых приводились въ движеніе различныя новыя проявленія смуты. Совѣтъ былъ коваренъ и по существу, ибо никто изъ насъ-нашихъ на немъ не сомнѣвался, что въ минуту, когда правительство его приметъ, сейчасъ же рухнетъ все здание исторической России.

Рождается, конечно, такой вопросъ: что же изъ того, что историческая Россія рухнетъ? Если она, дѣйствительно, такъ обветшала и если, дѣйствительно, на смѣну идетъ

нѣчто новое, много лучшее—развѣ, въ концѣ концовъ, исторія не знаетъ примѣровъ, когда народы жертвовали всёми, чтобы добиться лучшаго? Но тутъ-то и сказались историческая Россія, объединившаяся всеми своими зловыми составными частями вокругъ Царя и его правитель-ства. Она угадала, что каждый ударъ по званію историче-ской Россіи является одновременно и ударомъ по всему будущему Россіи. Она угадала, что на смѣну старому идетъ лишь самая неприкрытая анархія, какъ угадала и то, что большыя мѣста русской жизни, сколько бы ихъ ни было, не дѣлаютъ еще большыми основныя тѣсни русской государ-ственности и обществённости.

Она угадала своевременно—въ этомъ ея историческая заслуга. Она угадала правильно—это показываетъ все по-слѣдующее. Тѣ же, кто доказывалъ, что спасеніе Россіи заключается въ ея полномъ отказѣ отъ самой себя, а, плав-ное, въ рѣшительномъ разрывѣ съ тысячелѣтней ея исторіей, только лишній разъ опредѣлили свое недомыслие и свое пол-ное неумѣніе разбираться въ политическихъ, обстоятель-ствахъ.

Историческая Россія вѣрно угадала тотъ единственный путь, которымъ ей слѣдовало идти, и твердо пошла этимъ пу-темъ. Смуть и ея дѣятелямъ была объявлена война. Были приняты самыя суровыя мѣры къ тому, чтобы, во-первыхъ, остановить дальнѣйшее развитіе безпорядковъ, а, во-вто-рыхъ, чтобы разрушить до основанія очаги смуты. Убѣ-ждать, пробовать смягчить сердца, терять время на какиѣ-либо предвзятельныя мѣры, которыя ставили бы себя дѣльно образумить однихъ, направить другихъ, вернуть къ труду и послушанію третьихъ—было бы совершенно бесполезно. Каждая минута промедленія стоила бы сотни человѣче-скихъ жизней и миллионы новыхъ вознаградимыхъ потерь.

Такъ ставился вопросъ всеми условіями этихъ по истинѣ историческихъ дней. Было, конечно, тяжело рѣшаться на суровыя мѣры, но это было неизбежно. Или колѣбаться, и

увидѣть полную гибель государства, или взять на себя отвѣтственность передъ Богомъ и людьми, и спасти Россію—никого выбора не было и быть не могло.

На что только ни поднимались всё тѣ, кому, какъ хлѣбъ насущный, нужно было продолжать и углубить смуту! Они понимали, что правительство рѣшилось, и имъ важно было отразить его отъ этой рѣшимости. Изъ людей, которые только что съ такимъ торжествомъ вели счетъ убитымъ зло-дѣями городовымъ, жандармамъ, полицейскимъ офицерамъ, губернаторамъ, полковымъ командирамъ и т. д., изъ людей, которые, злорадно хихикая, подсчитывали обрабѣнныя у правительства и частныхъ лицъ суммы и побѣдоносно ука-зывали на то, что одна за другой горятъ старинныя усадьбы, они немедленно обратились въ людей, которые стали увѣ-рять, что у нихъ сердце замираетъ при мысли, что гдѣ-то проливается кровь, хотя бы и кровь убитыи или грабителей, котораго казнить по приговору суда, хотя бы, въ силу не-избѣжной необходимости, дѣйствующаго внѣ условій пра-вильно функционирующаго правосудія.

Они доказывали, что смертная казнь есть величайшее преступленіе, ибо общество не въ правѣ лишать человѣка жизни. А какъ только преступникъ подучалъ помилованіе, они дѣлали все зависящее, чтобы помочь ему бѣжать изъ тюрьмы, и вновь направляли его руку на злодѣянія.

Съ угрозами на устахъ, раздраженныя до послѣдней сте-пени, они требовали, чтобы правительство немедленно же отказалось отъ дальнѣйшей борьбы. Но этимъ они лишь окончательно выдали себя. Тогда уже всёми стало ясно, что чѣмъ энергичнѣе велась борьба, тѣмъ больше и больше та-вля ихъ еще недавно столь глубокая увѣренность въ близ-кой полной побѣдѣ революціи надъ законной властью. «Не смыряясь народный гнѣвъ отъ казней и насилій»—кричали они. Но это былъ крикъ отчаянія. Они просто на-дѣялись, что, можетъ быть, или правительство смутится, или, дѣйствительно, народъ послушаетъ ихъ и вновь под-ниметъ смуту.

Правительство не смутилось, народъ же не только не приступилъ къ новой смутѣ, а, наоборотъ, отъинилъ твердость власти и самъ сталъ помогать ей покончить со смутой. Остались ей слѣдствія, тяжелыя, ужасныя, мѣстами—очень глубокия, мѣстами—только поверхностныя. Сейчасъ же правительство остановилось съ особо крупными мѣрами и, сохранивъ за собой чрезвычайныя права, всей тяжестью обрелилось противъ наиболее опасныхъ проявленій того мятежнато духа, который, какъ и слѣдовало ожидать, образовался въ видѣ осадка отъ пронесшагося надъ страной урагана.

Но тутъ же правительство выступило и съ своимъ планомъ необходимымъ преобразованій. Теперь, когда много уже сдѣлано, а еще большее опредѣленно намѣчено, какому дому понятно, что, въ сущности, было бы только странно, если бы правительство поступило иначе. Это ясно даже тѣмъ, кто увѣряетъ, что злокозненнѣе русскаго правительства не было правительства въ мірѣ. Браня правительство, такіе лишь огикиваютъ собственное неразуміе. Въ глубинѣ души и они совершенно признаютъ, что, если бы правительство дѣйствовало иначе, то побѣдила бы смута, а эта послѣдствія, конечно, не оставила бы камня на камнѣ, и ихъ первыхъ смета бы съ дорожки, какъ буря сметаетъ оторвавшіеся отъ дерева листья.

Но тогда, въ минуту, когда надо было рѣшиться и дѣйствовать, правительство рѣдко гдѣ встрѣчало опредѣленное пониманіе и содѣйствіе. Гораздо чаще встрѣчало оно или страхъ, или недоумѣніе, или полную растерянность. Работа власти осложнилась еще слѣдующими особыми условіями. Россія отромна, разнородна, разнообразна, всегда ставила себя по отношенію къ Имперіи въ положеніе болѣе или менѣе враждебно настроенныхъ элементовъ. Чѣмъ тверже порядокъ во внутренней Россіи, тѣмъ тщательнѣе скрываютъ эти окраины свои враждебныя настроенія, въ основѣ которыхъ лежитъ стремленіе къ возможно полному освобожденію отъ Имперіи. Стоить, однако, порядку

внутри Россіи поколебаться, сейчасъ же духъ мятежа охватываетъ одну окраину за другой. Смута, въ успѣхъ которой повѣрило немало народа даже во внутренней Россіи, была принята на окраинахъ, какъ тотъ счастливыя для всего инородчества день, когда наконецъ-то можно серьезно и съ увѣренностью въ успѣхъ вернуться къ осуществленію стародавнихъ мечтаній объ отпаденіи отъ Россіи. Сразу же обострились націоналистическія страсти, и, въ тѣсномъ союзѣ съ устроителями русскою смуты, окраины приняли дѣятельное участіе въ революціи. Приходилось, слѣдовательно, вести борьбу на три стороны: во-первыхъ,—поддѣлывать вообще смуту и бороться съ ея неизбѣжными слѣдствіями, во-вторыхъ,—приступитъ къ немедленному осуществленію тѣхъ преобразованій, которыхъ правительство считало неотложными, въ-третьихъ,—охранять дѣлостность государственныхъ правъ Имперіи.

Смѣло можно сказать, что еще никогда и нигдѣ въ мірѣ не приходилось правительству вести страну при столь исключительно трудныхъ условіяхъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, какъ теперь уже каждый можетъ судить по послѣдствіямъ, никогда и нигдѣ не удавалось добиться столь многого въ столь сравнительно короткій промежутокъ времени.

III.

Во главѣ угла была поставленъ земельный вопросъ.

Еще 19-го февраля 1861 года, при освобожденіи крестьянъ, имѣлось въ виду, что населеніе, послѣ того, какъ оно погаситъ выкупныя платежи, вступитъ, говоря словами манифеста, «въ рѣшительное состояніе свободныхъ гражданскъ-собственниковъ». О томъ, что имѣлась въ виду именно единоличная собственность, прямо свидѣтельствуется законъ: «если домохозяинъ,—читаемъ въ Положеніи 19-го февраля,—желающій выдѣлиться, внести всю причитающуюся на его участіе выкупную сумму, то общество

обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соответственный участокъ, но возможности къ одному мѣсту». Участки эти,—читаемъ дальше,—«пріобрѣтены отдѣльными домохозяевами, составляють личную собственность каждаго».

Если тогда же не отвелъ участки къ одному мѣсту, то потому, что стремились скорѣе дать свободу; если главное вниманіе обратили не на личную собственность крестьянина, а на сельское общество, то потому, что цельза было впередъ усилить, какъ справится крестьянство съ новой свободной жизнью, и въ общинѣ искали уже испытаннаго посредника между государствомъ и Русскою деревней. Потомъ одно забылось, другое передошло, третье пущено самостоятельныя ростки, но все же не забывалось главное, а именно, что общество вовсе не является вѣчнымъ владѣльцемъ земли и что углата выкупной ссуды дѣлаетъ уже немужнымъ посредничество крестьянскаго общества между государствомъ и свободной крестьянской собственностью.

Тѣмъ временемъ произошло слѣдующее: такъ какъ въ рядѣ мѣстъ земля была отведена многимъ селеніямъ по одному плану, а въ другихъ мѣстахъ селенія были столь крупны, что приходилось дѣлать определенную землю иногда на многія сотни и даже тысячи участковъ, то образовалась разбросанность владѣній отдѣльныхъ дворовъ и, въ связи съ этимъ, чрезвычайная и отдаленность пашни отъ жилья. Ужъ чего хуже! При такихъ условіяхъ личный почитать хозяина безсилень, даже въ самыхъ разумныхъ свѣдѣніяхъ проявлялись. Когда земля разбросана мелкими клочками да къ тому же находится далеко отъ жилья, пужны совѣтъ особня усилія, чтобы хоть какъ-нибудь улучшить хозяйство. Въ болышинствѣ же случается и вообще незнать ничего сдѣлать и приходится изъ года въ годъ, отъ отца къ сыну, до мелочей держаться хозяйственной старинки. Какъ, наприимѣръ, унаваживать участки, если не окупается доставка удобренія на мѣсто? Какъ, спрашивается, при такихъ условіяхъ переходить отъ трехполья къ многополью?

Произошло, однако, и многое другое. Крестьянскій «міръ», этотъ верховный учитель и судья всего сельскаго участка, всегда представлялъ собой неподвижную въ культурномъ отношеніи массу. И безъ того первобытное хозяйство пашей деревни находило въ философи «міра», въ его воззрѣніяхъ и обычаяхъ, такіе хозяйственные заветы, что никакая попытка отдѣльнаго лица перейти къ болѣе усовершенствованнымъ приемамъ труда не могла разсчитываться па успѣхъ. Достаточно указать хотя бы на существующій въ обществѣ обычай пасты скотъ по парамъ и жнивью. Можно ли при существованіи подобнаго обычая нахать и жать иначе, какъ въ одно время со всѣми? Выходы болѣе раннато посѣва или загодялый урожай непременно погнбнутъ отъ погравы. Какъ при такихъ условіяхъ переходить къ новымъ культурамъ, какъ заняться правильнымъ воздѣлываніемъ пара, уходомъ за нимъ, раннимъ взметомъ поля или какими-либо мѣрами, направленными къ сохраненію почвенной влаги, мѣрами столь необходимыми во многихъ частяхъ Россіи? Зачѣмъ? Разъ участки вкратились въ народной клинть односельчанъ—то ужъ не для того ли, чтобы заграченные труды погнбли подъ копытами мірскаго стада? Мы ужъ не говоримъ о передѣлахъ. Съ изумительной точностью, аршинами и даже ступнями отмѣриваются, въ цѣлкахъ уравниціи, отдѣльные участки, но все же каждый владѣлецъ сдвигается съ того поля, которое онъ раньше считалъ своимъ, а, сдвигаясь, отстраняется отъ всего того труда, который онъ затратилъ на это поле. Изъ-за чего же въ такомъ случаѣ работать? Во имя чего проявлять выдумку, личный талантъ, вкладывать душу, искать новые пути?

Никто не сомнѣвается, что нашъ черноземъ—лучшая и плодороднѣйшая въ Европѣ земля, а между тѣмъ урожайность у насъ много ниже, чѣмъ тѣ-нибудъ у нѣмцевъ или французовъ. Могутъ сказать: русскаго крестьянина донимаетъ земельная тѣснота. Знаменитое «куретка выпустить некуда» приводится въ такихъ случаяхъ, какъ рѣшашонціи

поводу. Но это не такъ. Въ Европейской Россіи еще до послѣдней земельной реформы на каждый дворъ приходилось въ среднемъ 10,2 десятины пахъной земли, а если считать съ прикупленной крестьянами земель, то почти 13 десятинъ. Въ Австріи этого средній размѣръ землевладѣнія равняется всего 5,1 десятины, во Франціи—4,4 десятины, а въ Германіи и того меньше: всего 4,3 десятины. Между тѣмъ, тамъ население много болѣе, чѣмъ у насъ. Почему же это такъ? Да только потому, что пока земля не принадлежала на правѣ личной собственности, не только нельзя вводить улучшенія въ хозяйство, но даже поддерживать на обрабатываемомъ участкѣ естественную, хотя бы наименьшую производительность почвы.

Впрочемъ, едва ли нужно все это доказывать теперь, когда вопросъ сталъ уже на другихъ рельсахъ и когда многие, еще недавно бывшіе горячими сторонниками общины, начинаютъ понимать, что новые земельные порядки значительно лучше прежнихъ. Но къ моменту, когда началось у насъ смута, дѣло представлялось въ иномъ видѣ. Къ общинѣ всё привыкли, а въ либеральнѣе, какъ научной, такъ и общей, имѣлись многочисленные поклонники общины, какъ извѣстнаго социальнаго, политическаго и даже нравственнаго начала. Во-вторыхъ, въ длинномъ рядѣ еще сравнительно недавнихъ правительственныхъ мѣропріятій бесспорно сказывалось извѣстное увлеченіе, если не общинной, какъ таковой, то сельскимъ общиннымъ укладомъ. Въ-третьихъ, силой тѣхъ массовыхъ заблужденій, которые всегда отличаютъ эпохи, когда нарождается и формируется общее недовольство, надъ всеми впечатлѣніями главенствовало одно: земельный вопросъ начинается и кончается вопросомъ о числѣствѣ крестьянской земли, а, слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока существующіе пахъны не будутъ увеличены, ни о какихъ новыхъ сторонахъ вопроса не стоить даже и думать, ибо все равно не въ нихъ можно было бы найти выходъ изъ создававшегося положенія.

Этимъ объясняется, почему революціонные элементы съ такой страстностью ухватились за земельный вопросъ. Они пужались въ крестьянствѣ. На него смотрѣли они, какъ на гонимую, какъ на силу, могущую трагедіями, поджогами, всякимъ безчинствомъ испугать государственную власть и заставить ее отказаться отъ управления. А это повело бы къ захвату власти революціонерами, т. е. къ торжеству революціи.

Оттого-то такъ просто и рѣшился революціи весь земельный вопросъ. Крестьяне увѣряютъ, что ихъ горе въ ихъ малоземельи. Прекрасно. О чемъ же думать? Надо взять землю у помещиковъ и отдать ее крестьянамъ. Что изъ этого получится для самихъ же крестьянъ, не говоримъ уже—для государства, для всей страны въ ея цѣломъ,—объ этомъ, конечно, не думали. Разсуждали исключительно съ точки зрѣнія сегоднѣшняго дня: помещиковъ, меньше, чѣмъ крестьянъ, а кромѣ того, помещики, какъ вообще всякій, у кого есть собственность, не пойдутъ за революціей; крестьяне же пойдутъ непременно, такъ какъ, связанные по рукамъ и ногамъ общиной, они не имѣютъ ничего своего. Съ крестьянской точки зрѣнія, слѣдовательно, тотъ, кто предложитъ ему взять чужое и къ тому же набѣдничаетъ всякихъ другихъ благъ, является первѣйшимъ его благодѣтелемъ.

Конечно, если бы крестьянство было образовано и умѣло какъ слѣдуетъ понимать, что изъ чего выходить и что за чѣмъ слѣдуетъ, оно понимало бы такихъ благодѣтелей на смѣхъ. Оно понимало бы, что захватить чужія земли не трудно, по куда труднѣе разумно справиться съ ними, потому что, чѣмъ болѣе будетъ земли, тѣмъ болѣе нужно имѣть средствъ, чтобы обработать ее; средствъ же этихъ нѣтъ, и рабское ихъ не достать. Крестьянство пошло бы такъ же, что, каковы бы ни были помѣщичьи хозяйства, все же только въ нихъ примѣняются и лучшіе способы воздѣлыванія земли, и вообще болѣе усовершенствованные хозяйственные приемы, а это—школа для крестьянъ, безъ которой

У насъ до сихъ поръ ковыряли мы землю мотыгой. Оно по-
нято бы и то, что помѣщичьи хозяйства—главный источ-
никъ крестьянскихъ заработковъ, безъ которыхъ деревнѣ
прямо-таки не прожить. Понято бы оно, наконецъ, и то
главное, что несчастенъ народъ, который хочетъ видѣть
свое будущее не въ трудѣ, не въ личномъ работахъ как-
даго о своемъ дѣлѣ и долгѣ, а въ грабежѣ, въ уничтоженіи
всякой разницы между своимъ и чужимъ. Сегодня всё де-
ревенскіе стануть толпой захватывать и грабить помѣщичье
добро, а завтра начнутся грабежи и захваты между своими
же деревенскими, и пойдетъ это всеобщее грабительство
до той поры, пока всё одинаково не разорится, или пока все
же не явится какая-нибудь сила, которая, не оставивши-
ваясь ни передъ какими крутыми мѣрами, каждый поса-
дитъ на свое мѣсто. А тѣмъ временемъ государство можетъ
уже такъ пострадать, что достаточно будетъ даже неболь-
шой вражеской арміи, чтобы растащить его по клочкамъ.

Сколько было разнообразней революціонныхъ про-
граммъ, столько предлагалось и всякихъ рецептовъ. Выпро-
чемъ, при всей ихъ многочисленности, они основывались
исключительно на самомъ обыкновенномъ грабительствѣ.
Если спорили, то только о томъ, которое изъ предлагаемыхъ
грабительствъ слѣдуетъ считать прекраснѣйшимъ. Одни
говорили: отобрать все въ казну, а потомъ начать дѣлать;
другіе говорили: отобрать въ каждой волости на волость,
и пустъ тамъ дѣлать, какъ хотятъ; третьи говорили: пустъ
дѣлать на мѣстѣ только одну часть, а другая пустъ будетъ
описана въ казну, которая уже отъ себя дастъ каждому,
кто попроситъ, причитающуюся ему долю. Наконецъ, ка-
демы, съ Герценштейномъ во главѣ, предлагали грабить
подъ флагомъ «принудительнаго отчужденія».

Такъ какъ обо всѣхъ этихъ грабительскихъ рецептахъ
написаны за послѣдніе годы уже цѣлые томы, то не будемъ
возвращаться къ вопросу. Да и миновало время, когда
столбо бы еще трагить трудъ на споры о томъ, хорошо или
дурно разрѣшать государственные вопросы со столбъ перво-

бытной простотой, какъ это рекомендуютъ господа граби-
тели. Правительство по первому началу должно было, ко-
нечно, выдержать папаленный прогваръ него наглекъ, но
наглекъ былъ отбитъ по всей линии, и правительство при-
ступило къ реформѣ.

Какъ же поступило правительство? Оно совершенно
приняло, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ (далеко, однако,
не во всѣхъ) крестьяне тѣснятся съ землей. Но извѣстной
степени борются съ такой тѣснотой можно путемъ усиле-
наго переселенія. Но переселеніе не есть и не можетъ быть
изгнаніемъ. Нельзя выдворять тѣхъ, кто не хочетъ поки-
дать родныхъ мѣстъ. Имѣются такіе, кто самъ радъ по-
искать новые края,—тѣмъ слѣдуетъ помочь переселиться;
другіе, наоборотъ, хотятъ умереть тамъ, гдѣ родились,—
государство не можетъ требовать, чтобы они переселились.
Слѣдовательно, гдѣ у крестьянъ земли мало, а переселиться
не хотятъ, тамъ нужно устроить такъ, чтобы нуждающіеся
въ землѣ могли тутъ же на мѣстѣ купить землю на возможно
льготныхъ условіяхъ. Но непременно купить, а не полу-
чить даромъ. Даровой земли тамъ, гдѣ какой-нибудь
является частной собственностью, нѣтъ и быть не можетъ.
Земля тотъ же товаръ. Одинъ продаетъ, другой покупаетъ.
Такъ какъ государство не нуждается въ томъ, чтобы ему
немедленно уплатили всю сумму, а само оно, когда по-
купаетъ, можетъ залатать все сразу, то, дѣлаясь посред-
никомъ между продавцами и покупателями, оно въ состоя-
ніи и дешево купить, и выдоднѣ для покупателя продать.
Но тутъ уже роль государства кончается.

Такимъ образомъ, правительство прежде всего широко
развернуло дѣло переселенія. Во-вторыхъ, никого не при-
нуждал, ничто не отчуждал, а только посредничал между
тѣми, кто самъ хотѣлъ продать, и тѣми, кто хотѣлъ ку-
пить, государство въ самый короткій срокъ образовало
очень большіе земельные запасы вездѣ, гдѣ была хоть
какая-нибудь нужда въ землѣ. Сначала, конечно, крестьяне
когдались и покупали землю неохотно, такъ какъ все еще

вѣршии пустымъ слухамъ о томъ, что, молъ, все это только такъ и что рѣшено непремѣнно дать землю даромъ, но вѣкоръ поняли, что слухи эти глупые и что, этакъ выжидая, можно дожидаться только того, что болѣе умные да догадливые придутъ изъ другихъ мѣстъ и всю землю, какъ есть кругомъ, раскупятъ черезъ тотъ же крестьянскій банкъ. Съ тѣхъ поръ эта сторона вопроса стала быстро падать ватся.

Само собой разумѣется, что государство, возложивъ это повое и огромное дѣло на крестьянскій банкъ, поступило по типичному обдуманному плану. Оно не просто покупало и продавало землю, а дѣлало это такъ, чтобы каждая купленная и проданная десятина возможно полнѣе стужила основную цѣль, т. е. наиглущему землеустройству крестьянъ. Покупатель земли съ разборомъ и продавался съ разборомъ, и все время дѣлался такой расчетъ, чтобы какъ-нибудь, кто хочет и можетъ работать на покупаемой имъ землѣ, непремѣнно достался пужный ему участокъ. Были поставлены на пути всѣ мѣстные люди, которые самымъ энергичнымъ образомъ вошли въ это дѣло, а мѣсть съ тѣмъ изъ Петербурга пріѣхали упомянутые чиновники, въ видѣ особыхъ начальниковъ по дѣламъ крестьянскаго банка; безъ всякой волокиты и переписки, они тутъ же на мѣстахъ рѣшали всѣ спорные вопросы.

Но это—лишь одна сторона дѣла. Главное, что слѣдало правительству, заключается все же въ другомъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ огромныя, прямо сказать—необычныя по размѣрамъ, нп у насъ, ни въ другихъ государствахъ, работы по крестьянскому землеустройству, къ которымъ съ такой энергичной обработкой правительство.

Хотя теперь охотно повторяютъ, будто правительство приняло за землеустройство исключительно податный принципъ смуты и даже чуть ли не изъ страха передъ разгромами смуты въ 1904 году событиями, но можно фактически установить, что эти разговоры—пустая выдумка. Милекин съ ихъ поджогами и убійствами имѣли лишь то значеніе,

что помѣшали правительству приступить къ работамъ съ тѣмъ запасомъ силъ и средствъ, съ какимъ оно приступило бы, если бы приходилось начинать при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ. Что же касается основныхъ идей, на которыхъ строился весь планъ этихъ работъ, а также общихъ цѣлей задуманнаго преобразования, то въ данномъ отношеніи все сложилось значительно раньше, чѣмъ разгрядась смута.

Еще въ мартѣ 1905 года, а слѣдовательно, тогда, когда въ деревняхъ и селахъ все было относительно спокойно, Государь Императоръ, въ рескриптѣ на имя предсѣдателя особаго совѣщанія о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія определенно повелѣлъ: «должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соответствующимъ измѣнѣвшимся хозяйственнымъ условиямъ, способамъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями». Какими должны быть эти мѣры, объ этомъ узнаемъ изъ послѣдовавшей вѣкоръ резолюціи Государя на докладъ предсѣдателя названнаго совѣщанія. Предсѣдатель докладывалъ: «цѣлью работы должно быть облегченіе выдѣла крестьянамъ въ частную собственность причитающихся на ихъ долю участковъ надѣльной земли». Государь Императоръ начерталъ собственноручно на поляхъ: «Главная задача».

Эти указанія Монарха и легли въ основу всего дальнейшаго. Прежде всего были отменены выкупные платежи, оставшіеся еще не внесенными крестьянами за землю. Такъ какъ уже въ 1903 году была отменена круговая порука, то, стало быть, съ отменной выкупныхъ платежей вступала въ силу и при томъ сразу для всего населенія, получившаго при освобожденіи надѣльную землю, та уже упомянутая выше статья положенія 19 февраля 1861 года, которая предоставляла каждому требовать отъ общины выдѣла своего участка.

Статья эта, однако, не устанавливала ни срока, въ какой такое требованіе должно быть удовлетворено, ни порядка, въ какомъ выдѣляемая земля должна отводиться

къ одному мѣсту. Кроме того, существовать другой законъ, который не позволялъ входить въ другое общество, пе увеличивъ изъ своего, а, слѣдовательно, и не отказавшись отъ падыга въ своемъ обществѣ. Все это надо было пересмотрѣть, согласовать, перефразировать. Сначала, въ видѣ прѣсכולыкихъ отдѣльныхъ распоряженій, а потомъ путемъ знаменитого указа 9 ноября 1906 г., который те-перь уже имѣетъ силу закона, было положено твердое начало тому, что мы называемъ землеустроительной реформой и что, по справедливости, должно называть величайшимъ преобразованіемъ нашего времени.

Когда правительство задумало о своихъ планахъ первой Думы, оно встрѣтило тамъ кривки и грубую брань. Революціи, которую олицетворяетъ составъ этой Думы, поняла, что мысль правительства отвѣчаетъ наиболее назрѣвшимъ жизненнымъ потребностямъ населенія, а, слѣдовательно, что населеніе, если только мысль правительства осуществится, пойдетъ за правительство, но никакъ ужъ не за тѣмъ, кто зоветъ села и деревни къ возстанію и бунтамъ. Дума была разогнана, и правительство, взявъ на себя отвѣтственность, провело свои планы въ порядкѣ чрезвычайнаго указа. Вторая Дума, на сужденіе которой былънесенъ этотъ указъ, напала на него еще съ большими ожесточеніемъ. Но правительство твердо шло своей дорогой и не только не выражало намѣренія отступать передъ революціонными наскоками, но рядомъ дальнѣйшихъ мѣръ, въ духѣ того же указа 9 ноября, развило и углубило предпринятую реформу. Наконецъ, собралась третья Дума, и, какъ извѣстно, земельная политика правительства напала въ ней одобреніе.

Чтобы понять, какую огромную и сложную задачу взяло на себя правительство, надо представить себѣ только одно: преобразовать земельныя отношенія это значитъ войти во всѣ подробности хозяйственныхъ отношеній чуть ли не каждаго отдѣльнаго домохозяина, во всякомъ же случаѣ, въ каждомъ сельскіи обществѣ во всѣ мелочи, связанныя

съ земледѣльчествомъ, земельными участками, земельными слодами, со всѣмъ тѣмъ, что определяетъ собой хозяйственный укладъ каждаго домохозяина. Это значитъ не только составить всѣ необходимыя для каждаго дѣлной небольшой земельной единицы проекты землеустройства, но и исполнить эти проекты въ натурѣ, т.-е. обойти участки, перемерить, отмежевать, составить имъ точныя планы. А въдъ Россіи—шестая часть свѣта и основная часть этого колоссальнаго пространства вошла въ кругъ указанныхъ работъ.

Пришлось, во-первыхъ, создать на мѣстахъ рядъ особыхъ учрежденій, которые ближайшимъ образомъ вѣдали бы это дѣло; пришлось привлечь къ работѣ всѣ мѣстныя силы, какъ земскія, такъ и правительственныя; пришлось въ самый короткій срокъ образовать цѣлую армию земле-мѣровъ; пришлось, наконецъ, прозвезсти и весьма значительныя денежныя затраты. И правительство съ той же энергіей, съ какой приступило къ работамъ, вело ихъ не переставая весь этотъ рядъ лѣтъ, да ведетъ ихъ и сейчасъ. Начавъ работы, въ сущности, только въ 1907 году, правительство распорядило, напри-мѣръ, всего лишь двумястами землемѣрами; къ концу же 1911 года, т.-е. всего черезъ три года, въ его распоряженіи имѣлось уже свыше 5,000 землемѣрныхъ чиновъ. Образовавъ въ 1907 году одну за другой первыя 186 уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій, къ началу 1911 года правительство успѣло образовать еще 431 уѣздную комиссію да, кроме того, 47 губернскихъ. Можно, напри-мѣръ, установить, что на каждаго выѣзду земскаго начальника въ предѣлы своего участка, дѣлавшійся до начала землеустроительныхъ работъ, слѣго приходиться въ среднемъ около 8 выѣздовъ, какъ только начать эти работы. Не говоримъ уже, конечно, о размахѣ работъ, выпавшей на долю чиновъ крестьянскаго банка, о связанныхъ съ землеустройствомъ техническихъ работахъ, какъ, напри-мѣръ, работы по отысканію воды, по осушенію и т. д. При этомъ необходимо еще помнить,

что каждая землеустроительная работа, захватывая самым папушным интересом населения, затрагивает такое колл-чество разнообразных хозяйственных и правовых во-просов, что, по слову Гитлера: «смерть разь отмерь, одинь разь— отръжь», необходимо было не раньше приступать къ дѣлу, чѣмъ столкнувшись интересы оказались бы согла-пенными и всё недоумья и недоразумья выиснен-ными.

За четыре первыхъ годовыхъ периода (1907—1910 гг.) землемѣрныя работы уже закончены на площади, пре-вышающей семь миллионотъ десятиль, при чемъ за послѣд-ний изъ указанныхъ годовъ было сдѣлано въ 12 разь больше, чѣмъ въ первый. За одинь 1911 годь работы были закон-чены на трехъ съ половиной миллионлахъ десятиль. А какъ вообще пошло дѣло, можно видѣть изъ того, что къ 1 января 1912 года заявили требованя объ укрьпленіи земли въ личную собственность 2,6 миллиотъ домохозяевъ; окончателно же укрьпилось свыше 1½ миллиотъ (около 16% всѣхъ домохозяевъ) съ площадью земли въ 11½ мил-лионотъ десятиль¹⁾. Если считать, что первый годь работъ былъ больше или меньше подготовительный, то, слѣдова-тельно, указанные огромные результаты достигнуты всего за четыре года и то неполныхъ. Задно прибавимъ, что, несмотря на всѣ трудности дѣла, ветось оно въ такой мѣрь согласо съ интересами населенія, что общее коллчество жалобъ на дѣйствія землеустроительныхъ учрежденій не достигаютъ и одного процента всего числа исполненныхъ и сланныхъ населенію работъ

¹⁾ Интересно постепенный ростъ этихъ цифръ: въ 1907 г. были за-кончены землемѣрныя работы на 287, 683 дес.; въ 1908 г.—на 863, 787 д.; въ 1909 г.—уже на 2,567, 412 д.; въ 1910 г.—на 3,447, 297 десятилахъ. А вотъ ходъ заявленій объ укрьпленіи: въ 1907 г. поступило 221, 679 заявленій; въ 1908 г.—385, 310; въ 1909 г.—711, 553; въ 1910 г.—651, 011; въ 1911 г.—около 500 тысячъ.

IV.

Какъ только правительство объявило основанія своей землеустроительной реформы, революціонные элементы по-слѣдили установить, что, во-первыхъ, она безлюдна и, во-вторыхъ, что она неосуществима. Она безлюдна,—то-ворили они,—такъ какъ не прибавить населенію земли, а населенію только одно это и нужно; она неосуществима, такъ какъ уйдутъ изъ общины лишь немоты, община же въ дѣломъ, какъ исполное русское бытовое явленіе, не-сомнѣнно, устоитъ даже «передъ налгскомъ чиноуника». Впрочемъ, съ первыхъ же шаговъ правительственнаго па-чинанія стало выисняться, что указанія его противи-ковъ болѣе чѣмъ сомнительны. Такъ, за 1907 годъ было подано болѣе 200 тысячъ заявленій объ укрьпленіи земли, а въ 1909 году такихъ заявленій было подано уже свыше 700 тысячъ. Тогда дѣвые бросили свои первоначальные утвержденія и стали нападать на реформу уже съ иныхъ сторонъ.

Но прежде всего спросимъ: дѣйствительно ли такъ велико то малоземелье, о которомъ столько кричали и писали? У крестьянъ, которыхъ къ 1901 году въ 50 губер-нияхъ Европейской Россіи считалось до 30 миллионотъ душъ, имѣлось, кроме 121 миллиотна надѣльной земли, около 20 миллионотъ купленной. Итого, на наличную душу мужского пола приходилось въ среднемъ 4,72 десятища. Но, конечно, среди крестьянскихъ дворовъ имѣлась часть дворовъ многоземельныхъ, другіе дворя имѣли земли значительно меньше, у третьихъ земли и совсѣмъ было мало. Провизденными подсчетами устанавливается, что число малоземельныхъ дворовъ не превышаетъ 10—12% всего числа дворовъ. Правда, всё эти подсчеты относятся къ 1901 году, но къ моменту, когда началась землеустро-ительная реформа, т.-е. къ 1906 г., положеніе дѣла, если и измѣнилось, то развѣ къ лучшему, такъ какъ за это время

крестьяне купили при помощи банка еще около 5 миллионов десятин.

Таким образом, если можно было ставить вопрос о малоземельи, то только для незначительной части крестьянства. Однако, и тут стѣдовало помнить, что само по себѣ дополнительное надѣль вовсе не разрѣшаетъ бы вопроса: за что пришлось бы платить, а прирѣзка даже въ одну десятину на душу была бы поглощена приростомъ населения въ первые же десять лѣтъ.

Не малоземелье подрывало русскую деревню, а не полнее и крайне къ тому же несовершенное использование крестьянами своей земли. Давила община, отсутствовало творческое начало собственности, этотъ первоисточникъ серьезной работы и неслабанаго рвенія въ хозяйственномъ трудѣ. Создалось положеніе, при которомъ жизнь, номъ трудѣ. Создалось положеніе, при которомъ жизнь, ея все новыми и новыми требованиями, шла мимо и очень часто затрала. Выходъ изъ общины съ переходомъ къ собственности сразу между тѣмъ открываетъ широкіе горизонты и предлагаетъ нныя, новые, куда болѣе смѣлыя и плодотворныя пути для народнаго труда и жизни.

Противники землеустроительныхъ работъ правитель-ства разсуждаютъ, конечно, иначе. Такіе противники имѣются и стѣва, и справа. У нихъ неодинаковыя мотивы, но то, что они говорятъ, въ главнѣйшемъ совпадаетъ между собой. Дѣвые въ разрушеніи общины видятъ крушеніе той основной ячейки, которая легче всякой другой уложится бы въ рамки драматическаго ихъ воображенія социалистическаго идеала. Правые, глядя на разрушеніе общины, видятъ въ ней источникъ имъ патриархальной формѣ семейно-трудового уклада жизни. И у тѣхъ, и у другихъ имѣются искусственныя предвзвѣнія о крестьянской общинѣ, развѣ навсегда выработанныя, извѣстная оставленія безъ живой критической проверки, и, исходя изъ нихъ, они враждебно принимаютъ все, что ринуется имъ въ душу. Враждь съ этими предвзвѣніями. Дѣвые къ

тому же правдыно усмотрѣли, что правительственная реформа прозвѣтъ стѣдатель крестьянство менѣе воспринимчивымъ къ бунгамъ и митингамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они повѣли, что успѣхъ правительственной реформы имъ вообще невыгоденъ, такъ какъ онъ наглядно доказалъ бы населенію, что улучшенія своего положенія оно можетъ ждать только отъ правительства.

Вотъ почему выдуть объявлено такое количество горячихъ поклонниковъ и защитниковъ общины. Въ социальномъ числѣ правыхъ и, конечно, кадеты записались въ число этихъ защитниковъ. О кадетахъ стѣдуетъ упомянуть особо, такъ какъ ихъ роль въ данномъ вопросѣ совѣтъ не была. Для социалистовъ община—ядро будущей пролетарской республики, для части правыхъ община—оплотъ того крестьянства, которое, предполагается, какъ въстарь, такъ и во все вѣка будетъ говорить помѣщику: «мы—ваши, а вы—наши». Но кадеты? Въ эти присяжные повѣренные, привать-допенты, доктора безъ практики, сотрудники еврейскихъ листовъ, дѣльцы, суеверіи около еврейскихъ банковъ. По самой природѣ своей, по существу своихъ наклонностей и всей дѣятельности, они—индивидуалисты до мозга костей. И при томъ еще какіе. Они влюблены каждый въ собственное «я», и если серьезно что исповѣдуютъ, то только поклоненіе этому собственному «я». Отсюда вѣдь и беретъ начало ихъ особое страстное стремленіе къ личной свободѣ и къ столь преувеличенному толкованію правъ гражданина, при которомъ легко оказывается, что у гражданина нѣтъ никакихъ обязанностей. И выдуть эти столь опредѣленные индивидуалисты выкидываютъ флаги поклонниковъ и защитниковъ общины! Община—ихъ антиподъ, противоположный полюсъ, такая же крайность, какъ и ихъ вѣдущій до невѣроятныхъ размѣровъ индивидуализмъ. Очевидно, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что они за общину только потому, что правительственная земельная политика направлена противъ общины.

Нападая на землеустроительныя работы, всё эти про-
тивники земельной политики правительства указываютъ
главнымъ образомъ на то, будто, съ одной стороны, реформа
ведетъ къ обезземеленноу массъ, а съ другой, къ разочаро-
ваніямъ даже среди тѣхъ, кто въ началѣ увлеченъ было за
возможность выйти изъ общины. О послѣднемъ говоритъ не
приходится. Изъ чего собственно усматривается такое ра-
зочарованіе? Если изъ замѣтокъ въ дѣльныхъ листкахъ, то
вѣдь всё знаютъ, что такое дѣльные листки, и какъ неосновы-
тельны, а почти всегда и завѣдомо ложны ихъ писанія.
Между тѣмъ, цифры говорятъ, что и въ прошломъ, и въ
позапрошломъ году, да, судя по вѣсьмъ даннымъ, и въ ны-
нѣшнемъ, число новыхъ заявленій о желаніи укрѣпить
землю въ собственности не падало ниже полумилліона.
Свидѣтельствуетъ ли это о «разочарованіи»?

Что же касается упрека, будто землеустроительныя ра-
боты ведутъ къ обезземеленноу населенія, то это уже явное
нежеланіе считаться съ фактами. По существу, такой упрекъ
есть перелбывъ ходячей фразы, брошенной врагами покой-
наго П. А. Столыпина по поводу сказанныхъ имъ въ Дуль-
сгововъ о томъ, что государство должно опираться на силь-
ныхъ, а не на слабыхъ. «Оставка на сильныхъ»—съ этимъ
принципомъ возгласомъ тогда же стали настаивать на
правительство и настаиваютъ съ нимъ и нынѣ. Между
тѣмъ, правительство своимъ упоминаніемъ о «сильныхъ»
сказало только то, что и должно было сказать: борьба со-
степника за свой трудъ и благосостояніе закаляетъ силу,
а тотъ, кто не въ состояніи удержатъ за собою личную со-
бственность, тотъ непременно окажется еще менѣе закален-
нымъ въ общинѣ. Государство же, конечно, должно стре-
миться къ выработкѣ силы въ населеніи, а вовсе не сла-
бости. Государство помогаетъ слабымъ, но не опирается на
нихъ.

Впрочемъ, перейдемъ къ фактамъ. Такъ какъ часть
укрѣпленныхъ надѣловъ въ собственности, по случаю ли
переселенія, по случаю ли расширенія своихъ владѣній

путемъ покупки у крестьянскаго банка, продаютъ надѣлы,
то изъ этого хотятъ сдѣлать выводъ, будто бы, во-первыхъ,
«крестьяне вообще бросаютъ землю» и будто бы, во-вторыхъ,
«если и создана правительствомъ какая-либо сила, то только
сила скупщиковъ крестьянскаго банка». Цифры, однако,
говорятъ слѣдующее: въ то время, какъ крестьяне продали
до 1 января 1911 года около милліона десятинъ надѣльной
земли, они приобрѣли въ Сибири и Европейской Россіи
свыше 25 милліоновъ десятинъ. Въсѣтъ съ тѣмъ легко
установить, что продажа надѣльныхъ земель производится,
главнымъ образомъ, именно тѣми крестьянами, которые
расширяютъ свое землевладѣніе. Такъ, наибольшее число
надѣловъ и подворныхъ участковъ продано именно по тѣмъ
12 губерніямъ, которые занимаютъ первое мѣсто по пере-
селенію, а также и первыя мѣста по покупкѣ земель у банка,
отъ казны и у частныхъ лицъ.

Слѣдуетъ помнить, что крестьянамъ, переселившимся
въ Сибирь, приходится болышого частью продавать свои на-
дѣлы, чтобы достать денегъ на дорогу и на устройство въ
новомъ мѣстѣ. Покупка отрубныхъ участковъ у крестьян-
скаго банка и отъ казны также бываетъ связана съ прода-
жею надѣловъ. Конечно, полнато совпаденія нѣтъ, да и не
можетъ его быть. Иной подгавскій крестьянинъ покупаетъ
у банка отрубной участокъ въ Таврической губерніи, а
пензенскій крестьянинъ—въ Самарской. Но рѣчь идетъ
объ общемъ явленіи, разсматриваемомъ въ его дѣломъ, и
въ этомъ смыслѣ можно положительно утверждать, что
сдѣланное выше указаніе безспорно.

Но безспорно и другое: извѣстная часть крестьянъ,
правда, очень небольшая, которую надо считать немногими
тысячами, продаетъ свои надѣлы, чтобы совѣсть уйти изъ
земли. Этотъ фактъ, однако, и притомъ въ гораздо боль-
шихъ размѣрахъ, наблюдался и раньше. До 1906 года, по
съ той разницей, что тогда не продавали надѣловъ, потому
что продажа не позволялась, а либо бросали ихъ, либо за-
кабалали при помощи всевозможныхъ сдѣлокъ. Если часть

этих бросавших землю крестьянъ, дѣйствительно при-
надлежитъ къ числу тѣхъ «слабыхъ», въ защиту которыхъ
ведется вся эта крика правительственныхъ работъ по
землеустройству, то зато другая часть состоитъ изъ лицъ,
уже давно нашедшихъ божье выродныя занятія и только
жгавшихъ укрѣпленія за собой земли, чтобы съ выгодой
для себя продать ее.

Говорятъ еще о скупщикахъ надѣловъ. Это также не-
вѣрно. Существоуютъ закономъ указанные предѣлы для со-
средоточенія надѣльной земли, и предѣлы эти очень тѣсны:
шесть вышнихъ или указанныхъ надѣловъ въ великороссій-
скихъ губерніяхъ, два семейныхъ участка въ Бессарабской
губерніи и т. д. Нападающіе на реформу увѣряютъ, будто
нормы эти обходятся разнообразными способами. Но обойти
ихъ очень трудно, такъ какъ старшіе нотаріусы внимательно
слѣдятъ за соблюденіемъ требованій закона и не утвер-
ждаютъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ съ наруше-
ніемъ этихъ требованій.

Число продавцовъ надѣльныхъ участковъ къ 1 октября
1911 года составляло 345,560, а число покупателей—324,876.
Если бы продаваемые надѣлы попадали къ скупщикамъ,
то число покупателей было бы, конечно, во много разъ
меньше, чѣмъ число продавцовъ.

Высказывается тогда подозрѣніе, будто подвезетъ по-
купниковъ дѣтей не именной, а по каждой сѣнѣ без-
лично. Но тогда число покупателей совпадало бы съ
числомъ продавцовъ; между тѣмъ такого совпаденія также
нѣтъ; наоборотъ, въ однихъ уѣздахъ наблюдается превы-
шеніе числа продавцовъ, а въ другихъ—превышеніе числа
покупщиковъ.

Нападаютъ на реформу и съ другихъ сторонъ. Увѣ-
ряютъ, напримеръ, что чуть ли не вся она дѣлкомъ ве-
дется принудительно, при помощи чиновниковъ, желаво-
щихъ выслужиться передъ начальствомъ. Во-первыхъ,
кромѣ чиновниковъ, къ дѣлу привлечены и общественными
мѣстными силъ, и дѣло ведется на глазахъ у всѣхъ; во-вто-

рыхъ, какими бы магамъ и чародѣями ни представлялись
въ дашномъ случаѣ чиновники, слѣдуетъ все же думать, что
не чиновникамъ усердіемъ можно объяснить хотя бы тотъ
уже сообщенный выше фактъ, что за четыре съ половиною
года 2,6 милліона домохозяевъ или почти четверть всѣхъ
домохозяевъ-общинниковъ подали заявленія о желаніи
выйти изъ общины. Наконецъ, въ-третьихъ, отчего же
почти нѣтъ жалобъ на этихъ чиновниковъ, если они, дѣй-
ствительно, несправедливы? Быть можетъ, скажутъ, что
населеніе боится жаловаться? Но тогда слѣдуетъ напоми-
нить, что именно въ земельныхъ дѣлахъ русское крестьян-
ство необычайно стойко держится за то, что правильно
либо неправильно считаетъ своимъ правомъ. И раньше,
когда ни о какихъ свободахъ не было и помина, крестьяне
съ исключительной энергіей шли со своими жалобами во
всѣ инстанции, до вышнихъ въ томъ числѣ, нзъ-за полудеся-
тины дѣтъ, изъ-за опущенія дѣла, изъ-за самага малюга кючка
пашни. Почему же вѣдутъ теперь стали бы они путаться,
когда идетъ рѣчь о полномъ переустройствѣ земельныхъ
отношеній, теперь, когда рѣдкіи изъ крестьянъ не отдадутъ
себѣ отчета въ томъ, что наступили нынѣ, куда болѣе сво-
бодныя времена?

Особенно, конечно, нападаютъ на хутора. Протестуютъ
почему-то вообще противъ хуторовъ, а затѣмъ къ случаю и
безъ случая бросаютъ правительству упрекъ въ томъ, что
оно выоблено въ хутора и стремятся всю Россію заселить
по хуторамъ. Что представляетъ собою этотъ вопросъ въ
дѣйствительности? Существоуютъ разныя формы землеустрой-
ства, но всѣ ихъ можно подвести подъ два главныхъ разряда:
землеустройство групповое и землеустройство индивидуаль-
ное. Первое имѣетъ все значеніе промежуточной формы,
такъ какъ имъ создается только извѣстная возможность,
въ случаѣ желанія населенія, перейти въ будущемъ уже къ
единоличному землепользованію. Групповое землеустрой-
ство состоитъ въ разверстаніи чрезвычайности тѣхъ се-
леній, которыя, при освобожденіи, получили надѣлы по

одному общему плану, а также въ выдѣлѣ отдѣльных надѣловъ частямъ селеній и выселкамъ. Единичное землеустройство—форма болѣе совершенная. Цѣль этого вида—образовать изъ состава надѣльных земель единичныя выдѣлныя. Совершается оно двумя способами: разверстаніемъ дѣльныхъ сельскихъ обществъ на отрубныя и хуторскія выдѣлныя и выдѣломъ къ одному мѣсту надѣльной земли отдѣльныхъ домохозяевъ.

Такимъ образомъ, тѣ хутора, которыми такъ колотятъ глаза правительству, хотя, въ сущности, никакъ нельзя считать, почему слѣдуетъ это дѣлать,—хутора являются лишь одной изъ формъ землеустройства. Если она признается наиболѣе совершенной, то происходитъ это вовсе не потому, что правительству или вообще кому-то такъ нравится, а потому, что она, въ дѣйствительности, наиболѣе совершенна. Хуторъ это такой участокъ, въ которомъ объединены всѣ земли одного двора, какъ поля, такъ и покосы, выгоны, дѣвст. Усадьба расположена тутъ же, преимущественно въ центрѣ полей, такъ что все передъ глазами, надзоръ легокъ, потеря времени на проѣздъ свѣдѣла почти къ нулю. Нѣтъ никакой чрезвожности, и хозяйственной энергии и вообще выдумкѣ представляется полная свобода.

Но не вездѣ возможны хутора, какъ, съ другою стороны, не всякій хочетъ на хутора да и не всякій способенъ сѣсть на хуторъ. Все это отлично учитывается, и, если иногда и дѣлается ошибка, то только по исключенію и при томъ весьма рѣдкому. А какъ отъывается на этотъ вопросъ само населеніе можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго: если принять число организованныхъ въ 1908 году хозяйствъ на надѣльныхъ земляхъ за единицу, то уже за 1910 годъ эта единица превратилась въ 51, а за 1911 годъ увеличилась еще въ полтора раза. Будь эта хозяйственная форма—до сужее изобрѣтеніе или вообще что-либо мало жизненное, очевидно, населеніе не принимало бы ее такъ охотно и въ такой массѣ.

На это говорить: если народъ и идетъ на хутора, то только потому, что правительство «заискиваетъ хуторныя дельгамп». Совершенно неосновательное соображеніе. Во-первыхъ, суда только четверть всѣхъ такихъ домохозяевъ обращается за помощью, а удовлетворяются просьбы едва половины этой четверти; во-вторыхъ, та помощь, которая оказывается, неизмѣнно обуславливается требованіями, за которыми нельзя не признать несомнѣнное государственное значеніе. Такъ, ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы получающій суду, дѣйствительно, приступилъ къ улучшенію земельного пользованію, а если суда испрашивается на отдѣльныя надѣлости, то размѣръ суду всегда строго согласовывается съ дѣйствительно производимыми затратами.

Если цифры и факты, дѣйствительно, уцѣль насъ чему-нибудь, то нельзя не обратить вниманіе, наприимѣръ, на слѣдующее: уже на третій годъ съ начала реформы среди огромнаго количества заявленій о желаніи укрупнить землю въ собственности замѣтно стали преобладать требованія о единичномъ устройствѣ, т.-е. о болѣе совершенномъ. Преобладаніе это достигло 12⁰/₀. Очевидно, само населеніе прониклось той мыслью, что, если имѣется хоть какая-нибудь возможность сразу перейти на хутора и отрубъ, то откладывать дѣло не слѣдуетъ. Сознаніе собственной пользы, а не какія-либо постороннія причины толкаютъ население на указанный путь.

Все это, однако, рисуетъ только одну сторону земельно-устроительныхъ работъ, ту, которая имѣетъ своимъ предметомъ надѣльныя крестьянскія земли, уже бывшія у крестьянъ до момента реформы. Работы между тѣмъ ведутся и въ другомъ направленіи: принять рядъ мѣръ къ расширенію площади крестьянскаго землеустройствъ. Эти мѣры состоятъ, главнымъ образомъ, изъ сдачи въ аренду и передачи казенныхъ земель, изъ заботъ о переселеніи и, наконецъ, изъ посреднической дѣятельности крестьянскаго банка.

Всегда и раньше казенныя земли являлись тѣмъ фондомъ, изъ котораго, въ случаѣ нужды, выдѣлялись участки для

нужды крестьянского земледельца. Особенно же определенно выразилось это в предоставлении крестьянам сельскохозяйственных льгот по аренде казенных земель и оброчных статей. Особым законом в конце 1906 года, в связи с общей реформой землеустройства, была организована продажа казенной земли в виде участков, укрупняемых в личную собственность, а также на них вдала была поставлена сдача казенной земли в аренду. Эти новшества начали вводиться к тому, чтобы каждый сдаваемый в аренду участок был пригоден для улучшения пашо хозяйства. Участки предварительно обводнились, мелиоративно-высупивались, к ним проводились дороги, расчищали на участках дрова, выкорчевывали пашню и т. д. За 1907—1910 г. г. таких участков приготовили и сдали в аренду до четырех миллионов десятин. Продали же крестьянам за то же время около 280 тысяч десятин, при чем из них 259 тысяч перешло в руки 15 тысяч хуторян и отрубников.

Средняя покупная цена равнялась 102 рублям за десятину. Больше половины этих покупателей пришлось на долю безземельных и малоземельных. Как правило, каждый покупатель вносит при покупке задаток в размере 5% покупной цены, но малоземельным дались льготы, а иногда и совсем освобождали их от обязанности вносить задаток. Заслуживает внимания, что в последние годы все сдвинутое с таких покупателей платят, в общем, поступали вполне исправно.

Что касается переселения, то и в этом отношении сдвигано очень много. Вопрос, который стояло быть считался болыным, по всем данным, заметно налаживается. То, что прежде составляло обидное явление, а именно—стремление переселенцев вернуться на родину, коверка с мбета на мбета, всякого рода осложнения в пути к мбету переселения, отсутствие стройной и заботливой организации,— все это дблается постепенно рбкнать исключенель. Движение возможности подойти к разрешению даже наиболее

сложного вопроса, который, как кладь, не давался в руки столько дбть. Это—предварительная болбе тщательная подготовка участка для переселенцев. Так как все время волна переселенцев была весьма значительна, то управление просто не успевало ничего как сдвдуть подготовить. Теперь же, послб того, как земельная реформа привела к болбе нормальному положению земледельца внутри страны, переселение естественно сократилось; естественно явилась возможность заняться всеми необходимыми работами по приведению нарбзаемых переселенцам участка в болбе хозяйственный вид. Считая в круглых цифрах, переселение за эти шесть дбть дало населению около 18 миллионов десятин новой годной для обработки земли, да сверх того 4 миллиона десятин уже зачислены ходаками.

Не меньшее значение, конечно, имбла дбтельность крестьянского банка. Сл первого же момента, как только правительство приступило к землеустроительной реформе, к работам был привлечен и банк. Ему была поставлена такая задача: не выказывая искусственного уменьшения частного земледельца, ни поднятия дбнь на землю, а вмбстб с тбм препятствуя скупке земель спекулянтами, образовывать болбе или меньше значительный запас, который был бы затбм постепенно распродавать крестьянам, но непременно в полном согласии в проводимыми государством землеустроительными началами. Задача была весьма трудной, если принять во внимание, сь одной стороны, тб исключительная общия условия, при которых она начиналась, когда села и деревни были охвачены смутой, население, смущенное революционными элементами, жадало даровой земли, помбщичьи же земли прозвали перейти за безценок в руки скупщиков. Сь другой же стороны, необходимо вспомнить, что задача эта, требовавшая огромных средств, а момент был совершенно неблагоприятен для столь сложной финансовой операции.

Тѣмъ же мѣнѣе банкъ справился съ поставленной ему задачею. За всѣ эти годы по 1 ноября прошлаго года банкъ приобрѣлъ 4 милліона десятинъ, заплативъ въ среднемъ 105 рублей за десятину ¹⁾. Предложено же было къ покупке за то же время около 14 милліоновъ десятинъ, при средней цѣнѣ въ 138 рублей. Слѣдовательно, банкъ купилъ далеко не все, что ему предлагали, а съ болышмиъ разборомъ, по соображенію съ основными началами той задачи, которая была ему дана. Очевидно также, что банкъ не вызывалъ своей дѣятельностью повышенія цѣны, какъ, съ другой стороны, и не ронялъ ихъ искусственно.

За то же время банкъ продалъ крестьянамъ около 2,5 милліона десятинъ, изъ которыхъ около 2 милліоновъ были куплены отдѣльными домохозяевами.

Если припомнить къ составнымъ частямъ всѣхъ этихъ цифръ, то бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство: первые три года значительно впередъ шла покупка земель, а послѣдніе три года—продажа. Первое объясняется тѣмъ, прежде всего, что постепенно сокращалось предложеніе со стороны частныхъ вкладчиковъ. Продають сейчасъ уже только тѣ, кто, по какимъ-либо чисто экономическимъ основаниямъ, находитъ это для себя желательнымъ. Тѣ особы обстоятельства, которые имѣли мѣсто въ разгаръ смуты или находились въ связи съ пей, отпали. Второе же объясняется тѣмъ, что крестьяне все охотнѣе и охотнѣе приобретаютъ землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и банкъ, съ своей стороны, уже располагаетъ возможностью предложить покупателямъ совершенно готовые въ хозяйственномъ отношеніи участки, обмежеванные, обезпеченные водой, путями сообщенія и т. д. Изъ этого же мы видимъ, что среди населенія, въ самой глубинѣ его, образовались уже совершенно опредѣленные теченія, создающія всю выгоду единоличнаго владѣнія.

¹⁾ По годамъ эта общія цифра распределяется слѣдуящимъ образомъ: въ 1906 г.—1.144.461, въ 1907 г.—1.519.848; въ 1908 г.—572.082; въ 1909 г.—172.855; въ 1910 г.—172.189 десятинъ.

дѣнія. Можно, напримеръ, установить, что первоначально въ губерніяхъ съ преобладающимъ общиннымъ укладомъ хутора и отруба раскупались только наиболѣе предпримчивыми крестьянами; постепенно, однако, начался болѣе усиленный спросъ на хутора и отруба, а въ послѣднее время отмѣчается уже общій и весьма широкій спросъ.

Изъ общаго земельного запаса, образованнаго за эти годы банкомъ, осталась не проданной только сравнительно уже небольшая площадь: въ милліонъ сѣмидесяти десятинъ; половина этого запаса, однако, уже приготовлена къ продажѣ.

Пользуясь случаемъ, слѣдуетъ тутъ же напомнить, что, осуществляя всю эту громадную задачу, банкъ въ то же время и при томъ въ весьма крупныхъ размѣрахъ судьяствовалъ цѣлымъ землеустройству еще и путемъ выдачи ссудъ крестьянамъ. Выдавались ссуды и тогда, когда крестьяне покупали землю по добровольному соглашенію съ продавцами, и тогда, когда, при покупкѣ земель безъ ссуды, банкъ, нужно было обезпечить долги по покупкѣ, и, наконецъ, подъ надѣльными землями.

Послѣдняя операція сравнительно незначительна, такъ какъ она не доходитъ и до милліона рублей въ годъ; самая же значительная, конечно,—первая операція. За послѣдніе годы такихъ ссудъ выдается въ среднемъ около 6,7 милліоновъ въ мѣсяць, что выражается собой сдѣлки по покупкѣ крестьянами почти 46—66 тысячъ десятинъ земли ежегодно. При этомъ онытъ-таки отмѣчается все то же явление; изъ году въ годъ все опредѣленнѣе растетъ число единоличныхъ покупокъ. Если, напримеръ, въ 1907 году единоличныхъ ссудъ было выдано подъ 7 тысячъ десятинъ, то въ 1910 году такихъ ссудъ было выдано уже подъ 153 тысячъ, а за 7 мѣсяцевъ 1911 года—подъ 124 тысячи десятинъ. Въ 1907 году такихъ единоличныхъ сдѣлокъ было совершено всего 543, а въ 1910 году уже почти 15 тысячъ и въ 1911 году—около 20 тысячъ.

Если теперь мы сведёмъ къ одному всё тѣ данныя, которыя были приведены выше, то получимъ въ общемъ слѣдующій выводъ: кромѣ того, что крестьянство получило въ эти годы широкую возможность перейти къ лучшимъ, болѣе выгоднымъ и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе плодотворнымъ формамъ земледѣлія, въ ихъ собственность поступило свыше 25 милліоновъ десятинъ такой земли, которая рѣшше принадлежала или казнѣ, или помещикамъ.

Каково значеніе этого вывода, пусть читатели судятъ сами. Мы же прибавимъ только одно: въ то время, какъ у насъ въ извѣстныхъ кругахъ, считающихъ себя особо предназначенными выступать въ роли народолюбцевъ, считается признакомъ хорошаго тона всячески придирается къ землеустроительной реформѣ и поносить ее, на Западѣ уже образовалась дѣлая литература, посвященная всестороннему и глубокому изученію вопроса. Десятки извѣстныхъ ученыхъ, англичанъ и нѣмцевъ, тщательнo слѣдятъ за всѣми матеріалами по реформѣ, шлютъ запросы о подробностяхъ, а многие призываютъ въ Россію, чтобы лично на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ. Иначе не отзывается на Западѣ объ этой реформѣ, какъ объ «катѣ первой исторической важности». Какъ высказался оцпнть изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса, берлинскій профессоръ Максъ Зерингъ, эта реформа является «залогомъ величайшаго будущаго Россіи».

Профессоръ Зерингъ судитъ о реформѣ не только по печатнымъ матеріаламъ, но и по личному знакомству съ положеніемъ дѣла. Онъ объѣздитъ нѣсколько губерній и, какъ самъ говоритъ, стараясь видѣть не только то, что охотно показываютъ, но и то, что охотнѣе прятать. Свои впечатлѣнія онъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя онъ развѣшилъ обнародовать:

— Ничего подобнаго я не ожидалъ! Я былъ прямо пораженъ! Столъ блестящій резултъватъ чрезвычайной импонируетъ мнѣ. Въ такой сравнительно короткій срокъ совершена колоссальная работа, съ которой не могли бы такъ

бистро и легко справиться даже наши чиновники. Я проникъ къ дѣлу земельной реформы и ея руководителямъ и работникамъ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ. Съ которыми изъ нихъ я лично познакомился и много бесѣдовалъ. Они произвели на меня самое лучшее впечатлѣніе. Бодрые, энергичные люди, горячо вѣрующіе въ свое дѣло и преданные ему всей душой. Также бравый народъ и хуторяне. Какіхъ великодушныхъ молодцовъ нашелъ я среди нихъ! Сколько воли и рѣшимости! Вотъ въ такихъ-то людяхъ и нуждается Россія! Изъ личнаго разговора съ хуторянами я убѣдился, что они рады выходу изъ общины и вполне довольны новымъ положеніемъ.

Профессоръ Зерингъ увѣреть, что, благодаря реформѣ, черезъ какихъ нибудь тридцать лѣтъ Россія будетъ неузнаваема. Онъ сравниваетъ насъ съ тѣмъ богачомъ, который долго не зналъ, какъ немѣнно онъ богать. Реформа землеустройства откроетъ ему глаза. Говоря о противникахъ реформы, профессоръ Зерингъ высказалъ слѣдующія мысли:

— Указываютъ, — сказалъ онъ: — во-первыхъ, что реформа проведена слишкомъ радикально. Но поступить иначе было невозможно. При сложившемся положеніи вещей медлить было нельзя. Радикализмъ реформы — историческая необходимость. Земельная реформа въ Германіи была проведена столь же радикально. Нашъ земельный законъ 1821 года былъ еще радикальнѣе русскаго, и его сматывали только позннѣ, около 1830 года. Во-вторыхъ, заявляютъ, что реформа эта создастъ земельный пролетариатъ. Да, таковой можетъ оказаться, какъ неизбежное зло. Однако, останавлываться передъ этимъ не слѣдуетъ. При хуторскомъ хозяйствѣ создадутся, несомнѣнно, совершенно новыя хозяйственныя отношенія и формы производства. Для сельскаго же пролетаріата откроется возможность приложенія его рабочихъ рукъ.

Споры съ противниками земельной реформы убѣдили профессора Зеринга, что онъ — враты не столько изъ убѣжденія въ несостоятельности реформы, сколько изъ прин-

пиша, какъ послѣдователи коммунистической теоріи, отрицающей индивидуализмъ.

Возвратившись въ Берлинъ, профессоръ Зерингъ сдѣлалъ докладъ о своихъ наблюденіяхъ надъ русской земельной реформой. Онъ сдѣлалъ его въ королевской прусской экономической коллегіи, и эта послѣдняя, выслушавъ профессора, особой резолюціей обратилась къ своему правительству съ ходатайствомъ, чтобы оно, сдѣлая примѣру Россіи, «проявило болѣе энергичную инициативу въ дѣлѣ увеличенія мѣлкаго и средняго земледѣнія».

V.

Но землеустройство—рама, которая ждетъ картинны; та болѣе совершенная форма отношенія къ землѣ, которая открывается неотраченными возможностями къ поднятію сельского хозяйства, къ его развитію и пролѣтанію. Но, чтобы обратить эти возможности въ реальный фактъ, предстояло начать одновременно еще одну огромную и трудную работу: организовать всестороннюю агрономическую помощь, озабочиться насажденіемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, вызвать интересъ къ улучшенному хозяйству, убѣдить въ необходимости отказатья отъ устарѣвшихъ приемовъ работы и т. д., и т. д.

Быть можетъ, съ этого и сдѣлало начать? Увѣряютъ, что, если бы агрономическое развитіе населенія предшествовало землеустроительной реформѣ, результаты этой послѣдней были бы неизмѣримо болѣе плодотворны. Можетъ быть. Но необходимо считаться съ реальными фактами: начиная съ освобожденія крестьянъ и вплоть до землеустроительныхъ работъ послѣднихъ времени было слишкомъ мало сдѣлано для болѣе или менѣе серьезнаго развитія сельского хозяйства и техники. Мѣры, которыя въ этомъ отношеніи вѣра отъ времени припалались, носили характеръ случайности, безсистемности. Не существовало даже основъ

сколько-нибудь стройной организациі, и, если вообще шла въ этомъ направленіи какая-либо работа, то велась она поспѣшно, скорѣе въ видѣ опытовъ, чѣмъ съ опредѣленной цѣлью создать нѣчто опредѣленное, законченное.

Правительство дѣлало болѣе, чѣмъ земство, но и правительственная работа оставалась желать много лучшаго. Земство же, ушедшее, главнымъ образомъ, въ политиканство, не столько заботилось о развитіи сельского хозяйства, сколько стремилось доказать важную для его политическіихъ замысловъ мысль, что при существующемъ государственномъ строеѣ никакое болѣе или менѣе серьезное развитіе сельского хозяйства вообще невозможно. Главный свѣтъ направлялся на установленіе фактовъ, свидѣтельствующихъ о печальныхъ сторонахъ пароднаго хозяйства, а вовсе не на принятіе мѣръ къ его подъему и развитію. На всѣхъ обывахъ, что на одного крестьянина приходится четверть лошади, по пѣ дѣлали ничего, чтобы крестьяншиль мотъ, на-копечъ, дожить до обладанія цѣлой лошадыю.

При такихъ условіяхъ начинать дѣло съ этого конца было бы непростительной ошибкой. Не говоря уже о томъ, что это означало бы отложить землеустроительную работу на неопредѣленное и весьма продолжительное время, пришлось бы считаться и съ рядомъ другихъ весьма важныхъ препятствій. Прежде всего, конечно, при общинномъ земледѣніи всякое хозяйственное нововведеніе прививается съ трудомъ, а многія изъ нихъ и вообще возможны только при условіи, что въ пользу новаго порядка выскажется вся община. Кроме того, крестьянское хозяйство таково, что само по себѣ, путемъ естественнаго развитія, оно улучшается развѣ лишь десятилѣтіями, да и то съ огромнымъ трудомъ. Нуженъ былъ перемѣнно вполне опредѣленный и очень сильный толчокъ, чтобы основная крестьянская масса зашевелилась, осмотрѣлась вокругъ себя и сознала, что настала пора искать новыхъ хозяйственныхъ путей.

Землеустроительная реформа и явилась такимъ толчкомъ. То, что потеряно для землеустроительныхъ работъ

отъ сравнительнаго неустройства агрономическаго дѣла, съ избыткомъ наверстано въ агрономическомъ отношеніи, такъ какъ реформа пробудила деревню, а пробужденіе это со-здало благопріятную почву для воспріятія новыхъ началъ сельско-хозяйственнаго труда.

Къ разрѣшенію вопроса было приступлено сейчасъ же послѣ перваго законченнаго полевого періода землеустрои-тельныхъ работъ. Вышедшіе изъ общины были центромъ вниманія. Предполагалось, что ихъ положеніе въ агрономи-ческомъ отношеніи не только тяжелѣе, но и отвѣственнѣе. Это были тѣ, кто рѣшился начать новую жизнь. Необходимо было немедленно прійти къ нимъ съ указаніями, совѣтами, помощью. Такимъ путемъ не только поддерживалось каждае новое хозяйство, но и кладаось основаніе вообще новой эпохѣ въ исторіи нашего крестьянскаго хозяйства. Что же касается оставшихся въ общинѣ, то и они, само собой разу-мѣется, не исключались отъ крута заботъ, но понималось, что все равно, въ силу причины, лежащихъ въ фактѣ общин-наго землепользованія, эта часть населенія будетъ имѣть возможность пользоваться помощью только частично. По-нималось имѣть съ тѣмъ, что съ постепеннымъ развитіемъ землеустроительныхъ работъ число общинниковъ будетъ все уменьшаться, а, стѣдовательно, если не сейчасъ, то вскорѣ все, что дѣлается для выходящихъ изъ общины, окажется сдѣланнымъ въ расчетъ на основную массу на-селенія.

Правительство и земство пошли рука объ руку. Строй-ная система мѣръ была выработана въ самый короткий срокъ и немедленно же стала проводиться въ жизнь. Съ одной стороны, было двинуто впередъ дѣло устройства опытныхъ, а главное — показательныхъ хозяйствъ и по-лей; съ другой — были проявлены усиленные заботы о раз-витіи сельско-хозяйственнаго образованія; наконецъ, было обращено самое серьезное вниманіе на развитіе мѣръ непо-средственной агрономической помощи. Сюда относятся со-зданіе участковой агрономической организации, заботы о

развитіи различныхъ специальныхъ отраслей хозяйства, введеніе въ крестьянскій обиходъ лучшихъ орудій и машинъ, удобрительныхъ туковъ, лучшихъ приемовъ работъ; сюда же относятся и организація разныхъ курсовъ, чтеній, сло-вомя, все то, что можно назвать вышколаемымъ наскажде-ніемъ сельско-хозяйственныхъ знаний.

Обратимся къ цифрамъ. Не будемъ вспоминать о тѣхъ insignificantныхъ суммахъ, которые тратились правитель-ствомъ на агрономическую помощь въ предкитія времена. Достаточно указать, что еще въ 1909 году, т. е. въ первый годъ, когда все это дѣлание началось, было ступлено на дѣло агрономической помощи всего 2,3 милліона. Но уже въ слѣдующемъ году было отпущено 4,5 милліона, въ 1911 году — 9 милліоновъ, а въ 1912 году — 12,7 милліона. Иначе говоря: за четыре года размѣръ ассигнованій увеличился почти въ шесть разъ. Въ то же время земства, которыя тратили еще въ 1906 году всего по всей земской Россіи на все свои экономическія мѣропріятія только 3,5 милліона, уже въ 1911 году ассигновали около 10 милліоновъ. Да сверхъ того, за послѣдніе четыре года почти на 10 милліоновъ они увеличили оборотные капиталы своихъ сельско-хозяй-ственныхъ складовъ и другихъ экономическихъ операцій. Если бы въ нашемъ распоряженіи имѣлись только эти цифры, то и тогда мы имѣли бы право на совершенно опре-дѣленные выводы: такія новыя крупныя затраты, направлен-ныя къ одной дѣли, произведенныя съ такой рѣшительной энергіей, не могли остаться безрезультатными; эти затраты непременно должны были дать плоды, хотя бы еще и не представлялось возможнымъ теперь же произвести имъ полный учетъ.

Особенно это ясно, если ближе присмотрѣться къ тому, что было сдѣлано на указанные милліоны. Уже къ началу 1911 года, а, стѣдовательно, всего за два съ половиною года, въ распоряженіи правительства и земства имѣлось около 1000 новыхъ спеціалістовъ, изъ которыхъ болѣе 700 обла-дали агрономическимъ образованіемъ, остальные же со-

стояли при них въ качестве помощниковъ и практикантовъ. Было устроено 1800 показательныхъ хозяйствъ и полей и около 6,000 показательныхъ участковъ. Было организовано около 700 пунктовъ для отпуска сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, 800 зерноиспытательныхъ, калевротерочныхъ и молочныхъ пунктовъ, 700 случныхъ пунктовъ для крупнаго рогатаго скота. Въ 1911 году эти цифры сразу вырастаютъ, а въ некоторыя изъ нихъ и весьма значительно. Такъ, агропомощескій персоналъ удваивается, число показательныхъ хозяйствъ доводится до 6,000, а число показательныхъ участковъ до 21 тысячи. Кто жидь въ деревнѣ и знаетъ ее, тотъ, конечно, отлично пойметъ реальное значеніе этихъ огромныхъ цифръ. Каждый показательный участокъ, каждый специальный агропомощескій пунктъ обезпечиваетъ дѣтяю округу, и, слѣдовательно, рано или поздно, сотни крестьянскихъ хозяйствъ оказываются приобщенными къ тѣмъ улучшениямъ и усовершенствованиямъ, къ тому новому и полезному, что несутъ съ собою знаніе и опытъ.

Конечно, еще рано подводить итоги. Два-три года это не срокъ для того, чтобы дѣлать рѣшительные выводы въ такого рода огромныхъ и сложныхъ явленияхъ. Но что уже не только можно, а и должно сдѣлать, это—установить, въ какомъ направлеініи идетъ работа, и на что мы въ правѣ рассчитывать въ будущемъ. Напримеръ, возмемъ хотя бы показательныя хозяйства. Они, конечно, не могутъ обнаружитъ силу своего вліянія на ходъ крестьянскаго хозяйства раньше завершенія перваго цикла сѣвооборота, когда въ полной мѣрѣ проявится польза правильнаго чередованія полей и обнаружится повышеніе урожаевъ, вызванное введениемъ пропашихъ культуръ, посѣвомъ расечей, обработкой почвы азотомъ, и увеличеніемъ удобренія, въ результате естественнаго развитія въ показательномъ хозяйствѣ скотоводства. Но уже и теперь достигнутые результаты довольно значительны. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а главнымъ образомъ тамъ, гдѣ работа по устройству показав-

тельныхъ хозяйствъ и полей началась не въ 1909 году, а съ 1908 года, и гдѣ, слѣдовательно, показательныя мѣропріятія имѣютъ за собою уже нѣсколько лѣтъ, вліяніе успѣло сказаться достаточно опредѣленно; показательныя поля и хозяйства сумѣли заинтересовать крестьянскую массу и вызвали неоднократные случаи подражанія и перехода къ болѣе обширной культурѣ. Къ числу такихъ губерній относятся, напримеръ, Киевская, Подольская, Пензенская и др.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ. Къ устройству показательныхъ полей по Киевской губерніи приступлено съ весны 1909 года, при чемъ къ началу 1910 года устроено всего 60 полей. Сначала населеніе относилось къ показаннымъ полямъ равнодушно, надъ хозяевами этихъ полей подсмѣивались и путали ихъ тѣмъ, что земство выщепъ погоня за всю оказанную имъ помощь въвое. Были даже случаи враждебнаго отношенія населенія къ хозяевамъ показанныхъ полей, высказывались опасенія, что «изъ-за одного придегся спрэдать всема», такъ какъ земство потомъ увеличитъ налоги. Иногда поля нарочно выжигались скотомъ, чтобы принудить хозяина отказатьсь отъ своей «сѣтви». Тѣмъ не менѣе крестьяне зорко присматривались къ тому, что дѣлалось на показательныхъ поляхъ, и повертали все сдѣланное строгой критикѣ. Когда оказалось, что посѣвы на показательныхъ поляхъ лучше, чѣмъ у окружающихъ крестьянъ, то послѣдніе уже начали сами обращаться къ агрономамъ за разъясненіемъ причинъ замѣченныхъ улучшеній, а когда урожаи на показателяхъ потъ оказывались наилучшими во всей мѣстности, то крестьяне начинали завидитъ различныя улучшения у себя.

Прежде всего крестьяне обратили вниманіе на пользу рядового посѣва; это видно уже изъ того, что спросъ на рядовыя сѣялки па прокатныхъ станціяхъ сразу возросъ. Весною 1909 года рядовыхъ сѣялокъ крестьяне почти не брали напрокатъ; для ознимато посѣва спросъ этотъ замѣтно окнялся, а весною прошлаго года па многихъ прокатныхъ

станциях пришлое значительно увеличилось. Съятки брались не только напрокат, но и покупались, главным образом, конечно, через посредство земских складов.

Вместе с тем стали обращать внимание на посевное зерно. На показателях полей в 1909 году были посеяны хорошие смена, хорошие сорта, и зерно получило высокого качества. Крестьяне почти везде заучали смена у хозяев показательных полей и, кроме того, начали очищать собственное зерно на земских триерах. В 1908 году на них прокатных станциях триера почти совсем не работали, а в 1909 году на многих станциях очищалось по 2—2½ тысячи пудов. Начали крестьяне обращать внимание и на обработку полей, и в прошлом году уже у многих хуторян и отрубников, как свидетельствуют с места, были заведены ранние пары. И это не единичные случаи; ранние пары наблюдались почти везде, тем в этом могла быть хозяйственная надобность. Начинают правильно применять навоз на удобрение. Замечается применение железных борон, экстрагаторов и даже лущильников. Эти орудия не только берут напрокат, но и покупают из земских складов. Начинают развиваться посевы клевера почти во всех уездах, тем он был посеян на показательных полях и участках. Укрепление ствдовать примру показательных полей замечается у крестьян и во времени производств одельных работ.

Все отчеты агрономов говорят о случаях обращения к ним крестьян с просьбой разбить поля и завести пакой же сивооборот, как в показательных хозяйствах. Нередки случаи, когда хозяин показательного поля советует собирать на себя всеобщее внимание и когда у него начинают собираться, особенно по праздникам, много хозяев; ведутся безконечные разговоры о всяких улучшениях, проводимых показательными полями, при чем к словам хозяина прислушивается не только молодежь, вообще бо-

же отзывчивая, но и старики, прежде отрицавшие необходимость каких бы то ни было улучшений.

В Подольской губернии, например, в 1906 году было организовано два показательных поля, но в 1907 году было устроено уже 3 поля, в 1908 году—12 и в 1909 году—38, таким образом, к началу 1910 года в Подольской губернии было организовано всего 55 показательных полей.

Крестьяне, перешедшие в этой губернии к отрубному и хуторскому хозяйству, постепенно замывают годичный парь черным (Вятский уезд), вводят многопольный сивооборот с посевом клевера и культурой корнеплодов и клубнеплодов (Винницкий уезд), пробуют проводить посевы очищенными при помощи зерноочистительных машин сменами (в большинстве уездов), берут напрокат с прокатных станций и показательных полей рядовые съятки и другие сельско-хозяйственные орудия и машины.

По Пензенской губернии организация показательных мрорпратий началась только с 1908 года, но поля эти уже обратили на себя общее внимание крестьян, и из разворов выисывается, что прекрасное развитие оземей на показательных полях наглядно убдило многих крестьян в важности раннего пара и рядового посева. Запоторе совались крестьяне также и посевами многолетних трав, а особое внимание обратили на себя посевы вики, которая на показательных полях дала очень хороший урожай.

О несомнфном влиянии показательных мрорпратий на окрестное население свидетельствуют также отчеты губерний: Астраханской, Виленской, Калужской, Новгородской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и др.

Все это—материал, который каждый может быть дерко проверить у себя на месте, и в этом, конечно, его особенная дйнность.

Этот же материал находит себя подтверждение и в факте несомнфного роста потребления усовершенствованных сельско-хозяйственных орудий и машин. Какже-либо

точные подсчеты затруднительны, так как больше половины машин продается частными складами, по в обшем, если основываться на данных о привозе машин и орудий из-за границы, а также о продажах в земских и переселенческих складах, можно сказать, что за один 1910 год, сравнительно с 1909 годом, машин и орудий было куплено на семь миллионов рублей больше. Можно указать также, что за два года, с 1908 по 1909, у нас в России появилось свыше 10 заводов, занимающихся выработкой этих орудий и машин. Можно указать, наконец, что земства за те же годы значительно увеличили обороты средств своих сельско-хозяйственных складов, где орудия и машины являются главными предметом сбыта.

О степени развития за последние годы сельско-хозяйственной техники имеется возможность судить и по ряду других данных. Мы знаем, и это легко проверить по журналам земских собраний, что всего каких-нибудь 8—10 лет тому назад, как только в земствъ возникал вопрос о приглашении агронома или о расходе на агрономическія мѣропріятія, главные от крестьянъ неизменно высказывались противъ такихъ предложеній. Агрономовъ и ихъ дѣятельность они считали ни на что ненужными, всякіе разговоры на эту тему объявляли пустой затѣей и видѣли въ ней лишь покушеніе на народныя деньги. А теперь? Тѣ же главные от крестьянъ, которые, отбѣгивъ кстаги, теперь тораздо больше въ земствѣ, чѣмъ было раньше, съ особой энергіей отстаиваютъ всегда дѣло агрономической помощи. Мало этого: мы знаемъ изъ отчетовъ и протоколовъ, что какъ только заходитъ рѣчь, въ земскомъ ли собраніи, либо въ агрономическихъ совѣщаніяхъ, о расширеніи агрономическихъ мѣропріятія, каждый изъ представителей отъ крестьянъ старается возможно полнѣе использовать предлаемую новую затрату и непремѣнно для нуждъ своего родного уѣзда.

По даннымъ, идущимъ непосредственно отъ населенія, мы въ правѣ судить, что уже во многихъ мѣстностяхъ въ па-

сложнее время агрономъ сталъ для населенія не менѣе близкимъ, чѣмъ сельскій учитель или врачъ, и что крестьяне начинаютъ глубоко прінять тотъ свѣтъ знанія и опыта, который агрономъ вноситъ въ ихъ сельско-хозяйственную дѣятельность.

Дѣйствъ подтвержденіемъ этого можетъ служить повсемѣстный успѣхъ сельско-хозяйственныхъ чтеній и бесѣдъ, краткосрочныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ и проч., за послѣднее время довольно широко организуемыхъ какъ правительствомъ, такъ и земствами. По свидѣтельству докторовъ, крестьяне обыкновенно проявляютъ огромный интересъ къ предмету такихъ чтеній и относятся къ дѣлу вынонѣ сознательно. Весьма нерѣдки примѣры, что здѣсь же, непосредственно подъ влияніемъ доводовъ лектора, крестьяне принимаютъ рѣшенія воспользоваться усланіями земствъ и ввести тѣ или нныя улучшенія въ своемъ хозяйствѣ.

Показательство этому мы видимъ и въ томъ, что годъ отъ году число такихъ чтеній и курсовъ растетъ, а съ нимъ растетъ и число слушателей. Еще въ 1907 г., напримѣръ, чтенія происходили только въ 312 пунктахъ, и общее число слушателей равнялось всего 36 тысячамъ, а въ 1910 году чтенія происходили уже въ 2,491 пунктѣ, и общее число слушателей достигало почти 300 тысячъ. Сверхъ того, въ томъ же 1910 году было устроено свыше 300 курсовъ по различнымъ специальностямъ оградляемъ сельскаго хозяйства, а также и вообще по агрономіи.

Очень развилось за эти годы и опытное дѣло, значительно подвинулось и дѣло сельско-хозяйственной оразованія. У насъ въ настоящее время имѣется уже болѣе ста опытныхъ учрежденій разнаго рода (специальныхъ лабораторій, опытныхъ станцій, питомниковъ и т. д.), изъ которыхъ 74 обслуживаютъ собственно полевое хозяйство. Между тѣмъ, еще десять лѣтъ тому назадъ въ ихъ было менѣе сорока. Въ 1907 году на этотъ предметъ было ассигновано менѣе полумилліона, а на 1912 годъ ассигнованія

дошли уже до 2½ миллиона, да земство даетъ на это же дѣло около миллиона.

То же наблюдаемъ и въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго образования. Въ 1897 году у насъ было 141 сельско-хозяйственное учебное заведеніе. Въ 1909 году ихъ было 218, а на апрѣль 1911 года ихъ было уже 260, т. е. за полтора года было открыто 42 новыхъ школы. Къ концу текущаго года число такихъ учебныхъ заведеній увеличится сразу на значительное число, такъ какъ въ Думу уже внесена цѣлая серия проектовъ объ открытіи новыхъ школъ. Такъ, будутъ открыты среднее сельско-хозяйственное училище въ Ковнѣ, среднее училище въ Верхнедвиньровскѣ, институтъ въ Вронскѣ, мѣлочно-хозяйственный институтъ въ Вологдѣ, педагогическій институтъ для подготовки учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ. Будутъ открыты школы въ Рыбинскѣ, въ Никольскѣ-Усерьинскѣ, въ Якутской области и т. д. Въ 1897 году общее число учащихся въ сельско-хозяйственныхъ школахъ равнялось 4,400; за десять дальнѣйшихъ лѣтъ прибавилось пять тысячъ учениковъ, а за послѣднія пять лѣтъ прибавилось больше, чѣмъ за цѣлое предшествующее десятилѣтіе, именно—шесть тысячъ учениковъ.

Насколько вообще поднялся интересъ къ сельскому хозяйству, можно видѣть и изъ того факта, что изъ всего числа существующихъ у насъ 3,000 сельско-хозяйственныхъ обществъ болѣе 2,000 возникли за послѣднія шесть лѣтъ. Мы бы сказали, что это уже не просто усиленіе интереса, а настоящее движеніе, извѣстный захватъ.

Совершенно ясно, что нельзя разрѣшать такой сложный и многосторонній вопросъ, какъ вопросъ объ усиленіи сельскаго хозяйства страны, путемъ простыхъ указаний на цифры. Не говоря уже о томъ, что далеко не всѣ частности дѣла поддаются учету, необходимо помнить, что въ настоящее время, въ минуты, когда процессъ развитія лишь начинается, рѣчь можетъ идти только объ извѣстномъ стремленіи къ прогрессу, а вовсе не объ опредѣленныхъ ре-

зультатахъ такого стремленія. Но тѣмъ болѣе значеніе получаютъ всѣ тѣ данныя, которые помогаютъ понять совершающійся процессъ. Обратимъ, напримѣръ, вниманіе на ростъ различныхъ специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а именно маслодѣлія, шелководства, птицеводства, плотоводства и т. д. На это слѣдуетъ указать, хотя бы потому, что, какъ свидѣтельствуяютъ авторитеты, «всякое крупное движеніе въ сторону развитія сельско-хозяйственной техники непременно сопровождается повышеніемъ интереса къ специальнымъ отраслямъ хозяйства; въ нихъ земледельцы и скотоводы ищутъ оборотныхъ средствъ для улучшенія полевои культуры». Авторитеты же говорятъ: «первобытное хозяйство все потребляетъ, а развитое все продаетъ; во всякомъ же случаѣ, нельзя сомнѣваться, что чѣмъ болѣе развивается специальныя отрасли хозяйства, тѣмъ, очевидно, болѣе прогрессируетъ и сельское хозяйство вообще».

Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ у насъ весьма опредѣленную картину: если сравнить данныя о вывозѣ за границу цѣлаго ряда специальныхъ продуктовъ за начало и конецъ послѣдняго двадцатипятилѣтія, то окажется, что вывозъ увеличился въ нѣсколько разъ; по отношенію къ нѣкоторымъ продуктамъ онъ увеличился—легко сказать: въ 25—35 разъ.

А вѣдь это только вывозъ. Остается еще внутренняя торговля. Едва ли можно сомнѣваться, что и здѣсь, если бы только существовала точная статистика, мы получили бы совершенно такія же указанія. Наблюдается вмѣстѣ съ тѣмъ, что за послѣдніе годы ростъ совершается много быструе, чѣмъ совершался раньше.

Возьмемъ, напримѣръ, маслодѣліе. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ изъ Россіи вывозили коровьяго масла всего 250 тысячъ пудовъ, въ общемъ на сумму въ два сѣ лишкомъ миллиона рублей. Черезъ пятнадцать лѣтъ, а слѣдовательно, въ 1900 году мы вывозили уже 1,2 миллиона пудовъ, на сумму въ 13,5 миллиона рублей. Еще черезъ пять лѣтъ, въ 1905 году, вывозъ равняется 2,4 миллиона пудовъ, на

сумму 31,4 миллиона рублей. Наконец, въ 1911 году было вывезено 4,5 миллиона пудовъ, на сумму въ 70,8 миллиона рублей. Иначе говоря, за послѣднее пятилѣтїе, сравнительно съ предшествующимъ, вывозъ увеличился почти на всю ту величину, которой онъ достигъ за предыдущія двадцать лѣтъ. Главнымъ образомъ, развивалось маслодѣліе въ Сибири. Такъ, въ 1907 году изъ 3,6 миллиона пудовъ вывезеннаго изъ Россіи масла на долю Сибири приходилось 3,4 миллиона пудовъ.

Такой же ростъ замѣчаемъ и въ вывозѣ янтаря. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы вывозили 200—300 тысячъ штукъ на 3—5 миллионовъ рублей, десять лѣтъ тому назадъ мы вывозили уже около двухъ миллионовъ штукъ на 35 миллионовъ рублей, а въ прошломъ году вывели 3,7 миллиона штукъ на 80,7 миллиона рублей. Дѣсныхъ товаровъ и продуктовъ дѣснаго хозяйства мы вывезли въ 1910 году на 144,5 миллиона рублей, а еще въ 1904 году вывозили всего на 78 миллионовъ; вообще же за 1906—1910 гг. мы увеличили вывозъ дѣса на столько, на сколько пятнадцать лѣтъ передъ этимъ мы всего вывозили дѣса.

Когда заходить рѣчь о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, то довольно вспоминается, что три четверти населенія Россіи живетъ землей. По произведеннымъ подсчетамъ, у насъ на каждую тысячу жителей 746 человекъ занято земледѣліемъ. Въ Германіи, напримеръ, всего 357 человекъ на тысячу, а въ Англіи—124 на тысячу жителей землей. Слѣдовательно, для насъ каждый даже небольшой шагъ впередъ въ смыслѣ улучшенія сельско-хозяйственной техники или развитія сельско-хозяйственныхъ силъ имѣетъ уже серьезное значеніе. Между тѣмъ мы видѣли, что за послѣдніе годы шаговъ сдѣлано много, и къ тому же достаточно серьезнымъ.

Какъ и прежде, такъ и теперь, конечно, годы урожайныя перемежаются годами неурожая, но Россія такъ велика, и столько въ ней разнообразныхъ климатовъ, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, средній сборъ хлѣбовъ, если считать по пятилѣтіямъ, держится, съ извѣстными, конечно,

оговорками, болѣе или меньше на одномъ уровнѣ. Такъ, за пятилѣтіе 1906—1910 гг. ежегодно въ среднемъ собралось по Имперіи, кроме Финляндіи, 3,6 миллиарда пудовъ разнаго хлѣба (главнымъ кукурузу). Въ общемъ, это почти тотъ же размѣръ сбора, который опредѣлился и за предшествующее пятилѣтіе. Правда, за послѣднее пятилѣтіе посѣваемая площадь увеличилась, сравнительно съ предшествующимъ, на $1\frac{1}{2}$ миллиона десятинъ (по одной Европейской Россіи), но зато средняя урожайность въ предшествующее пятилѣтіе была значительно выше. Это и понятно, если вспомнить, что за пятилѣтіе 1901—1905 гг. всѣ года были болѣе или меньше равными по урожайности, а въ пятилѣтіе 1906—1910 гг., при двухъ урожаяхъ, были два года съ мѣстными недородами и былъ еще 1906 годъ, когда, вслѣдствіе смуты, многія хозяйства оказались разоренными. Тѣмъ не менее, если взять данныя за болѣе продолжительный срокъ, напримеръ, за тридцать лѣтъ, то наблюдается, во-первыхъ, постепенный и довольно значительный приростъ посѣваемой площади и, во-вторыхъ, несомнѣнное повышеніе средней урожайности съ одной десятины. Такъ, въ 1881 году по Европейской Россіи посѣвая площадь печислялась въ 63,4 миллиона десятинъ, въ 1893 году она равнялась уже 64,4 миллиона, въ 1899 году—69 миллионамъ, а въ 1910 году—75,2 миллиона десятинъ, при чемъ среднее за пятилѣтіе 1901—1905 г.г. опредѣляется въ 73,7 миллиона, а среднее за пятилѣтіе 1906—1910 г.г. опредѣляется уже въ 75,2 миллиона десятинъ. Что же касается средней урожайности съ десятины, то по всѣмъ главнѣйшимъ хлѣбамъ десятилѣтіе 1901—1910 г.г. даетъ повышеніе сравнительно, напримеръ, съ десятилѣтіемъ 1881—1890 и 1891—1900 г.г. на 10—12%.

Но есть еще одна сторона вопроса, и она, безспорно, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Это—дѣйствіе на хлѣбъ, или, точнѣе, установленіе условій, которые давали бы странѣ возможность съ наибольшей для себя выгодой реализовывать урожаи. Несомнѣнно, дѣйствіе на хлѣбъ вообще повывислось. Несомнѣнно также, что на уровень дѣйствіе ока-

зывает огромное влияние положеиіе мирового рынка. Помимо этого существует, однако, еще много обстоятельств, которыя, при умѣломъ ихъ использованіи, могутъ значително помочь наболѣе удачной реализаціи урожая. Влгооть до послѣднато времени, несмотря на особое значеніе, которое имѣетъ для насъ земледѣііе, мы въ этомъ отношеніи дѣлали мало. Если еще держались пѣвы, то только въ неурожайные годы, когда продавать было печено. Урожайные же годы вели къ рѣшительному паденію цѣвъ, такъ что постепенно стало устанавливаться мнѣніе, что урожай выдается чуть ли не такимъ же бѣдствіемъ для страны, какъ и неурожай. Извѣстны дѣлы изслѣдованія на эту тему. Въ нихъ доказывалось, что нѣсколько обильныхъ урожаевъ подъ рядъ въ состояніи разорить страну.

За истекшія шесть лѣтъ мы имѣли два урожайныхъ года: 1909 и 1910 г.г. Какъ только стало опредѣляться первый урожай, правительство приняло рядъ весьма опредѣленныхъ мѣръ. Оно заявило, что, не считая для себя возможнымъ вмѣшиваться въ частно-хозяйственную сторону дѣла, оно беретъ на себя расширение и облегченіе кредита подъ хлѣбъ, а также заботу о томъ, чтобы перевозка зерна по желѣзнымъ дорогамъ шла безъ задержки. Выбѣтъ съ тѣмъ, правительство приложило старанье, чтобы русскій хлѣбный рынокъ своевременно успавалъ о положеиіи хлѣбнаго рынка въ другихъ странахъ.

Въ основу расширенія кредита была положена дѣятельность государственнаго банка. Было сдѣлано распоряженіе о пониженіи размѣра процента по ссудамъ подъ хлѣбъ, выдаваемымъ непосредственно заемщикамъ, а также подъ дубинкаты накладныхъ— съ 6⁰/₀ до 5⁰/₀ и по ссудамъ чрезъ посредниковъ до 4¹/₂⁰/₀. Выбѣтъ съ тѣмъ быть отмѣнить единовременный сборъ, установленный за осмотръ и приемъ хлѣба въ залогъ, въ размѣрѣ полупроцента при ссудахъ до 10 тысячъ рублей и 1/4 процента при ссудахъ свыше этой суммъ; учрежденіемъ банка было предложеио при этомъ принять мѣры также и къ сокращенію взимае-

мыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сборовъ за хранение и переложиваніе хлѣба.

Было обращено также особенное вниманіе на возможное развитіе ссудъ чрезъ посредниковъ, особенно же въ надеждѣ на земаства и учрежденія мелкаго кредита; затѣмъ были приняты мѣры къ привлеченію должностныхъ лицъ, стоящихъ ближе къ сельскому населенію, для содѣйствія, учрежденіемъ государственнаго банка по выполненію пребуемыхъ при выдачѣ ссудъ формальностей. Наконецъ, было признано возможнымъ, въ случаѣ, если окажется необходимымъ, удлинить сроки, на которыя выдаются ссуды. Этимъ, сдѣдовательно, устанавливалось, что, вопреки общему правилу, ссуды, въ случаѣ надобности, могли ликвидироваться и за предѣлами хлѣбной кампаніи.

Мы не хотимъ еще сказать, что развитіе дешеваго кредита при всѣхъ условіяхъ и всегда даетъ только благоприятные результаты. Слагая колесанія хлѣбныхъ цѣвъ и давая возможность выдерживать продуктъ до болѣе благоприятныхъ условій его реализаціи, кредитъ подъ хлѣбъ имѣетъ много положительныхъ сторонъ. Но задержка въ продажѣ хлѣба представляется, очевидно, выгодною для производителей лишь въ томъ случаѣ, когда въ концепомтъ результаты удаются продать хлѣбъ по цѣнамъ вышшимъ, чѣмъ существовавшія въ моментъ залога, съ прибавленіемъ углаченыхъ по ссудѣ процентовъ. Если есть увѣренность, или, по крайней мѣрѣ, твердая надежда, что къ навѣстному моменту цѣвы повысятся, то полученіе ссудъ на эти сроки должно быть, по возможности, поощряемо. Но иногда расчеы и не оправдываются. Къ моменту ликвидаціи цѣвы оказываются ниже момента выдачи; тогда начинаются отсрочки; засимъ наступаетъ новый обильный урожай въ данной странѣ или въ другихъ хлѣбородныхъ странахъ, и цѣвы очень падаютъ; наконецъ, является необходимость реализовать хлѣбъ, уже понизившійся въ качествахъ, при томъ при ухудшившихся условіяхъ хлѣбнаго рынка. Тогда наступаетъ разочарованіе въ спасительной силѣ хлѣбныхъ ссудъ,

начинается пареканія на полпикну правительства, легко раздававшю ссуды.

Хотя въ слѣдующемъ году у насъ были опять урожаи, но реализація урожая 1909 года прошла сравнительно весьма удачно, и ссуды, несомнѣнно, сысрали въ этомъ процесѣ наибольшую роль. Какъ вообще развивается это дѣло, могутъ показать слѣдующія цифры: въ государственномъ банкѣ на 1 января 1912 года состояло ссудъ подъ хлѣбъ 101,2 милл. руб. противъ 92 милл. руб. на 1 января 1911 года и 57 милл. рублей на 1 января 1910 года. Слѣдовательно, за послѣдніе три года количество ссудъ увеличилось почти вдвое. Замѣчается также серьезное развитіе кредита черезъ посредниковъ, т.-е. черезъ земства, учрежденія мелкаго кредита и т. д. Такъ, изъ указанной суммы ссудъ черезъ посредниковъ къ 1 января 1912 года было выдано уже 15,5 милл. противъ 10,6 милл. и 2,1 милл. за два предыдущіе года. Такимъ образомъ, посредническія ссуды,—а онѣ выданыя преимущественно самими провинціалами,—развились болѣе чѣмъ въ 7разъ за три года, т. е. значительно быстрее, чѣмъ совершался общій ростъ ссудъ. Въ настоящее время уже до 28 земствъ имѣютъ посредническіе кредиты для ссудъ подъ хлѣбъ, тогда какъ, напримѣръ, въ 1893 году его имѣли всего 9 земствъ. Отмѣтимъ также, что нѣкоторая земства (еленское, бутурусланское, суджанское, волынское, вытское и др.) сами изъ своихъ средствъ организуются подобныя же операціи и ведутъ ихъ довольно успѣшно.

Урожай 1909 года далъ возможность вывезти за границу 760,7 милліона пудовъ зерна на сумму въ 748,3 милл. рублей. Это былъ рекордный годъ. Такъ, въ 1906 году мы вывезли 588,9 милл. пудовъ на 407,6 милліона рублей; въ 1907 г.—467,2 милл. пудовъ на 428,1 милл. рублей; въ 1908 г.—329,6 милл. пудовъ на 375,6 милл. рублей. 1910 годъ превзошелъ, однако, и этотъ рекордъ: мы вывезли 847,1 милл. пудовъ.

Но само собою разумеется, залогомъ действительнаго экономическаго и финансоваго успѣха развитія кредита

подъ хлѣбъ является развитіе его въ соединеніи съ правильною сѣтью складочныхъ помѣщеній, въ видѣ крупныхъ торговыхъ элеваторовъ или въ видѣ болѣе мелкихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ. На это и обращено теперь особое вниманіе правительства. Еще въ концѣ 1910 года были рѣшены вопросы о сооруженіи дѣлой сѣти зернохранилищъ (элеваторовъ). Вопросъ былъ всесторонне обсужденъ въ особнякъ совѣщаній при мѣстныхъ учрежденіяхъ Государственнаго банка (въ набогѣ хлѣбородныхъ районахъ), а затѣмъ прошелъ черезъ совѣтъ банка. Для начала было признано необходимымъ приступить къ организаціи строительства въ самарскомъ и воронежскомъ районахъ, т.-е. въ двухъ разлчныхъ по экономическимъ и климатическимъ условіямъ округахъ. По самарскому району разрѣшена постройка 8 зернохранилищъ, общей емкостью въ 7,7 милліона пудовъ, а по воронежскому—пяти, съ емкостью въ 8,6 милліона пудовъ. Приступлено къ работамъ уже въ пяти пунктахъ: въ Абдулинѣ, Вугурусланѣ, Толкаѣ, Грязяхъ и Валуйкахъ. Общая емкость этихъ элеваторовъ—3,6 милліона пудовъ. Конструкция предполагается смѣшанная—въ большей части жельзо-бетонная, частью же деревянная, по американской системѣ, т.-е. изъ досокъ плашмя.

Положеніе работъ представляется сейчасъ въ слѣдующемъ видѣ: уже полностью произведены земляныя работы по выкопкѣ котловановъ подъ зданія и частью по устройству полотна жельзнодорожныхъ путей къ элеваторамъ; въ теченіе всей послѣдней зимы производилась кладка фундаментовъ. Жельзо-бетонныя работы, а также механическое оборудованіе уже сланы соответственными фирмамъ. Все будетъ закончено къ осеннему періоду текущаго года.

Что касается остальныхъ восьми пунктовъ, то къ работамъ будетъ приступлено съ ранней весны, и вполне возможно, что нѣкоторые изъ элеваторовъ будутъ готовы также къ концу осени текущаго года.

VI.

Но развивалось за эти годы не только одно земледелие; развивалась также и промышленность, а некоторые из ее отраслей—даже весьма значительно. Возлекемь, например, всё тѣ производствъ, которыя тѣсно связаны съ сельскимъ хозяйствомъ: сахарное, винокуренное, крахмальное, мукомольное. Тутъ развитіе шло огромными шагами. Да иначе не могло и быть. Съ одной стороны, два хорошихъ урожая дали населенію большія средства, а слѣдовательно, на все поднялся спросъ, съ другой же стороны, землевладельцы пользовались образовавшимися у нихъ излишками, чтобы создать при хозяйствѣ промышленныя заведенія и этимъ увеличить доходность имѣній. Развились также, да, очевидно, и не могли не развиться всё тѣ фабрики и заводы, которыя, главнымъ образомъ, являются поставщиками казны. Въ виду прекраснаго положенія нашихъ финансовъ замѣтно увеличились по всей линіи казенныя заказы. Развилось производство и всевозможныхъ строительныхъ материаловъ, такъ какъ усиленное строительство шло не только въ крупныхъ центрахъ, но, можно сказать, рѣшительно повсемѣстно.

Обратимся теперь къ одной изъ главнѣйшихъ отраслей нашей промышленности: къ бумаго-прядильному и ткацкому производству. Начиная съ 1900 года и вплоть до 1907 года число прядильныхъ фабрикъ увеличилось ежегодно на одну, двѣ, и только въ 1902 году—на пять. Если же обратиться къ цифрамъ 1908 года, то окажется, что тутъ вырваться число фабрикъ увеличилось на 9, а въ слѣдующемъ году еще на восемь; всего же за 1908—1910 гг.—на 22. Такимъ образомъ, за эти три года число фабрикъ увеличилось много быстрѣе, чѣмъ за предыдущія восемь лѣтъ. Число прядильныхъ веретенъ также увеличивалось за послѣдніе годы много быстрѣе, чѣмъ въ предшествующія шесть лѣтъ. Такъ, съ 1900—1906 гг. число веретенъ съ 6,6 милліона должно до

7,4 милліона, или за шесть лѣтъ увеличилось на 800 тысячъ, а за 1906—1910 гг., т.-е. всего за четыре года, оно увеличилось на 900 тысячъ. Съ 1900 по 1906 гг. количество пудовъ пряжи, подготовляемой за годъ, увеличилось всего на 1,6 милліона пудовъ, а съ 1906 по 1910 гг., т.-е. за шесть, а за пять лѣтъ, увеличеніе равнялось уже 4 милліонамъ пудовъ.

То же самое наблюдаемъ и въ ткацкомъ производствѣ. Съ 1900—1906 гг. число ткацкихъ фабрикъ увеличилось на 56, а съ 1906—1910 гг., т.-е. за шесть, а только за четыре года, увеличилось уже на 108; количество пудовъ ежегодно изготовлявшегося сурового товара увеличилось съ 1900 г. по 1906 г. всего на 2 милліона пудовъ, а съ 1906—1910 гг. увеличеніе равнялось уже 3,3 милліона пудовъ.

Не будемъ, конечно, перечислять всё производство, потому что это привело бы насъ къ необходимости значительно расширить рамки нашихъ очерковъ. Но все же укажемъ еще нѣсколько примѣровъ. Въ 1906 году было произведено товарово жельза и стали 139,6 милліона пудовъ, а въ 1910 году—184,6 милліона пудовъ. Заслуживаетъ вниманія при этомъ еще слѣдующее обстоятельство; въ 1909 году было изготовлено жельзныхъ балокъ 7,2 милл. пудовъ, въ 1910 г. 13,5 милл. пудовъ, а въ 1911 г.—15 милл. пудовъ; листового жельза въ 1909 г. было выпущено 8,5 милл. пудовъ, въ 1910 г.—10,2 милл. пудовъ, а въ 1911 г.—13,5 милл. пудовъ; сортового жельза въ 1909 г.—31 милл. пудовъ, въ 1910 г.—48 милл. пудовъ, а въ 1911 г.—51,5 милліона пудовъ. Иначе говоря, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ производство жельзныхъ балокъ болѣе чѣмъ удвоилось, и вызвано это не казенными заказами, строительками жельзныхъ дорогъ или предюговъ, а таковыя были естественный ростъ требованій рынка. Капитъ показывалось продажъ за протекшія 1911 годъ, этотъ ростъ идетъ повышался и дальше, и даже въ еще болѣе пропорціональности. Особенно важныя цифры роста въ производствѣ сортового жельза, такъ какъ, но приближительному подсчету, около 70% этого жельза приобрѣтается исключительно

гельно древесной: нашины, оси, плути, бороны и проч. Все это, таким образом, является следствием роста деревни. Только те, кто начинают политическим несимизмом, не учитывают этих колоссальных шагов и все продолжают утверждать, что экономическая жизнь России стоит на мёртв.

Въ 1906 году было выплачено мѣди всего 600 тысяч пудовъ, а въ 1910 году уже 1.363 пуда. Золота было добыто въ 1910 году 3.276 пудовъ, въ то время, какъ въ 1906 году было добыто на пѣтуго тысячю пудовъ меньше. Увеличеніе шло постепенно, но опредѣленно, ежегодно возрастающая на 200—300 пудовъ. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что, во-первыхъ, на добычу металловъ устремились новые капиталы, а, во-вторыхъ, что стали работать при помощи лучшихъ машинъ и болѣе совершенныхъ приемовъ. А это-то въѣд и показываетъ развитіе каждой отрасли промышленности.

Изъ сожалѣнію, у насъ еще нѣтъ въ настоящее время такой точной и всесторонней статистики, чтобы можно было простой ссылкой на цифры установить, какъ совершался притокъ новыхъ капиталовъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. Но отъѣльныя цифры—все же выяснены. Возьмемъ, напримеръ, каменноугольное дѣло. Этого примѣръ тѣмъ показателенъ, что именно тутъ, въ связи съ паденіемъ цѣны на нефть, которая, слѣдовательно, стала вытѣснять уголь, добыча продукта нѣскольکو сократилась. И тѣмъ не менѣе мы видимъ слѣдующее: въ 1901 году въ каменноугольныхъ предприятияхъ находилось менѣе 100 милліоновъ рублей акціонернато капитала; за время съ 1901—1906 гг. эти капиталы увеличились на 19 милліоновъ, а съ 1906 г. по 1910 г., т.-е. не за шесть лѣтъ, а всего за четыре года, увеличеніе равнялось почти 20 милліонамъ.

Впрочемъ, никакія цифры, какъ бы внушительны онѣ ни были, не опредѣляютъ болѣе того, что можетъ сказать каждый изъ насъ, кто способенъ наблюдать и разбираться въ томъ, что наблюдается. А что наблюдали мы за эти послѣдніе годы? То, что повсюду начинались новыя дѣла, повсюду

возникли новыя предприятия; мы наблюдали также, что всё, у кого завелось хоть небольшая денелка, стали искать, куда бы выгодно и разумнѣе ихъ помѣстить, что многие не отступали при этомъ даже передъ ризкомъ некачь удачи на новыхъ мѣстахъ, и нерѣдко—на дальнихъ окраинахъ. Наконецъ, каждый испытывалъ на себѣ, какъ постепенно складывалась и усиливалась въ немъ и въ его близкихъ потребность приступить, наконецъ, къ работѣ, чтобы не оставаться лишь простыми зрителемъ того, какъ все растетъ, развивается, дѣлается сильнѣе и крупнѣе, а главное—богатѣе.

Такъ какъ основой всякой промышленности и торговли дѣятельности является кредитъ, то все сказанное выше получить свое подтверженіе, если мы припомнимъ къ дѣятельности нашихъ кредитныхъ учреждений за эти годы. Банки, если говорить только о коммерческихъ, развили въ 1906 году учетно-судныхъ операций всего на милліардъ рублей, въ 1908 году—уже на 1,26 милліарда, а въ 1910 г.—легко сказать—дошли до 9 милліардовъ! Это значитъ, что всего за два года банки увеличили размѣръ своихъ учетно-судныхъ операций на сумму, которая въ четыре раза больше, чѣмъ та, до которой они дошли за три предъидущіе года. Въ 1911 году только за первые полгода банки развили это увеличеніе еще на 200 милліоновъ. Въ то же самое время наблюдается и крупный ростъ сравнительно болѣе мелкихъ кредитныхъ учреждений, а именно обществъ взаимнаго кредита. Еще въ 1899 году ихъ имѣлось у насъ всего 102 съ 74 тысячами членовъ, съ основнымъ капиталомъ въ 26 милліоновъ рублей и съ балансомъ въ 233 милліона. Въ 1907 г. ихъ было 261 съ 150 тысячами членовъ и съ капиталомъ въ 39 милліоновъ. Въ 1911 году число ихъ равнялось уже 604, при 372 тысячахъ членовъ, 75 милліонахъ основного капитала и 670 милліонахъ рублей баланса. Общая же сумма ихъ учетно-судныхъ операций за время съ 1 января 1906 года до 1 юла 1911 года развилась съ 245 до 597 милліоновъ. А въѣд это много болѣе, чѣмъ вдвое!

Омѣтимъ тутъ же, что кредитъ за послѣдніе годы значительно подешевѣлъ. Въ 1906 году ученый процентъ доходилъ до 8, въ 1908 году онъ равнялся уже $5\frac{1}{2}$, а съ конца марта 1909 года онъ держится почти безъ колебаній на $4\frac{1}{2}$ (официальный) и 5 (частный).

Одновременно росли и операціи вкладовъ и текущихъ счетовъ: въ коммерческихъ банкахъ съ 753 милліоновъ, бывшихъ къ 1 января 1906 года, вклады и операціи дошли къ 1 июля 1911 года почти до 2-хъ милліардовъ, а въ обществыхъ взаимнаго кредита съ 191 милліона дошли до 461 милліона.

Еще рѣшительнѣе совершался процессъ роста мелкихъ кредитныхъ учрежденій, т.-е. крестьянскихъ кредитныхъ товариществъ и ссудо-сберегательныхъ. Приведемъ только основныя цифры: къ концу 1903 года у насъ насчитывалось всего 382 крестьянскихъ товарищества. Къ сентябрю 1908 года ихъ было уже 2.360, къ половинѣ августа 1910 года число ихъ возросло до 4.506, а къ 1 марта 1912 года ихъ было уже болѣе $5\frac{1}{2}$ тысячъ; разрѣшено же къ открытію болѣе 7 тысячъ. Въ 1903 году членовъ товариществъ насчитывалось всего лишь 44 тысячи человекъ, къ началу 1909 г. ихъ было уже около милліона трехсотъ тысячъ, а къ сентябрю 1911 года—около трехъ милліоновъ человекъ. Ссудо-сберегательныхъ товариществъ къ 1903 году было всего 781, къ 1909 г. дѣйствовало 1.476 товариществъ, а къ 1 декабря 1911 года—уже 2.436 товариществъ.

Соотвѣственно, конечно, увеличивались и размѣры производимыхъ ими операцій. Такъ, къ началу 1912 года въ распоряженіи учрежденій мелкаго кредита находилось до 400 милліоновъ рублей, изъ которыхъ на долю ссудо-сберегательныхъ товариществъ приходилось болѣе 175 милліоновъ рублей; на долю кредитныхъ товариществъ—127 милліоновъ рублей; въ земскихъ кассахъ по приближенному подсчету должно быть около 30 милліоновъ рублей и въ крестьянскихъ общественикахъ учрежденіяхъ мелкаго кредита приблизительно около 70 милліоновъ рублей. Изъ

этой послѣдней суммы на долю крестьянскихъ общественихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ необходимо отнести до 8 милліоновъ рублей. Средній размѣръ открытаго членамъ кредита опредѣлялся къ началу 1912 года для ссудо-сберегательныхъ товариществъ—138 рублей и для кредитныхъ товариществъ—77 рублей. Между тѣмъ, еще десять лѣтъ тому назадъ общій размѣръ средствъ равнялся едва 40 милліонамъ, и даже на 1 января 1908 года онъ опредѣлялся только въ 120 милліоновъ. Достаточно сказать, что за 1910—1912 гг. общій размѣръ средствъ увеличился. Омѣтимъ кстати, что около 60% общей суммы учрежденій мелкаго кредита составляютъ мѣстные вклады и займы, около 10%—изъ правительственныхъ источниковъ; остальные же 30% падаютъ, главнымъ образомъ, на долю общественныхъ средствъ учрежденій мелкаго кредита.

Конечно, могутъ возразить: Россія такъ огромна, и потребности ея въ мелкомъ кредитѣ столь велики, что эти въ общемъ все же сравнительно малыя цифры ровно еще ничего не доказываютъ. Омѣтимъ на это, что мы въѣдъ и не думаемъ утверждать, будто, дѣйствительно, уже сдѣлано все, что должно сдѣлать, особенно, если измѣрять достигнутое размѣрами существующихъ въ странѣ потребностей. Но важно начало, важнѣе фактъ несомнѣннаго роста и развитія, то, что показываетъ, что опредѣленные и серьезные шаги впередъ уже сдѣланы и сдѣланы за исключительно короткій промежутокъ времени. Укажемъ, наприкладъ, что въ Германии, гдѣ уже въ 1890 году считалось около трехъ тысячъ кооперативовъ, за первое десятилѣтіе послѣ этого года число товариществъ увеличилось въ четыре раза, а за второе десятилѣтіе—менѣе, чѣмъ въ два раза, сравнительно съ предыдущимъ. У насъ же, за первый пять лѣтъ послѣ того, какъ вопросъ поставленъ болѣе или менѣе реально, число кооперативовъ увеличилось сразу въ восемь разъ, а, судя по тому, какъ идетъ дѣло сейчасъ, сдѣлающее пятилѣтіе дастъ увеличеніе чуть ли не въ десять разъ, сравнительно съ первымъ пятилѣтіемъ.

Такое сравнение дает нам, очевидно, много больше, чем любая общия разсуждения о томъ, какъ было бы хорошо, если бы вмѣсто 51½ тысячъ товарнществъ у насъ было 50½ тысячъ. Конечно, было бы хорошо, но мы должны помнить, что еще за два года до образования этихъ 51½ тысячъ общее число товарнществъ было менѣе 2½ тысячъ.

Приведемъ еще нѣсколько цифръ. За одинъ 1910 годъ число фабрично-заводскихъ заведеній увеличилось на 6,8 процента, что и absolutely и относительно даетъ наибольшее увеличение за все предшествовавшее десятилѣтје. Это увеличение слѣдуетъ отнести какъ на счетъ того обстоятельства, что открылось новыхъ заведеній больше, чѣмъ закрывалось, такъ и на счетъ того, что значительно расширили свое производство многія уже существовавшія предпріятія. За послѣдніе годы значительно увеличилось и вообще по Имперіи число паровыхъ котловъ, а также получили особенно широкое примѣненіе двигатели внутрѣннего сгорания. Иными словами: замѣтно возросла общая мощность промышленности въ промышленности механической силы. Дѣнно еще и слѣдующее частное наблюдение: за послѣднее десятилѣтје примѣненіе паровыхъ котловъ въ сельско-хозяйственной промышленности возросло больше, чѣмъ вдвое, а цифра, показывающая это увеличеніе въ 1910 году, является наиболѣе значительной изъ всего десятилѣтја. Прибавимъ къ этому, что увеличеніе числа фабрично-заводскихъ заведеній наблюдается не только въ группѣ крупныхъ предпріятій, но также и въ группѣ предпріятій среднихъ и мелкихъ. Замѣчается, что если съ 1901—1907 гг., главнымъ образомъ, развивались крупныя заведенія, то послѣдніе годы именно чѣмъ особенно характерны, что ростъ мелкой и средней промышленности не уступалъ росту крупной.

Повторяемъ: приводя всѣ эти данныя, мы отмѣчиваемъ ихъ не absolutely, а относительно, т.-е. направляя главный свѣтъ не на окончательное ихъ значеніе, а на выражаемое ими движеніе по пути нѣвстапаго развитія, подъема, оживленія нашего общаго экономическаго оборота. Наша глав-

ная мысль заключается въ томъ, что, если мы, дѣйствительно, хотимъ дать себѣ отчетъ, остаемся ли мы на мѣстѣ, или же, наоборотъ, рѣшительно и энергично идемъ неуклонно впередъ, то только съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ подходить ко всякому такому материалу.

Какъ—спросимъ теперь—шла за эти годы наша торговля? Вывозная торговля поддается точному учету. Если сравнить дѣятельность вывоза и ввоза, напримѣръ, въ 1910 году, то окажется, что вывозъ увеличился за десять лѣтъ вдвое, а ввозъ—на 73%. Съ 1900 по 1906 годъ вывозъ возросъ съ 716,4 милліона рублей до 1.095 милліоновъ, т.-е. на 378,6 милліона; съ 1906 по 1910 годъ включительно, т.-е. не за шесть лѣтъ, а всего за четыре года, вывозъ возросъ на 333,3 милліона. Иначе говоря, ростъ вывоза за послѣдніе годы десятилѣтја совершался много быстрѣе, чѣмъ за первые его годы.

Въ настоящее время дѣятельность нашего вывоза дошла до колоссальной цифры почти въ 1½ милліарда рублей. Вылансъ въ пользу Россіи, т.-е. превышеніе стоимости вывозенныхъ товаровъ надъ стоимостью ввезенныхъ, равняется въ 1909 году 521,4 милліона рублей. Это—наивысшая цифра, которой достигалъ балансъ. Въ среднемъ за пятилѣтје 1900—1904 гг. балансъ опредѣлялся въ 238,8 милліона, а въ среднемъ за второе пятилѣтје (1905—1909 гг.) балансъ равнялся уже 309,8 милліона рублей. Въ 1910 году балансъ былъ выше этой послѣдней цифры, такъ какъ выразился въ суммѣ 362,9 милліона, но былъ ниже баланса 1909 года, что объясняется увеличеніемъ на 179 милліоновъ рублей привоза товаровъ изъ-за границы. Причина такого повышенія привоза понятна: получивъ въ 1909 году болѣе полумилліарда за вывезенные товары (величина баланса за этотъ годъ), страна располагала большимъ запасомъ денегъ, и это позволило ей увеличить покупки за границей.

По дѣятельности отдѣльныхъ товаровъ въ нашемъ вывозѣ по европейской границѣ первое мѣсто занимаютъ, конечно, жизненные припасы; за ними идутъ сырье и полу-

обработанные материалы; вывозъ животныхъ и готовыхъ изделий, по сравнению съ двумя предыдущими группами, назначенъ и отъбивался въ 1910 году лишь въ 52,3 миллиона рублей. За 10 лѣтъ, съ 1900 по 1910 г. вывозъ жизненныхъ припасовъ увеличился съ 381,2 миллиона рублей до 901,1 миллиона рублей, т.-е. на 519,9 миллиона рублей, или на 136%. Наибольшее увеличение вывоза дали хлѣбъ, яйца, масло коровье и отчасти сахаръ. Вывозъ сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ по европейской границѣ за 10 лѣтъ поднялся по цѣнности съ 269,8 миллиона рублей до 430,2 миллиона рублей, т.-е. на 160,4 миллиона рублей.

Что же касается привоза, то наибольшее увеличение дали хлопчатъ (за десятилѣтіе съ 63,2 миллиона рублей до 119,2 миллиона), а затѣмъ—машины. За десятилѣтіе привозъ машинъ увеличился съ 76,7 до 113,4 миллиона рублей. Въ частности, привозъ машинъ сельско-хозяйственныхъ простыхъ увеличился съ 6 до 16,7 миллиона рублей, а сельско-хозяйственныхъ сложныхъ—съ 5,3 до 15,6 миллиона рублей.

Внутренняя торговля не поддается столь точному учету. Тѣмъ не менѣе существуетъ рядъ признаковъ, которые позволяютъ судить о дѣйствительномъ ея положеніи. Во-первыхъ, конечно, хорошимъ показателемъ являются обороты Нижегородской ярмарки. Во-вторыхъ, и это самое показательное, тѣ данныя, по которымъ мы можемъ судить вообще объ уровнѣ экономической благосостоянія населенія, т.-е. о положеніи и размѣрахъ ея покупательной силы. Разъ у населенія имѣется возможность покупать, оно непременно будетъ покупать.

Все, что приведено выше, свѣдѣетъ думать, уже достаточно показывать, насколько экономическое развитіе страны идетъ за послѣдніе годы неуклонно впередъ. Но о томъ же свидѣтельствуетъ и еще рядъ обстоятельствъ: поступленіе налоговъ и сборовъ шло вполнѣ исправно, народный сбереженія росли, заработная плата значительно увеличилась.

О сборахъ и налогахъ будемъ говорить особо. Какъ повышается заработная плата, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: средняя заработная плата одному пѣшему сельско-хозяйственному рабочему на своихъ харчахъ, если считать по 50 губерніямъ Европейской Россіи, равнялась за пятилѣтіе 1901—1905 гг. отъ 55—70 коп. въ день (55 коп. съвъ и 70 коп. съвно и жатва); за пятилѣтіе же 1905—1910 гг. она равнялась уже 63—81 коп. (63 коп. жатва и 81 коп. съвнокъ). Средній заработокъ фабричного рабочаго повысился за послѣднее пятилѣтіе болѣе, чѣмъ на 20%.

Что же касается роста народныхъ сбереженій, то, конечно, опредѣленнѣе всего можно судить объ этомъ по даннымъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. За пятнадцатъ лѣтъ, съ 1895 по 1910 гг. число сберегательныхъ кассъ, не считая школьныхъ, почти удвоилось, съ 3.875 до 7.365; послѣ 1904 года ростъ числа кассъ какъ бы осянчился, такъ что, напримѣръ, въ 1907 году за годъ было открыто всего 30 новыхъ кассъ. Въ 1908 году новыхъ кассъ было открыто уже 82, а въ 1909 году— сразу 259 и въ 1910 г. еще больше—314. За тѣ же пятнадцатъ лѣтъ размѣръ дѣлаемыхъ ежегодно вкладовъ увеличился: въ 1895 году поступило вкладовъ 221,3 миллиона рублей, а въ 1910 году—870,5 миллиона рублей. Но характерно, что остатки денежныхъ вкладовъ, т.-е. то, что составляло чистую сумму народныхъ сбереженій, хранившихся въ сберегательныхъ кассахъ, рѣзко увеличился именно за послѣдніе годы. Къ 1905 г., т.-е. за 15 лѣтъ, если считать съ 1881 г., остатки повысились отъ 191,3 до 831,2 миллиона, слѣдовательно, на 640 миллионов, а съ 1905 по 1910 гг., всего за пять лѣтъ, увеличение выразилось въ суммѣ 565 миллионов. Иными словами: хотя и нѣсколько меньше, чѣмъ за предыдущія 15 лѣтъ, но зато всего за пять лѣтъ. Общая же сумма вкладовъ, т.-е. считая вклады въ государственныя сберегательныя кассы, государственныя банки и учрежденія краткосрочнаго мелкаго кредита, съ 1907 года, когда она равнялась

двумь миллиардамъ, она дошла къ началу 1912 года до четырехъ съ половиной миллиардовъ. Вотъе, чѣмъ удволѣась, и это въ теченіе всего трехъ съ половиной лѣтъ!

Ростъ оборотныхъ средствъ страны въ размѣрѣ выше двухъ миллиардовъ рублей указываетъ на то, что за эти три съ половиной года, сдѣланы по истинѣ колоссальныи успѣхъ.

Заслуживаетъ большаго вниманія и то обстоятельство, что за послѣдніе же годы значительно увеличилось и число сберегательныхъ, о чемъ мы можемъ судить по числу выданныхъ сберегательныхъ книжекъ. За пятилѣтіе 1905—1910 гг. число книжекъ увеличилось почти на все количество увеличенія за десятилѣтіе 1891—1900 гг., достигнувъ къ 1 января 1911 года около 7¹/₂ миллионовъ книжекъ. А сколько именно за послѣдніе годы населеніе купило земли! На это, конечно, также должна была уйти значительная часть сбереженій.

Нельзя умолчать и еще объ одномъ обстоятельстве, несомнѣнно оказывающемъ вліяніе на всѣ эти вопросы. Мы имѣемъ въ виду ту дороговизну, на которую волеи-певолей жалуются съ разныхъ сторонъ. Что это за дороговизна, каковы ея истинныя причины и каковы ея экономическія слѣдствія—дѣло это не такое, чтобы рѣшить его въ двухъ словахъ. Несомнѣнно только, что сравнительно съ другими странами мы находимся даже въ лучшемъ положеніи. Одни ученые полагаютъ, что основную причину явленія слѣдуетъ искать въ несоответствіемъ роста количества денегъ и быстроты ихъ обращенія. Это значитъ, что денегъ стало больше, а, стало быть, онѣ слѣдательнъ дешевле; если же деньги дешевле, то товары естественно должны быть дороже. Другіе ученые отрицаютъ это и думаютъ, что причину слѣдуетъ искать въ значительномъ удорожаніи стоимости произвдства, т.-е. главнымъ образомъ заработной платы. Вотъе близки къ истинѣ, повидимому, тѣ ученые, которые утверждаютъ, что паденіе цѣнъ явилось слѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія

цѣлаго ряда причинъ. Растутъ потребности и государства, и народовъ, на всѣ товары увеличивается спросъ, а между тѣмъ нынѣ продукты естественно сокращаются въ числѣ, иныѣ же для своей выработки требуютъ болѣе крупныхъ, чѣмъ ранѣе, расходовъ. Борьба, которую ведетъ трудъ противъ капитала, заставляетъ капиталъ обѣднѣваться, а такое обѣднѣненіе, конечно, ведетъ къ повышенію цѣнъ, потому что рынокъ оказывается въ рукахъ монополистовъ. Увеличивается населеніе, растутъ города за счетъ селъ и деревень,—это опять-таки ведетъ къ повышенію цѣнъ.

Словомъ, причинъ много, и всѣ онѣ оказываютъ свое дѣйствіе. Что же касается собственно Россіи, то, безспорно, у насъ огромное вліяніе на этотъ вопросъ имѣла смута. Нельзя безнаказанно уничтожать на многіе десятки миллиардовъ всякаго имущества, нельзя безнаказанно нарушать правильный ходъ экономической жизни, оставлять фабрики и заводы безъ рабочихъ, землю безъ разработки, капиталъ безъ увѣренности въ томъ, что онъ спокойно совершитъ процессъ своего обращенія. Только фанатикъ смуты и ослѣпленная ихъ призывами толпа могли вѣрить, что стоитъ прибѣгнуть къ насилию, чтобы все пошло великолѣпно. За каждую такую попытку страна приходится заплатить и къ тому же очень дорогой цѣной. Вотъ мы и платимъ. Всѣ платимъ. Тяжелѣе другихъ приходится, однако, тѣмъ, кто, социаленный социалистами, приписалъ особенно дѣятельное участіе въ разгромѣ нашей торгово-промышленной жизни и падеши сельскаго хозяйства.

Возвращаясь къ вопросу о нашей торговлѣ, укажемъ еще, что за послѣдніе годы по желѣзнымъ дорогамъ перевозился въ среднемъ около 12 миллиардовъ пудовъ груза, тогда какъ еще въ пятилѣтіе 1897—1902 гг. среднее количество ежегодно перевозимыхъ грузовъ равнялось только 8,5 миллиона пудовъ. Между тѣмъ именно за указанное пятилѣтіе было открыто для правильного движенія новыихъ 15 тысячъ верстъ желѣзнодорожной сѣти, въ то время,

какъ за шестилѣтіе 1906—1911 гг. Длина рельсового пути увеличилась всего на 4,250 верстъ ¹⁾.

Немотря на всё приведенныя цифры, сторонники лѣвыхъ партій продолжаютъ увѣрять, что, въ сущности, ничего не сдѣлано и что, если у населенія «завелись урожай-какіе лишніе рубли», то объясняется это просто случайностью, тѣмъ, что судьба послѣднихъ два хорошихъ урожая. Какъ будто раньше никогда у насъ не было хорошихъ уро-жайевъ и какъ будто, съ другой стороны, кто-нибудь отрицаетъ, что для такой земледѣльческой страны по преимуществу, какой является Россія, вопросъ объ урожаѣ или неуро-жаѣ, дѣйствительно, можетъ не имѣть серьезнаго значенія. Но когда передъ нами столь краснорѣчивыя цифры, когда во всёхъ проявленіяхъ экономической жизни страны от-мѣчается столь опредѣленный прогрессъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ глубинъ народныхъ уже пробиваются ростки совершенно новыхъ отношеній къ основамъ своего хозяй-ства,—сводить наблюдаемую картину къ однимъ разгово-рамъ о двухъ хорошихъ урожаяхъ значитъ совершенно не желать быть справедливымъ и этимъ, конечно, только вредить правильному росту русскаго народнаго самосо-знанія. Хотятъ ослабить правительство, которое, по мнѣ-нію лѣвыхъ, не только ничего не можетъ сдѣлать, но даже и не понимаетъ, что можно было бы сдѣлать, но, въ дѣй-ствительности, бросаютъ тяжелое оскорбленіе всей странѣ, всему народу. Въ самомъ дѣлѣ, что же это за народъ, который только и живетъ, что отъ урожая до урожая! Какъ можно говорить это о русскомъ народѣ, который, какъ показала вся его исторія, вынесъ родную землю сквозь самыя тяжелыя испытанія, и изъ каждаго изъ нихъ выходялъ только богѣе сильнымъ и могучимъ!

¹⁾ Длина желѣзнодорожной сѣти къ 1 декабря 1911 года равнялась 64.334 верстамъ; сравнительно съ 1881 г., т. е. за тридцать лѣтъ, длина сѣти утроилась. За тѣ же 30 лѣтъ чисто еженодно провозимыхъ пассажиро-въ увеличилось въ шесть разъ; въ 1910 году оно равнялось 190,8 милліона.

Нѣ лѣвымъ грушамъ до извѣстной степени примы-каеть и часть представителей торговли и промышлен-ности. Имѣются и богѣе крайніе, имѣются и умѣренныя, но и тѣ, и другіе, если отстранить политическую сторону ихъ заявленій, сходятся на томъ, что правительство и Дума сравнительно мало заботятся о ближайшихъ интере-сахъ торговли и промышленности. Тутъ до извѣстной степени сказывается ревность; за послѣдніе годы мы стали наконецъ-то удѣлять серьезное вниманіе земледѣлію, и это заставляетъ торгово-промышленные классы опасаться, какъ бы вниманіе къ земледѣлію не превратилось въ не-бреженіе интересами промышленности. Но въ тѣхъ же жалобахъ невольно приходится исказить отголоски общей неуравновѣшенности, которая отличаетъ всякую переход-ную эпоху. Въ стороны жизни требуютъ къ себѣ вниманія, такъ какъ вездѣ есть много такого, что ждетъ коренного пересмотра, но каждая сторона хотѣла бы исключитель-нато вниманія. При этомъ забывается, что многое зависитъ не столько отъ заботы власти или отъ законодательства, сколько отъ собственной самодѣтельности. Улучшается изъ вида, наконецъ, и то, что успѣхъ общаго достигается не путемъ механическаго развитія отдѣльныхъ интере-совъ, а ихъ органическимъ сочетаніемъ.

Разъ экономическое положеніе страны улучшается и при томъ такъ рѣшительно, то надлежало бы распределеніе послѣдствій такого улучшенія между отдѣльными сторо-нами экономической жизни совершится ужъ естественно, само собой, при условіи, конечно, что каждая экономи-ческая группа внесетъ свою долю работы и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣетъ согласовать свои спеціальныя интересы съ общими. Въ частности, если говорить собственно о торго-во-промышленномъ классѣ, то, при теперешнихъ обстоя-тельствахъ, это развитіе находится, главнымъ образомъ, въ его собственныхъ рукахъ. Пусть онъ меньше надѣется на всё виды государственной помощи, а обратитъ главное вниманіе на собственную организацію, на усиленіе пред-

примчивости, на изучение рынковъ и т. д. Что же касается правительства и законодательныхъ учреждений, то пельзы и сомнѣваться, что, въ своемъ очерѣдѣ, они сдѣлаютъ все возможное, чтобы создать условия для широкаго развитія торгово-промышленныхъ силъ страны.

Да многое уже и сдѣлано, а еще больше находится на пути къ осуществленію. Можно смѣло сказать: нѣтъ такого вопроса, который бы уже не привлекалъ къ себѣ должнаго вниманія. Съ какого вопроса начать? Напримѣръ, биржи. Число существующихъ биржъ значительно увеличено; за послѣдніе годы учреждено 29 новыхъ общетоварныхъ биржъ и 7 специальныхъ. Разработаны проекты новаго биржевого устройства, а также очень важный проектъ новаго положенія о биржевыхъ нотариусахъ и о биржевомъ судѣ. Выбѣтъ съ тѣмъ разработаны проектъ учрежденія торгово-промышленныхъ палатъ. Этими кландется прочное начало дѣятельному представительству торгово-промышленнаго класса и широкой его организованности. Наконецъ, было проведено положеніе о связяхъ представителей торговли и промышленности, а также положеніе о связяхъ представителей торговаго посредничества.

Если говорить специально о торговлѣ, то прежде всего вспомнимъ законолъ о торговыхъ складахъ, который не только расширилъ кругъ дѣятельности складовъ, но и крутилъ и учреждений, которыми предоставлено право на содержание складовъ. Напомнимъ образованіе комитета по борьбѣ съ фальсификаціей, напомнимъ также законолъ о договорѣ торговой комиссіи, которая до этого закона не находила себя въ дѣйствующемъ правѣ опредѣленнаго мѣста. Въ частности, напомнимъ тѣ серьезные мѣры, которыя были приняты для упорядоченія торговли льномъ, этого третьяго по значенію продукта нашей вывозной торговли. Здѣсь все усилія были направлены на борьбу съ тѣми злоупотребленіями, которые такъ вредятъ нашему вывозу.

Нередко упрекаютъ правительство въ томъ, что за эти годы оно ничего не сдѣлало для упорядоченія хлѣбной торговли. Эти упреки едва ли основательны. Во-первыхъ, если и не многое, то кое-что существенное уже сдѣлано. Такъ, велась усиленная борьба съ пѣльюзомъ, устраняя засоренность вывозимаго изъ Россіи хлѣба. Какъ уже было указано выше, были разработаны и осуществлены рядъ мѣръ, необходимыхъ для болѣе успешной реализаціи урожая (кредитная политика Государственнаго банка). Во-вторыхъ, то, что обычно понимается подъ «упорядоченіемъ хлѣбной торговли», разныя проекты объединенія хлѣбной торговли въ рукахъ правительства, правительственной скупки хлѣба, правительственный экспортъ и т. д.,—все это вообщемъ не дѣло правительства. Менѣе всего должно оно вторгаться въ частно-хозяйственную сторону торговой дѣятельности. Его задача сводится къ содѣйствію организаціи хлѣбной торговли, къ борьбѣ съ злоупотребленіями, къ организаціи кредита и т. д. А въ этомъ направленіи оно и работало, и работаетъ.

Въ области акціонернаго дѣла отмѣтимъ подготовленіе новаго акціонернаго устава и упорядоченіе облигационнаго дѣла. Оба эти проекта еще не имѣютъ силы закона, но это вѣдь и не такіе вопросы, съ которыми можно было бы кончить въ столь короткий срокъ. Особенно, если говорить о проектѣ новаго устава объ акціонерныхъ компанияхъ.

Въ области внешней торговли, кромѣ ряда торговыхъ договоровъ, уже заключенныхъ или разрабатываемыхъ, за эти годы было также немало подготовлено. Главное, это—новая организація справочной части, дающая возможность внимательнѣе слѣдить за настроеніями заграничныхъ рынковъ, а также разработка проекта о торговыхъ агентахъ за границей. Когда такая мѣра осуществится, мы наконецъ-то получимъ для нашей внешней торговли опредѣленную опору, такъ какъ своевременно будемъ имѣть все необходимыя свѣдѣнія, а на мѣстахъ сбыта

наши торговцы будут иметь и помощь, и деньги указани. Укажемъ еще, что одна за другой учреждены пять палатъ, работающихъ надъ вопросами нашего вывоза: русско-англійская, бельгійская, славянская, итаго-французская и, наконецъ, российская экспортная. Палаты эти сразу привилегии и, конечно, постепенно будутъ оказывать все большее и большее влияние на развитие нашего вывоза.

Въ области промышленности—тутъ, можно сказать, пересмотрѣны рѣшительно всѣ стороны дѣла. Облегченъ порядокъ разрѣшенія на открытіе промышленныхъ заведеній, изданъ законъ о новомъ порядкѣ надзора за котлами, когдаи сказать, вызвавшій за одинъ 1910 годъ учрежденіе восьми опромныхъ обществъ по надзору за котлами, разработанъ проектъ закона объ упорядоченіи водомовъ отъ загрязненія сточными водами, организовано статистическое обследованіе состоянія обрабатывающей промышленности, принятъ рядъ мѣръ къ улучшенію и развитію выгосточнаго дѣла. Отмѣтимъ, что только за время съ 1905—1909 гг., при дѣтельномъ участіи правительства, было устроено 253 выгостки, да, кроме того, правительство припимало участіе въ рядѣ европейскихъ выставокъ.

Выработаны проектъ новаго пробирнаго устава, сокращены заказы, дѣлаемые за границей, приняты мѣры и проведены законы объ улучшеніи охраны промышленной собственности, т.-е. привилегій на изобрѣтенія, товарныхъ знаковъ и т. д. Изъ мѣръ, имѣющихъ общее значеніе, отмѣтимъ, наконецъ, отмѣну поруго-франко на Дальнемъ Востоку. Эта мѣра важна въ томъ отношеніи, что ею замкнулась въ нашей охранительной политикѣ та брешь, которая допускала возможность свободнаго ввоза иностранныхъ товаровъ. Мы же, какъ были всегда, такъ и теперь остаемся государствомъ, которое является поборникомъ протекціонизма, т.-е. системы покровительства отечественной промышленности цѣной такихъ пошлинъ на привозимые товары, которая позволили бы русскимъ товарамъ выдер-

живать конкуренцію съ привозными. Правда, еще имѣются въ Европѣ представлятели системы протекціонистской, которая отстаиваетъ открытія двери и вѣрить, что только свободное соперничество организуетъ промышленность. Но они имѣются только въ теоріи. На практикѣ же всѣ государства стараются на путь протекціонизма, ибо онъ, въ концѣ концовъ, и есть единственно реальный путь.

Мы вспоминаемъ только то, что у всѣхъ болѣе или мѣнѣе на виду и что вообще не требуетъ особыхъ специальныхъ объясненій. Но сдѣлано еще и много другое. Напримѣръ, значительно упорядочена хозяйственная сторона эксплуатаціи казенныхъ горныхъ заводовъ, приняты мѣры протѣтъ тенденціи казенныхъ заводовъ, синдикаловъ искусственно повысить цѣны на соль, разработаны законопроекты объ упорядоченіи условий, на которыхъ сдѣлается съ горновъ участки нефтеносныхъ земель, разработано новое положеніе о частномъ торномъ промыслѣ, предприняты обширныя работы по производству гидротехническихъ изобрѣженій России. Немало сдѣлано и для развитія и охраны русскаго торговаго флота, а также для расширенія нашихъ портовъ. Въ этомъ отношеніи правительство исходило изъ той основной мысли, что русскій торговый флотъ, какъ сравнительно молодая организація, нуждается, по крайней мѣрѣ пока, въ дѣтельной охранѣ отъ конкуренціи иностранныхъ флотовъ. Эти послѣдніе имѣютъ значительныя преимущества передъ нашимъ и въ отношеніи техники дѣла, и въ отношеніи его коммерческихъ условий, въ частности въ отношеніи къ себѣстоимости транспортныхъ услугъ. Эта себѣстоимость фрахтовъ у иностранцевъ всегда ниже, чѣмъ у насъ, такъ какъ они работаютъ болѣе дешевыми капиталами и пользуются бо-льше производительнымъ трудомъ своего команднаго состава. Конечно, отъѣвая иностранцевъ, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ на болѣе или мѣнѣе продолжительное время рискуемъ увеличить стоимость нашихъ морскихъ перевозокъ, что, несомнѣнно, не безразлично для нашей торговли, но

такую уже снисхождению великой покровительственной политики, и из двух зол надо выбирать меньшее.

За последние годы были приняты ряд мѣръ и къ развитію русскаго судостроенія и судоходства. Были организованы новыя и развиты прежде существовавшія сродныя пароходныя сообщенія, выдавались павиационныя премии, принимались мѣры къ устанавленію болѣе безопасной плавани, развивалось дѣло мореходнаго образованія, такъ что теперь имѣется у насъ уже до 50 спеціальныхъ мореходныхъ школъ, проводятся повый законъ о судоходныхъ судахъ, улучшаются старое дѣленіе судовъ, въ оппшеніи правъ командованія, на нарушныя и паровыя. На портовое строителство за время съ 1907—1912 г.г. было ассигновано около 40 милліоновъ. Хотя еще и на 1912 г. ассигнуется для этой надобности всего лишь 9,4 милліона рублей, по объему такая сравнительно малая цифра не тѣмъ, что вопросъ о портахъ остается какъ бы въ тѣни, а тѣмъ, что только теперь закончена разработка общаго плана дальпѣйшихъ необходимыхъ ассигнованій. Уже, начиная со свѣтъ будущаго года, предполагается ежегодно, въ теченіе пяти дѣтъ, отпускать на устройство портовъ первой очереди по 18 милліоновъ.

Весьмо многое сдѣлано за эти годы для развитія профессиональнаго и технического образованія. Это можно видѣть хотя бы изъ того, что еще въ началѣ 1906 года у насъ было только 257 учебныхъ заведеній указаннаго характера, а къ веснѣ 1911 года ихъ имѣлось уже почти 650. Какъ быстро шло развитіе, можно судить по одному тому, что только за 1910—11 учебный годъ было открыто 176 новыхъ школъ, изъ которыхъ пѣкоторыя—очень дорого століція спеціальныя школы. Напомнимъ, что въ числѣ новыхъ школъ, открытыхъ за послѣдніе годы, имѣется опромный Донской политехнической институтъ и Екатеринбургское горное училище. Въ области коммерческаго образованія мы встрѣчаемся съ не менѣе показательными цифрами: за четыре года, съ 1906 по 1910 г.г., число школъ удвоилось, а если считать

по 1 мая 1911 года, то почти утроилось, такъ какъ за одинъ 1910—11 академическій годъ было открыто 124 коммерческихъ учебныхъ заведеній.

Могутъ сказать, конечно, что тѣмъ не менѣе всего этого еще недостаточно. Но такъ ли? Нельзя судить о величинѣ чего-либо, не установивъ предварительно точнаго масштаба. Если мы примемъ за масштабъ то обстоятельство, что рѣчь идетъ въ сущности только о пѣкольныхъ первыхъ годахъ нашего общаго подъема, то считая сдѣланное недостаточнымъ значитъ, дѣйствительно, ждаты чудеса, а не жить реальной жизнью.

Несправедливы и тѣ, кто утверждаетъ, будто за эти годы ничего не сдѣлано для улучшенія быта рабочихъ и вообще условій примѣненія труда. Упрекаютъ, главнымъ образомъ, тѣ, кто выдвигаетъ впередъ вопросъ о рабочихъ не во имя дѣйствительнаго ихъ блага, а исключительно во имя обостренія классовой борьбы, какъ испытаннаго революціоннаго средства. Раздвигаютъ вражду рабочихъ противъ фабрикантовъ, какъ и вообще противъ всѣхъ, кто что-нибудь имѣетъ, и дѣйствуютъ на революціонный инстинктъ рабочихъ масель, призывая ихъ къ непримиримому существованію политическаго и экономическаго строя. Филты же между тѣмъ показываютъ, что именно за послѣдніе годы правительствомъ усиленно подготовляло и создавало тѣ новыя условія, которыя отчасти уже и сейчасъ, а особенно—въ ближайшемъ будущемъ должны дать рабочимъ и вообще улучшеніе ихъ быта и, въ частности—неомнѣнное улучшение условій ихъ труда.

Кстати отмѣтимъ, что рабочий вопросъ въ Россіи вообще не имѣетъ и тѣни той остроты, которая присуща ему на Западѣ. У насъ, при 160 милліонахъ населенія, едва насчитывается 4 милліона рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, если считать въ томъ числѣ и казенные заводы, и желѣзныя дороги, и мелкія предпріятія. У насъ къ тому же по крайней мѣрѣ половинна всѣхъ рабочихъ имѣетъ организескую связь съ мѣстностью, гдѣ находится данное

предприятия, такъ что это—не озоранные отъ земли люди, которые, какъ наблюдается на Западѣ, дѣликомъ ушли въ свою рабочую специальность, а полу-рабочие, полу-земледѣльцы. Наконецъ, у насъ уже давно оптошениа между работодателами и рабочими сложились такъ, что многиа тѣ-желдыя стороны рабочего вопроса въ его западно-европейскомъ пониманіи смѣщаются сами собой. Напримеръ, предприятия считаютъ своей обязанностью лечить большахъ рабочихъ, устраивать для дѣтей рабочихъ ясли, школы, школы, помогать выдающимъ въ нищету, помогать тѣмъ, кто потерялъ работоспособность, хотя бы и по причинамъ, не связаннымъ органически съ работой въ предприятии. То, что на Западѣ устанавливалось путемъ продолжительной и тяжелой борьбы, у насъ складывалось само собой, и нашему законодательству поэтому регулирование отношеній между предприятиями и рабочими доставалось сравнительно съ меньшимъ трудомъ.

Важнѣйшей мѣрой, которая была принята за послѣдніе годы въ смыслѣ улучшенія быта рабочихъ, это—проведеніе закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и устройство большахъ касокъ, которые имѣютъ значеніе страхованія на случай болѣзни. Законы эти уже прошли и въ Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, тѣхъ, какъ извѣстно, правительство защищало ихъ со всей энергіей. Этими законами разрѣшается одна изъ самыхъ серьезныхъ сторонъ рабочего быта, такъ какъ ничего нѣтъ страшнѣе для рабочего, какъ заболѣть или потерять способность къ труду. Страхованіе и большахъ касокъ замѣняютъ рабочему отсутствіе у него сбереженій, а, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ освободить его отъ вѣчной опасности слѣдаться вѣрнуть безпріютнымъ нищимъ.

За послѣдніе же годы слѣдано и многое другое: предоставлена возможность рабочимъ учреждать профессиональныя союзы; правда, дѣвне увѣряютъ, что, давъ такое право, правительство принимаетъ всѣ мѣры, чтобы рабочие не могли осуществляютъ его; но это—ложь, такъ какъ закрываются

лишь тѣ профессиональные союзы, которые становятся на революціонный путь. Въ эти же годы было отмѣнено за-прещеніе устраивать стачки, но, конечно, такія, которыя не сопровождаются насиліями, порчей машинъ, вообще не выходятъ за предѣлы собственно экономическихъ стачекъ. Принять рядъ мѣръ къ улучшенію жилищнаго вопроса въ окрестъ бакинскаго нефтяного района, тѣхъ этотъ вопросъ составляетъ дѣятельную заботу дня для рабочихъ. Приняты мѣры къ установленію большей безопасности работъ на горныхъ промыслахъ. Судяны существующае шати къ разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ обстановкой и бытомъ судорабочихъ.

Многое еще осталось слѣгать. Это бесспорно. Но то, что уже слѣдано, показываетъ наглядно, что работа въ данномъ направленіи началась, что ведется она съ глубокимъ сознаніемъ въ ея необходимости, а это-то и является лучшимъ залогомъ успѣха.

VII.

Положеніе русскихъ финансовъ общезвѣстно. Въ то время, какъ у насъ, въ Россіи, имѣются политическія группы, которыя все еще продолжаютъ доказывать, что никакого «настоющаго» финансоваго благополучія у насъ нѣтъ, что весь финансовый успѣхъ, о которомъ такъ много говорятъ, сводится, въ сущности, къ «искусственному накопленію свободной наличности» и т. д., въ западно-европейской финансовой литературѣ посвящаютъ нашему генералному финансовому благополучію многочисленныя изслѣдованія, основанной мыслью которыхъ является признаніе, что «страна, которая могла такъ быстро и съ такимъ блескомъ выйти изъ послѣдствій тяжелой войны и слѣдовавшей за ней опасной смуты, является страной съ исключительно здоровыми экономическими тканями».

Чтобы судить о томъ, что было и что стало, напомнимъ, что уже къ концу 1905 года, т. е. вѣкоръ послѣ окончанія

войны, папе денежное обращение, этот фундамент промышленности и экономической деятельности, подверглось величайшему испытанию—оно было накануне разрушения. Уже поднимался вопрос о томъ, чтобы отъ размытого кредита перейти опять къ неразмытому, такъ называемому принудительному курсу. Былъ уже готовъ указъ Сенату, расширившій выпускъ кредитныхъ государственныхъ билетовъ, безъ соотвѣтствующаго покрытия золотомъ. Къ счастью, это не было осуществлено, а въ 1907 году, т. е. черезъ какихъ-нибудь полгода, наши финансы стояли уже на пути не только полнаго выздоровленія, но и теперешняго ихъ процвѣтанія. Проведя въ 1908 и 1909 г. г. государственныя росписи съ незначительными дефицитами, мы имѣли затѣмъ три росписи подъ рядъ безъ дефицитовъ, хотя именно въ эти послѣдніе три года значительно увеличены ассигнованія на всѣ важнѣйшія государственныя потребности и сверхъ того было потрачено государственнаго долга на 200 милліоновъ рублей.

За эти же годы нами накоплена весьма значительная свободная наличность, т. е. готъ остатокъ средствъ, который опредѣляется за вычетомъ всѣхъ какъ произведенныхъ, такъ и подлежащихъ выпоненію платежей казны. Если взять положеніе свободной наличности за двадцать лѣтъ, то окажется, что до войны наименьшій размѣръ свободной наличности приходился на долю 1892 года, когда она равнялась 72 милліонамъ, а наибольшій—на долю 1903 года, когда она равнялась 381 милліону. Въ 1908 году свободная наличность была меньше двухъ милліоновъ, но уже въ 1909 году она повысилась до 107 милліоновъ, въ 1910 г. она равнялась 333 милліонамъ и въ 1911 году выразилась огромной суммой въ 450 милліоновъ.

Откуда образовалась эта свободная наличность? Благодаря прекраснымъ трудамъ г. Дементьева, всесторонне изучившаго этотъ сложный и тонкій финансовый вопросъ, легко сдѣлать необходимые подсчеты. Какъ извѣстно, наша роспись состоитъ изъ двухъ бюджетовъ: обыкновеннаго и

чрезвычайнаго. Обыкновенные доходы, т. е. прямые и косвенные налоги, пошлины, доходы отъ государственныхъ имуществъ и т. д., являются единственными источниками для покрытия расходовъ обыкновенныхъ дорогъ, на уплату вознагражденія за отбѣну права проинанціи (такъ называется сохраннишнее въ Вессарабіи, въ привислинскихъ и отзейскихъ губерніяхъ, а также въ Заландомъ край исключительное право выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ на земляхъ того или иного владѣльца) и на хозяйственно-операционныя потребности военнаго и морского флота. Остатки обыкновенныхъ доходовъ, за вычетомъ указанныхъ расходовъ, и всѣ чрезвычайныя поступления принадлежатъ къ свободной наличности. Къ чрезвычайнымъ же поступлениямъ относятся: выручка отъ займовъ, вклада на вѣчное время, освободившіеся спеціальныя и другіе капиталы и суммы, вносимыя въ казну въ возвратъ чрезвычайныхъ расходовъ, преимущественно такихъ, которые были исполнены за счетъ свободной же наличности (отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ—въ возвратъ позимствованній изъ казны, отъ земскихъ учрежденій, продовольственныхъ капиталовъ и населенія—въ возвратъ пособій на продовольственные и сѣмленные потребности и т. п.). Наконецъ, всѣ чрезвычайные расходы, кроме указанныхъ выше, считаются расходами изъ свободной наличности. Чрезвычайными расходами являются: назначенія, вызываемыя неурожаями, расходы по военнымъ обстоятельствамъ, выдачи обществамъ желѣзныхъ дорогъ подъ гарантію выпускаемыхъ ими займовъ и другія выдачи частнымъ дорожнымъ предприятиямъ; досрочное погашеніе и конверсія займовъ, выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, операционные расходы по выпуску займовъ и еще нѣкоторые виды расходовъ въ томъ же родѣ.

Если теперь взять наши бюджеты за двадцать лѣтъ и подсчитать всѣ расходы, отнесенныя на средства свободной наличности, то окажется, что ихъ было произведено на сумму въ 5,6 милліарда. Въ составъ же средствъ свобод-

ной наличности вошли: остатки обывковенныхъ доходовъ—1.330,4 м. р., чрезвычайныя поступления—4.435,7 м. р. и обращенные въ ресурсы казны остатки отъ чрезвычайныхъ ассигнований—260,6 м. р., итого 6 миллиардовъ рублей. Вычтемъ изъ этой суммы тѣ 5,6 миллиарда, которые были истрачены, и мы получимъ въ остаткѣ ту свободную наличность, которой мы располагали въ началѣ текущаго года.

Тѣ, кто относятся недружелюбно къ успѣхамъ русскихъ финансовъ,—а у насъ, къ сожалѣнію, имѣются и такія политическія группы,—увѣряютъ, будто бы, по существу, наша свободная наличность составила изъ повышенія налоговъ и остатковъ отъ заключенныхъ нами въ разное время займовъ. Этимъ хотѣтъ сказать, что если мы имѣемъ оборотенія, то не въ силу здороваго роста государственныхъ доходовъ и разумной бережливости, съ какой сохраняются остатки отъ смѣтныхъ ассигнований, а, наоборотъ, потому, что мы безъ нужды повышаемъ налоги и беремъ въ долгу путемъ займовъ больше, чѣмъ намъ необходимо. Лучшимъ отвѣтомъ на эти упреки служить то обстоятельство, что оба утвержденія, дѣлаемыя такого рода критикой, фактически неверны. Что касается налоговъ, то, при всей трудности установить, въ какихъ суммахъ выразилось вліяніе новыхъ налоговъ и повышенія старыхъ на ростъ свободной наличности, является все же безспорнымъ, что обложение повышалось не для увеличенія свободной наличности, а только потому, что росли расходы. Тѣмъ не менѣе, конечно, въ первые годы или два по увеличеніи обложения, пока вызванный ими приростъ доходовъ еще не могъ быть использованъ полностью для удовлетворенія расходовъ, кое-что могло перейти въ свободную наличность. Подробное разсмотрѣніе такихъ случаевъ показываетъ, однако, что отъ повышенія обложения въ свободную наличность могло поступить за 20 лѣтъ не болѣе 230 мил. рублей, между тѣмъ какъ въ то же время доходы сократились, вслѣдствіе отменныхъ выкупныхъ платежей, на 92—94 мил. рублей въ годъ.

Итого, слѣдовательно, остается около 140 мил. рублей. Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на другое. Эдѣсь приводится цифра, взятая за двадцать лѣтъ. Между тѣмъ, свободная наличность въ 1908 году, какъ уже сказано выше, пошла до ничтожной суммы меньше двухъ миллионовъ. Слѣдовательно, поскольку мы говоримъ о теперешнемъ состояніи свободной наличности, надобно принимать во вниманіе повышение налоговъ только съ 1908 года. Что же мы видимъ? Съ сентября 1908 года у насъ повышены казенскія и судебныя пошлины, которые дають, по общему подсчету, около 2½ мил. въ годъ; въ концѣ 1908 года повышена продажная цѣна казеннаго вина, что даетъ увеличеніе дохода на 37 мил.; оклады поземельнаго налога въ Закавказьѣ и Туркестанѣ повышены въ 1909 году въ круглой цифрѣ на миллионъ. Повышеніе акциза съ табака, по закону 7 іюня 1909 года, увеличиваетъ поступленіе приблизительно на 10 миллионовъ рублей. Новый налогъ на папиросную бумагу и пивъ, введенный съ 1909 года, даетъ намъ 4½ миллиона рублей. Наконецъ, ожидается поступленіе новаго налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и мѣстечкахъ на сумму около 10 миллионовъ рублей. Въ итогѣ, все это даетъ около 60 съ небольшимъ миллионовъ рублей. Но нельзя забывать, что въ то же время, за отменной выкупныхъ платежей съ сельскаго населенія, изъ государственнаго бюджета выпала доходная статья въ 92 или 94 миллиона рублей. Такимъ образомъ, то, что даю намъ повышение налоговъ, не достигаетъ на сумму болѣе 30 мил. рублей того ущерба въ налогахъ, который произойдетъ отъ отменныхъ выкупныхъ платежей.

Но, можетъ быть, дѣйствительно, въ свободную наличность вошли суммы, полученные путемъ займовъ? Спещально сдѣланные подсчеты показываютъ, что изъ поступленій по займамъ за всѣ послѣднія двадцать лѣтъ, а именно изъ 4,1 миллиарда, основная часть въ суммѣ 3,6 миллиарда имѣла определенное специальное назначеніе. Такое же назначеніе имѣла и сумма въ 289 миллионовъ, получен-

налъ отъ займовъ въ 1894 году и пошедшая на увеличение нашего размынаго фонда по случаю произведенной въ 1895 году реформы денежнаго обращенія (золотая валюта). Иначе говоря, весь вопросъ сводится уже къ сравнительно малой остатальной суммѣ, т. е. всего къ 200 съ лишнимъ милліонамъ. Изъ чего же она состоитъ? Изъ вкладовъ на вѣчное время въ суммѣ 57,7 мил. рублей, изъ обратенныхъ въ общіе ресурсы казны свободныхъ остатковъ отъ спеціальныхъ займовъ—49,6 мил. рублей и выручки отъ займа 1909 года—148,8 мил. рублей; изъ этихъ постѣднихъ 43,6 мил. рублей пошло на покрытие дефицита по исполненію росписи 1909 г. и осталось 105,2 мил. рублей въ свободной наличности къ 1 января 1910 года. Такъ какъ по росписямъ 1910 и 1911 г. г. ассигновано 50 мил. рублей на досрочное погашеніе государственнаго долга, а остальные займовыя поступленія (вклады и проч.) въ свое время были употреблены на покрытие расходовъ, отнесенныхъ на общіе ресурсы наличности, то къ 1 января 1912 года осталось въ свободной наличности суммъ, полученныхъ отъ реализаціи займовъ, всего 55,2 мил. рублей. Между тѣмъ, по смѣтѣ на текущій годъ правительство предложило погасить билетами государственнаго казначейства на 100 милліоновъ рублей, да, кромѣ того, Дума внесла проектъ погашенія государственныхъ долга еще на 54 мил. рублей. Въ итогѣ, слѣдовательно, не только въ свободной наличности не будетъ никакихъ суммъ займагого происхожденія, но сверхъ того окажется, что въ свободную наличность поступило отъ займа 1909 года 105,2 мил. рублей, а погашено и погашается долговъ на 204 милліона рублей.

Какъ ни специаленъ весь этотъ вопросъ, но мы все же рѣшимся остановиться на немъ вниманіе читателей. Мы имѣли въ виду наглядно показать, какъ пестраведливо, не справляясь съ фактами, не изучивъ дѣла, бросаются свои упреки лѣвые критики. Что называется: охота смертная, да участь горькая! Съ рвениемъ, достойнымъ лучшаго при-мѣненія, настаиваютъ они на русскіе финансы, и тѣмъ

ожесточеннѣ ихъ пандаки, чѣмъ имъ самнмъ легче тѣ упѣхи, которые въ этомъ отношеніи достигнута страной.

Возьмемъ хотя бы другой боевой вопросъ, тотъ, который также не сходится съ языкомъ критиковъ. Угьрляютъ, что вся система нашихъ финансовъ строится на все большемъ и большемъ «назкимаціи податного вѣнта», говоря попросту—на переходѣнцемъ принципа повышенія обложенія. Мы только что указали, каково въ дѣйствительности это повышеніе. За послѣдніе годы, при повышеніи налоговъ на 60 милліоновъ, мы отказались отъ налога, дававшего 92—94 милліона. Напомнимъ этого, если сосчитать, сколько у насъ приходится налоговъ на душу населенія, то окажется, что въ 1908 году съ души взималось 10 рублей 31 коп., а въ текущемъ году—10 руб. 84 коп., что даетъ за четыре года повышеніе всего въ 53 коп. на душу. Но въ это повышеніе вошли и прямыя, и косвенныя налоги, а въѣд величина косвенныхъ налоговъ записана отъ размѣровъ потребленія. Собовершенно же прямыя налоги дали за тѣ же четыре года увеличеніе всего на 9 коп. на душу. Между тѣмъ, за тѣ же годы въ другихъ государствахъ мы имѣемъ слѣдующія цифры: въ Англіи то, что называется налогомъ государственнымъ, въ 1908 году давало на душу населенія 26 рублей 88 коп., вмѣсто нашихъ 10 рублей 31 коп. Въ 1911 году оно составляетъ уже 31 руб. 89 коп., т. е. увеличеніе составляетъ 5 рублей 01 коп. на душу, вмѣсто нашихъ 53 коп. Франція въ 1908 году имѣла душевой налогъ 30 рублей 82 коп., по бюджету же на 1912 годъ онъ долженъ дать—34 рубля 12 коп.; прибавка, слѣдовательно, составляетъ 3 рубля 07 коп. Въ Пруссіи въ 1908 году па-логовой расчетъ на душу былъ равенъ 13 руб. 19 коп., а на 1912 годъ онъ достигъ уже 17 руб. 03 коп.; прибавка опредѣлилась въ 3 руб. 82 коп.; Австро-Венгрія—16 руб. 50 коп., теперь 19 руб. 26 коп., прибавка—3 руб. 76 коп.

Не будемъ дѣлать никакихъ сколько-нибудь широкихъ выводовъ, такъ какъ всякія подобныя сраженія слѣдуетъ принимать и понимать съ рядомъ оговорокъ. Все же факты

говорят сами за себя. Именно за последние четыре года наше население экономически стало сильнее, въ то время какъ на Западѣ за тѣ же годы то тамъ, то здѣсь сказываются признаки нѣкотораго паденія утомленія; тѣмъ не менее цифры нашего налогового повышенія до смѣрнаго малы.

Все сказанное станетъ еще явнѣе, если мы попробуемъ остановиться на отдѣльныхъ, хотя бы только главнѣйшихъ цифрахъ, изъ которыхъ складается нашъ бюджетъ. Начнемъ съ доходовъ. Расгуть поступленія по вѣдѣмъ группамъ доходовъ. Прямые налоги, т. е. подати, налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ, съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, государственныя промышленныя налоги, со 163 милліона, поступившихъ въ 1906 году, дошли до 224,9 милліона, какъ это предложено по проекту росписи на текущій годъ. Дѣйствительное же поступленіе, слѣдуетъ думать, будетъ выше, такъ какъ уже въ 1910 году поступило по этой статьѣ 216 милліоновъ, а средній приростъ за послѣднее пятилѣтіе равенъ почти 15 милліонамъ въ годъ. Косвенные налоги возросли съ 494 милліоновъ въ 1906 году до 638 милліоновъ, по исчисленіямъ проекта росписи на текущій годъ. Пошлины, т. е. гербовыя, судебныя, съ духовныхъ заведеній, съ пассажировъ, грузовъ и т. д., давшія въ 1906 году 113 милліоновъ, дошли по исчисленіямъ проекта росписи на текущій годъ до 180 милліоновъ. Правительственныя регалии, т. е. почтово-телеграфное дѣло, торный доходъ, монетное дѣло, винная монополія, съ 777 милліоновъ выросли до 867 милліоновъ. Казенныя имуществъ и капиталы, т. е. доходы съ земель, дѣсовъ, отъ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и т. д., возросли съ 603,6 милліона до 814,7 милліона. Такимъ образомъ, въ среднемъ по этимъ главнѣйшимъ статьямъ доходы государства возросли за послѣдніи шесть лѣтъ болѣе, чѣмъ на 300/0. Всего въ 1906 году поступило 2.342 милліона рублей, а по проекту росписи на 1912 годъ ожидается 2.855 милліоновъ; исчислено же Думой—2.896 милліоновъ рублей,

что составляетъ за шесть лѣтъ превышеніе въ огромную сумму болѣе полумилліарда рублей.

Теперь сдѣлаемъ слѣдующее: изъ поступившихъ за 1907—1911 гг. доходовъ исключимъ издержки взиманія, операционные расходы и разныя оборотныя поступленія. Тогда окажется, что налоги возросли за эти четыре года всего на 20,40/0, а доходъ съ казенныхъ имуществъ, капиталовъ и регалий возросъ на 106,60/0. Можно установить также, что валовой доходъ за тѣ же годы возросъ на 260/0, а чистый доходъ—на 38,10/0. Что означаютъ эти цифры? Во-первыхъ, то, что ростъ нашего бюджета совершается не только за счетъ налоговъ, но и за счетъ государственныхъ имуществъ и капиталовъ, при чемъ доходы съ нихъ увеличиваются много быстрѣе, чѣмъ суммы, взимаемыя съ налоговъ. Во-вторыхъ, это же доказываетъ, что обращено, наконецъ, самое серьезное вниманіе на сокращеніе издержекъ производства. Выжайшимъ образомъ, все это улучшеніе произошло по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, чистый доходъ которыхъ съ 30,7 милліона въ 1907 году возросъ въ 1911 г. до 195,3 милл. рублей, а затѣмъ по дѣловому хозяйству¹⁾, по винной монополіи и т. д.

Мы упомянули о винной монополіи. Она составляетъ существенную часть нашего бюджета. Въ 1907 г. она дала 505,4 милліона чистаго дохода, а въ 1911 году—620,6 милліона чистаго дохода. Это такія крупныя цифры, что у всякаго, кто сознательно или по невѣдѣнію смѣшиваетъ такія двѣ совершенно разныя вещи, какъ вопросъ о монополіи и вопросъ о народномъ пьянствѣ, является охота доказывать, будто бы «Русское государство живетъ, главнымъ образомъ, нородною слабостью» и будто бы «только слѣпые не могутъ видѣть всего этого ужаса». Тутъ же, конечно, даются и соответственныя финансовыя совѣты: надо отказатьсья отъ

¹⁾ Валовой доходъ съ казенныхъ дѣсовъ за 25 лѣтъ возросъ почти въ шесть разъ, дойдя съ 13,9 милл. въ 1885 г. до 82,5 милліона. въ 1910 г. Чистый же доходъ возросъ за то же время смѣшномъ въ 9 разъ.

такого источника доходов, надо перестроить бюджет так, чтобы государство не могло упрекать себя в том, что оно развивается за счет «пронизавшего народа». Какая трюмкая слюва и какое эмбеть съ тѣмъ непонимаше дѣла! Народъ пьетъ, либо не пьетъ совершенно независимо отъ вопроса о томъ, существуетъ въ странѣ, либо не существуетъ винная монополія. Мы видимъ это по тѣмъ странамъ, гдѣ монополія нѣтъ, но гдѣ пьютъ не только не меньше, чѣмъ у насъ, но и много больше. Другое дѣло, если бы можно было доказать, что существуетъ возможность, отыгнать монополію, въ то же время и запретить вообще всякое потребление спирта, кромѣ какъ для цѣлей техническихъ, лечебныхъ и т. п. Но это неосуществимо. Если еще можно думать о чемъ-либо подобномъ на крошечныхъ территорияхъ, вроде американскаго штата Манъ, который развелъ четверти нашего убѣзда, то въ государствахъ столь необъятныхъ, какъ Россія, всякая такая мѣра не привела бы ни къ чему, кромѣ широкаго развитія тайнаго винокуренія, контрабанды, тайныхъ приноновъ, и, конечно, одной половинѣ государства пришло бы безусловно събѣдить за другой половиной, которая же запретила потребленіе водки нельзя, то отказъ государства отъ обложения спирта равнялся бы такому увеличенію спиртныхъ напитковъ, при которомъ пьянство немедленно же усилилось бы, можетъ быть, даже въ двадцать разъ.

Что же въ такомъ случаѣ остается отъ всѣхъ этихъ завлеченій противъ винной монополіи? Стремленіе вернуться къ старой акцизной системѣ? Но, во-первыхъ, при ней были не меньше, во-вторыхъ, она для казны невыгоднѣе, в-третьихъ, она веда къ распространенію въ массахъ такой водки, которая по качеству была хуже и много вреднѣй. Именно оттого, что винная монополія составляетъ незначительную часть нашего бюджета, къ вопросу о ней слѣдуетъ относиться съ особой осторожностью. Дѣйствуя на чувства и рѣшительно не считаясь съ фактами, не трудно, конечно,

вызвать въ обществѣ навѣстныя настроенія противъ винной монополіи, но отъ этого получается лишь вредъ и для финансовъ страны, и для того же вопроса о необходимости энергичеки бороться противъ народнаго пьянства. Вредъ для финансовъ состоитъ въ томъ, что безъ основанія финансированіе заподозрѣвается въ стремленіи эксплуатировать народную слабость; для вопроса же о борьбѣ съ пьянствомъ огромный вредъ заключается въ томъ, что увеличивается неразумная увѣренность, будто бы, пока существуетъ винная монополія, никакая дѣйствительная борьба съ пьянствомъ невозможна. Наоборотъ, именно при винной монополіи она болѣе возможна, чѣмъ при всякой иной системѣ, поэтому что государство не кабатчикъ и ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не занитересовано въ томъ, чтобы спавать народъ.

Вообще же, всѣ эти крики противъ винной монополіи относятся къ числу тѣхъ ходячихъ мыслей, которые, какъ истергалъ монета, легко обращаются, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются давно потерявшими всякую цѣну. Только, напримѣръ, шумѣли по поводу другой подобной же мысли—о сосредоточеніи всей хлѣбной торговли въ рукахъ правительства. Между тѣмъ, вѣдь это было бы разореніемъ для страны, какъ тому уже и было примѣръ въ Бразиліи, гдѣ правительство поспособало монополизировать торговлю кофе. Съ не менѣе вздорнымъ проектомъ выслушали и тѣ, кто предлагаетъ правительству взять на себя монополію хлѣбнаго экспорта. Отчего уже заодно не предложить правительству и монополію хлѣбопеченія?

Предполагаютъ, повидимому, что финансовая и экономическая жизнь страны слабеетъ, измѣняется и переустраивается по шувьему велѣнію, сегодня такъ, а завтра—иначе, въ времена и пространства, въ зависимости отъ того, какая досужая мысль придетъ въ голову любому прожектеру. Государственное хозяйство—чувствительный организмъ, отзывавщійся на всѣ запросы, колебанія и поансы мирового хозяйства. Мудрить, при желаніи, можно и здѣсь, но за

каждую такую попытку неизбежно платиться, а вѣдь платится будетъ население, страна. Уже по одному этому государству не имѣетъ ни малѣйшаго права ни на какія мѣры, угрозъ, которыхъ сомнѣтель, а тѣмъ болѣе на такія, полная несостоятельность которыхъ очевидна.

Перейдемъ къ вопросу о расходахъ. Расходы могутъ быть раздѣлены на четыре основныя группы. Первая, это—расходы общаго управленія, на оборону и по обязательствамъ государства, на вознагражденіе рентнаго характера и на пенсионное обезпеченіе служащихъ и аренды. Вторая группа—расходы на содержаніе духовенства и на церкви, на просвѣщеніе, науки и искусства, на врачебную часть, на землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство, на содѣйствіе казны развитію торговли и промышленности, на пути сообщенія, кромѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, и порты, на почту, телеграфъ и телефонъ. Третья группа—расходы на казенныя операціи и, наконецъ, четвертая—расходы на непредвидѣнныя смѣтами экстренныя надобности и на произволство не выполненныхъ расходовъ прежнихъ лѣтъ. Если мы обратимся къ цифрамъ за послѣдніи пять лѣтъ, то увидимъ, что по суммѣ общаго итога наибольшей является первая группа расходовъ. Въ 1907 году она равнялась 1,2 миллиарда и составляла 56,3 процента обыкновенныхъ расходовъ, а въ 1912 г.—1,4 миллиарда, т. е. 55,7 процента обыкновенныхъ расходовъ. Наибольшимъ по размѣрамъ ассигнованіемъ въ предѣлахъ этой группы являлось, конечно, ассигнованіе на государственную оборону. Какъ увидимъ далѣе, въ главѣ о дѣлахъ военныхъ и морскихъ, расходы эти были значительно увеличены за послѣдніе годы. По смѣтѣ текущего года они составляютъ 26,1 процента общаго итога обыкновенныхъ расходовъ.

Конечно, это очень крупная сумма. Но размѣръ ея опредѣляется тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ Россія среди другихъ государствъ. Будемъ помнить необходимость большой осторожности при сравненіи бюджетовъ одного государства съ бюджетами другихъ странъ, но все же ука-

жемъ, что на военныя надобности Германія ассигнуется (бюджетъ прошлаго года) 48,6 процента итога обыкновенныхъ расходовъ, Англія—39,4%, Франція—31%. Конечно, процентное отношеніе опредѣляется общимъ построеніемъ бюджета данной страны, а у каждаго государства свое построеніе. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ названныхъ государствахъ военныя расходы и сами по себѣ очень велики, и, кромѣ того, ежегодно растутъ съ особой быстротой, далеко опережая въ своемъ ростѣ увеличеніе всѣхъ другихъ расходовъ.

Къ той же первой группѣ, какъ сказано выше, относятся и платежи по государственнымъ займамъ. По этой статьѣ имѣется также увеличеніе, но крайне незначительное, всего на девять миллионъ, если сравнивать съ 1907 годомъ. Тогда мы трагили по этой статьѣ 425,6 миллионъ, а по смѣтѣ на текущій годъ предположено потратить 434,7 миллионъ. Впрочемъ, это и понятно, такъ какъ за эти годы мы увеличили нашъ долгъ на два небольшихъ займа, а именно—въ 1908 и 1909 г.г., но зато въ прошломъ году и въ текущемъ погасили и имѣемъ въ виду погасить старыя долги болѣе, чѣмъ на 200 миллионъ рублей. Выбѣсъ съ тѣмъ за послѣдніе же годы стали много лучше работать частныя желѣзныя дороги, а, слѣдовательно, и казна меньше приплачиваетъ по ихъ обязательствамъ.

Расходы общаго управленія увеличились, сравнительно съ 1907 г., на 53 миллионъ, дойдя по смѣтѣ текущего года съ 284,4 миллионъ до 337,4 миллионъ. Но стѣдуетъ отмѣтить, что болѣе половины этого повышенія пришлось на долю министерства юстиціи, а 6 миллионъ—на долю тѣхъ расходовъ, которые опредѣлились въ связи съ землеустройствомъ и развитіемъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.

Всего по первой группѣ за эти пять лѣтъ расходы увеличились на 272 миллионъ. Это—22%, если сравнивать съ величиной расходовъ по данной же группѣ въ 1907 году. Зато расходы по второй группѣ, которую можно назвать

группной культурно-хозяйственных расходов, так как въ нее входят школы, дороги, землеустройство, агрономическая помощь и т. д., возросли за тѣ же пять лѣтъ на 85,8 процента. Больше всего подлились абсолютно расходы на просвѣщеніе, науки, искусства: съ 85,9 до 170,8 милліона; увеличеніе составляетъ 98,8 процента; въ частности, кредиты на низшее образование увеличились на 50,6 милліона, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ кредитовъ строительныхъ—на 60,2 милліона рублей.

Больше всего подлились относительно ассигнованій на землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство. На 1907 годъ они опредѣлились въ суммѣ 23,4 милліона, а на 1912 г. уже достигли въ 78,3 милліона, что составляетъ увеличеніе на 234,5 процента.

Расходы по содѣйствію казны развитію торговли и промышленности возросли на 77,7 проц.; кредиты на почту, телеграфъ, телефонъ возросли на 27,3 милліона, т. е. на 62,3 процента, подлившись за пять лѣтъ съ 43,9 до 71,2 милліона. Это увеличеніе вполне понятно, если принять во вниманіе, какъ быстро развивается у насъ почтово-телеграфное дѣло. Въ 1907 году число мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій равнялось 13,144, а уже въ 1909 г.—13,860; личный составъ за тѣ же три года увеличился на 3.700 человекъ, дойдя съ 31,9 тысячи до 35,6 тысяч; протяженіе телеграфныхъ линий увеличилось на 4.400 верстъ и т. д.

Не будемъ утомлять читателей дробнѣйшими подробностями, но прибавимъ, что если подвести общіе итоги, то окажется, что, такъ сказать, въ суммовомъ отношеніи наши расходы за пять лѣтъ повысились на 619,4 м. р.; изъ того числа удѣлено: культурно-производительнымъ расходамъ 264,5 м. р., оборонѣ—251,6 м. р. и вѣсѣ прочимъ расходамъ—103,3 м. р.

Эти цифры отчетливо характеризуютъ направленіе бюджетной политики за послѣдніе годы: развитіе расходовъ на потребности просвѣщенія, землеустройства и обороны прежде всего, а также и значительное увеличеніе ассигно-

ваній на постройки желѣзныхъ дорогъ. Мало, мало!—кратить на это слѣва. Не споримъ; было бы очень радостно, если бы существовала возможность тратить на культурно-хозяйственные надобности еще больше. Но можно ли требовать, чтобы нашъ бюджетъ, по мнновенію какого-то волшебнаго жезла, совершенно измѣнилъ свой обликъ? Можно ли настаивать, чтобы вмѣсто расходовъ на безопасность государства въ немъ превентивными расходами на культурно-производительныя потребности? Къ сожалѣнію, это такая роскошь, которой при настоящихъ политическихъ и социальныхъ условіяхъ не можетъ себя позволить даже наиболѣе богатая и передовая часть человѣчества.

Конечно, львиная доля государственныхъ средствъ уходитъ на расходы, обеспечивающіе внутреннюю и внѣшнюю безопасность страны. Оборона государства, уплата процентовъ по долгамъ, возникшимъ въ болышинствѣ случаевъ въ связи съ обороной, управленіе и вниманіе народовъ—вотъ тѣ основныя статьи расхода, которыя во всѣхъ современныхъ культурныхъ государствахъ поглощаютъ 60—85% ихъ ежегодныхъ доходовъ. Но такъвъ ходъ вещей. И онъ неизбеженъ, ибо такъ складывается и развивается исторія всего человѣчества.

Въ общемъ и дѣломъ нашъ государственный бюджетъ опредѣлялся слѣдующими цифрами: въ 1908 году (первый бюджетъ, принятый въ новомъ законодательномъ порядкѣ)—2.518 милліоновъ, въ 1909 г.—2.595 милліоновъ, въ 1910 г.—2.591 милліонъ, въ 1911 г.—2.720 милліоновъ, наконецъ, въ текущемъ году, по проекту бюджета и съ поправками Думы—три милліарда одинъ милліонъ рублей. Чтобы полнѣе понять эту колоссальную цифру, слѣдуетъ вспомнить, что только въ 1894 году, т. е. всего 18 лѣтъ назадъ, нашъ бюджетъ равнялся лишь одному милліарду, а дошелъ до второго милліарда въ 1906 году, пройдя, следовательно, этотъ путь въ двѣнадцать лѣтъ. Отъ второго же милліарда къ третьему бюджетъ перешелъ всего за шесть лѣтъ.

Нормаленъ ли этотъ ростъ? Не идемъ ли мы форсирован- нымъ маршемъ, не считаясь съ экономическимъ положеніемъ страны или вообще не учитываяъ какихъ-либо существенно важныхъ сторонъ дѣла. Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, достаточно напомнить всѣ тѣ данныя, которыя мы уже при- водили выше и которыя, слѣдуетъ думать, съ полной опре- дѣленностью показываютъ, какими быстрыми шагами идетъ процессъ широкаго экономического развитія страны. Но имѣются и другія соображенія. Мы совершенно точно мо- жемъ установить, что ежегодное нарастаніе государствен- ныхъ доходовъ даетъ намъ не меньше 4 процентовъ нараста- нія и при томъ нарастанія прогрессивнаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до послѣдняго пятилѣтія. Если взять среднее за 1907—1911 г.г., то это нарастаніе равнялось $4\frac{1}{2}$ про- центамъ. Если остановиться даже на этой цифрѣ,—а она, принимая во вниманіе совершеніеся на нашихъ глазахъ экономическое развитіе страны, скорѣе мала, чѣмъ велика,— то все же за десять лѣтъ мы получили увеличеніе доходовъ на сумму въ милліардъ двѣсти милліоновъ. Что же касается расходовъ, то до сихъ поръ среднее ихъ нарастаніе коле- балось между 80—90 милліонами въ годъ. Предположимъ эту цифру равной ста милліонамъ. Добавимъ еще по двѣсти милліоновъ въ годъ на постройку новыхъ желѣзныхъ до- рогъ и на военные заказы. Все же черезъ десять лѣтъ мы дойдемъ до суммы, которая будетъ меньше четырехъ миллі- ардовъ. Слѣдовательно, у насъ еще останется нѣкоторый запасъ.

Очевидно, мы пойдемъ много быстрее, но тѣмъ меньше, слѣдовательно, основаній заподозрѣвать естественность и строгую нормальность роста нашего государственнаго бюд- жета. Финансы наши переживали туіа времена, это—вѣрно, по опи пережили ихъ и достигли положенія, которое, по справедливости, можетъ быть названо блестящимъ.

Возьмемъ, напримеръ, положеніе нашего золотого за- паса, т. е. того золота, которымъ обезпечиваются выпу- скаемые государствомъ кредитные билеты. Эти запасы къ

1 января 1908 года составляли 1.271 милл., изъ которыхъ въ Россіи были 952 милліона, за границей 318 милліоновъ. Мы имѣемъ теперь уже 1.846 милліоновъ рублей, т. е. иначе говоря, золотой запасъ выросъ за эти четыре года на огромную сумму въ 575 милліоновъ. За эти же годы воз- росли весьма существеннымъ образомъ и такъ называемые ресурсы государственнаго казначейства. Подъ ними мы понимаемъ тѣ средства, которыя въ каждый моментъ со- ставляютъ принадлежность казны. Это есть превышеніе доходовъ надъ произведенными расходами, тѣ остатки, которые входятъ въ составъ свободной наличности; въ нихъ, конечно, есть связанная наличность, тѣмъ не меньше высога того, что принадлежатъ казнѣ, характеризуютъ собою уро- ченіе государственнаго достоянія. Своюкупность средствъ, принадлежавшихъ казнѣ въ 1908 году къ январю мѣсяцу, со- ставляла 256 милл. руб.; эта сумма слагалась изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства въ банкѣ въ 154 милліона руб. и изъ средствъ, хранящихся казною за гра- ницею въ размѣрѣ 102 милліоновъ. Сейчасъ эти средства, принадлежатія государственному казначейству, составля- ютъ 969 милліоновъ, т. е. увеличились на 712 милл. руб., при чемъ текущій счетъ государственнаго казначейства нынѣ составляетъ 560 милліоновъ, т. е. увеличился на 400 милл. руб.; состояніе средствъ казны за границей составля- етъ 413 милл. руб.—возросли болѣе, чѣмъ на 300 милл. рублей.

А наша государственная рента? На 1 января 1908 г. она расцѣпывалась въ 74 рубля, а сейчасъ она расцѣпни- вается въ 91 руб.; итого, она слѣдала улучшеніе въ 17 проц. Такого рода расцѣпка идетъ по всему фронту нашихъ бу- датъ, кроме очень немногихъ, которыя касаются отраслей промышленности, находящихся въ настоящее время въ усло- віяхъ неблагопріятныхъ.

Если возьмемъ, напримеръ, желѣзнодорожныя облига- ции, гарантированныя правительствомъ, то увидимъ, что, напримеръ, 40% проц. облигаціи Юго-Восточныхъ дорогъ въ январѣ 1908 года были 76, а теперь онѣ почти 90, что соста-

Вылететь почти 14 проц.; бумаги петаратипированных, каковы 5-проц. облигации общества подъёмных путей, были 62, теперь онъ сталъ 86, что составляетъ успѣхъ въ 26 проц. Дивиденды бумаги повысились еще болѣе; нѣкоторые достигли даже высоты небывалой. Акции Волжско-Камскаго банка, одна изъ самыхъ твердыхъ въ смыслѣ расцѣнки бумаги, съ 730 поднялись до 1.100; Выпущенный Торговый банкъ—съ 340 до 415; Международнѣйшій—съ 373 до 546 и т. д.

Мы сказали, что рента стоитъ теперь 91, по слѣдуетъ догадываться, что она еще годъ назадъ расцѣнивалась 95 рублей. Слѣдовательно, она понизилась почти на 4 процента. Но такъ вообще теперь положеніе государственныхъ бумагъ, и мы въ этомъ отношеніи переживаемъ то же самое, что и другія государства. Кто бы, напримеръ, могъ подумать нѣсколько лѣтъ назадъ, что англійскіе консоли такъ падаютъ въ цѣнѣ? А они за одинъ послѣдній годъ съ 80.07 дошли до 78,55.

Въ январѣ 1911 года вышшая цѣна германскаго 3 $\frac{1}{2}$ процентнаго займа была 94 съ дробью, а въ январѣ 1912 года вышшая цѣна была уже 91,70, т. е. произошло паденіе на 3 проц. На трехпроцентный заемъ была вышшая цѣна въ январѣ 1911 года 85 $\frac{1}{2}$; вышшая же цѣна въ январѣ нынѣшняго года едва достигала 82 $\frac{1}{2}$.

Причины этому явленію много: тутъ и стремленіе помѣщать деньги подъ болѣею процентъ, что заставляетъ продавать ренту и покупать бумаги промышленныя предприятия, тутъ и разныя политическія и социальныя движенія современности, тутъ и фонганы все новыхъ и новыхъ акций и облигаций, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ выпускаются все въ болѣею и болѣею количествахъ. У насъ же имѣются и свои причины: земля очень подымалась въ цѣнѣ; она поэтому пересказывается по повышенной оцѣнкѣ, а, слѣдовательно, на рынкѣ очень много земельныя облигаций, что побуждаетъ публику обмѣнивать на нихъ дающую менѣею доходъ государственную ренту.

Остановимся въ заключеніе на весьма печальномъ явленіи, переживаемомъ нами въ текущемъ году, а именно на неурожаѣ хлѣбовъ и кормовыхъ средствъ, отъ послѣдствій котораго пострадало населеніе ряда волжскихъ, заводскихихъ и приуральскихъ губерній, а также части Западной Сибири. Въ общемъ объемъ района мѣстностей, который были затронуты недородомъ, можетъ быть опредѣленъ въ 20 губерній. Восемь губерній, можно сказать, пострадали сплошь. Такими являются: Пермская, Казанская, Симбирская, Уфимская, Саратовская, Самарская, Астраханская и Оренбургская. Къ нимъ необходимо присоединить мѣстности, въ которыхъ пострадали отлѣльные уѣзды. Такими являются: Донецкая область, въ которой пострадали 4 уѣзда изъ 9-ти, Нижегородская губернія—4 уѣзда изъ 11-ти, Пермская—8 изъ 10-ти, Вятская—3 изъ 11-ти, Тамбовская—2 изъ 12-ти, Староопольская—2 изъ 5-ти. Сюда же слѣдуетъ присоединить губернію Тобольскую, въ которой, напримеръ, Курганскій уѣздъ далъ сборъ хлѣбовъ не болѣе полтора пуда на десятину, Акмолинскую область, Тургайскую, Уральскую, часть Томской и часть Приморской области.

Неурожай значителенъ и по существу, потому что въ такихъ хлѣбородивѣйшихъ губерніяхъ, какъ Самарская, Саратовская, населеніе не добрало 63 процентовъ своего средняго урожая, а въ отлѣльныхъ мѣстностяхъ постраданнаго района собрали по 1—10 пудовъ съ десятины, въ болѣе шибже же уѣздовъ средній сборъ колебался между 15—20 пудами. Великъ былъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и неурожай травъ.

Правительство, при первыхъ же данныхъ, опредѣлившихъ надвигающееся бѣдствіе, энергично развило продовольственную кампанію. Во многихъ мѣстахъ были организованы общественыя работы, своевременно стали закупать зерно и кормовыя средства, съ цѣлью дать населенію возможность обмѣнить поля и сохранить скотъ, были приняты мѣры и къ организаціи собственнаго продовольствія

поселения, путем выдачи продовольственных сум, наконец, при содействии Крестнаго Креста была организована благотворительная помощь.

Какъ видно изъ соображений на мѣстахъ данныхъ, съ посѣвомъ справились удачно. Площади посѣва въ пострадавшихъ мѣстностяхъ уменьшились, сравнительно, напримеръ, съ урожайнымъ 1910 г., всего на 2 процента. Но и это имѣетъ свои объясненія, показывающія, что ничего опаснаго въ такомъ уменьшеніи посѣвной площади не замечается. Было труднѣе справиться съ недостаткомъ кормовыхъ средствъ, однако и тутъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, удалось достичь того, что такелыя посѣлства урожая были доведены до минимума. Серьезная опасность прозвигла сибирскому маслогдѣлю, но проведенныя правительствомъ мѣропріятія сдѣлали то, что, какъ засвидѣтельствовалъ недавно омскій съѣздъ экспортеровъ сибирскаго масла, сибирское маслогдѣліе не только не сократилось за этотъ годъ, но и замѣтно развилось.

Изъ народнаго нечестія дѣвны сдѣлали предлогъ для всякаго рода своихъ предвыборныхъ выигулений. Конечно, на различные дады доказывалось, что правительствомъ ничего не дѣлано и не дѣлается, на мѣстахъ возбуждали население къ недовольству, а ту благотворительную помощь, которую они все порывались организовать, опи хотѣли бы исполнить зовъ для революціонной пропаганды. Вообще, они еще разъ показали обществу, кто они и чего слѣдуетъ отъ нихъ ждать. Печальная картина!

VIII.

Выше мы указали, что за послѣдніе годы государство должно было обратить особое вниманіе на дѣло государственной обороны. Это и понятно. Неудачная война съ Японіей подвергла нашу армию жестокому испытанію. Войну пришлось вести при особенно трудной, почти небывалой

обстановкѣ, созданной отдаленностью театра военныхъ дѣйствій, трудностью перевозки туда войскъ и воинскихъ грузовъ, а равно съ этимъ—забастовками и вообще сумтой внутри страны. Тѣмъ не менѣе, если въ испытанныхъ нами неудачахъ многое явилось слѣдствіемъ названныхъ условий, то все же были и другіе серьезные недостатки и, очевидно, на нихъ должно было быть обращено особое вниманіе.

Правительство первое признало, что прежде всего, безъ всякаго самообмана, надлежитъ сознаться въ этомъ и, не теряя времени, приступить къ серьезной и всесторонней работѣ надъ усовершенствованіемъ вѣхъ условій жизни армии.

Можно смѣло сказать, что за послѣдніе годы не было оставлено безъ вниманія ничего, что сколько-нибудь заслуживало вниманія.

Первенствующее значеніе, конечно, должны были имѣть мѣры, касающіяся личнаго состава армии, такъ какъ отъ его нравственныхъ и умственныхъ качествъ зависитъ ея главная сила. Война указала, напримеръ, что офицерскій составъ не всегда соответствовалъ назначенію. Прежде всего у насъ были неудачны порядки прохожденія службы: болѣе способные и энергичные офицеры не выдвигались вовремя, а потому, если они и достигали, наконецъ, высшихъ постовъ, то уже тогда, когда силы были надорваны, а здоровье расплано. На ряду съ этимъ нерѣдко получали дивженіе такіе, кто оказывался просто неспособенъ къ занятію высшихъ должностей.

Сейчасъ же послѣ войны, чтобы сразу же положить конецъ этому неправильному порядку, была учреждена высшая аттестационная комиссия для офицеровъ и выбора лицъ, достойныхъ замѣнять высшія командныя должности, а сверхъ того, въ видѣ опыта, были введены новыя правила аттестованія вѣхъ вообще военнослужащихъ. Наконецъ, были установлены для оставшихся службу строевыхъ чиновъ усиленные пенсіи.

Въ первый же годъ дѣйствиі этихъ новыхъ правилъ обновленіе состава высшихъ стрелковыхъ начальниковъ пошло по всей линіи начальниковъ, отъ командующихъ войсками въ округахъ до батальонныхъ командировъ. Чтобы ускорить это обновленіе, были введены предѣльный возрастъ, и при томъ не только для оставленія на службу, но и для зачисленія въ кандидаты, а также для назначенія на должности.

Пришло, однако, одновременно принять мѣры и къ восполненію количественнаго недостатка офицеровъ. Конечно, въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣло установленное съ 1909 года увеличеніе содержанія стрелковымъ офицерамъ. Положеніе офицеровъ сразу улучшилось, и, во всякомъ случаѣ, устранилось то печальное явленіе, что пайболге способные и энергичные молодые офицеры обычно оставляли военную службу, какъ только находили какія-либо болѣе выгодныя занятія.

Чтобы предоставить офицерамъ возможность, освѣжая свои военныя знанія, стоять на высотѣ требованій, были приняты рядъ особыхъ мѣръ. Во-первыхъ, академія генеральнаго штаба была обращена въ военную академію; этимъ устанавливался взглядъ, что слѣдуетъ имѣть вообще болѣе образованное въ военномъ отношеніи офицерство, а не только ту его часть, которая вступаетъ въ генеральннй штабъ. Во-вторыхъ, была преобразована артиллерійская школа, при чемъ стали требовать, чтобы каждый артиллерійскій капитанъ передъ полученіемъ батареи непременно прошелъ курсъ школы. Были затѣмъ учреждены въ нѣкоторыхъ округахъ особаго типа курсы для штабсъ-капитановъ дѣхоты, кандидатовъ въ ротные командиры. Наконецъ, учреждены офицерская воздухоплавательная школа, гимнастическо-фехтовальная школа, офицерская желѣзнодорожная школа, офицерскій классъ учебной автомобильной роты.

Что касается нижнихъ чиновъ, то, какъ показавъ опытъ войны, необходимо было начать преобразование съ вопроса о системѣ учета, призыва и использования запасныхъ.

Война обнаружила, что значительная часть запасныхъ, особенно старшихъ сроковъ службы, оказывается къ моменту призыва уже отяжелѣвшей, отставшей отъ служебныхъ требованій и мало способной къ трудамъ и лишениямъ походной службы. Надо было, слѣдовательно, подумать объ омоложеніи состава нижнихъ чиновъ запаса. Для этого былъ сокращенъ срокъ дѣйствительной службы (до четырехъ лѣтъ, а въ пѣхотѣ и пѣшей артиллеріи до трехъ), что даетъ возможность, не увеличивая численности армии, проводить черезъ ряды ея большее число молодыхъ людей. Сверхъ того, запаса былъ раздѣленъ на два разряда, такъ что теперь въ первую очередь будутъ поступать въ войска изъ запаса пайболге молодые и малосемейные.

Въ связи съ этимъ, долженъ былъ явиться вопросъ о сверхсрочныхъ унтеръ-офицерахъ, какъ о ближайшихъ помощникахъ офицеровъ въ дѣлѣ обученія войскъ. Въ этомъ отношеніи быстро удалось достигнуть серьезныхъ результатовъ. У насъ въ самый короткій срокъ образовалось нѣсколько десятковъ тысячъ такихъ сверхсрочныхъ.

Огромное значеніе дожить имѣть также новый уставъ о воинской повинности, который къ осени, слѣдуетъ полагать, будетъ уже введенъ въ дѣйствіе. Въ этомъ умаръ кореннымъ образомъ улучшены какъ порядокъ разверстки призыва, такъ и порядокъ приема и освидѣтельствованія новобранцевъ, а также система льготъ при призывѣ. Въ Думѣ, гдѣ этому проекту было удѣлено столько времени, сложилось убѣжденіе, что проводимыя имъ преобразования являюгся въ высшей степенн дѣлесообразными.

Необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотрѣть вопросъ и вообще объ управленіи армии. Уже давно сознавали, что наша военная организація слишкомъ сложна, какъ соглашались съ другой стороны, и съ тѣмъ, что у насъ слишкомъ много резервныхъ войскъ, при сравнительно малочисленности полевныхъ. Сознавали и то, что наблюдается очевидная несообразность между различными родами войскъ, при слабомъ къ тому же развитіи частей техниче-

спихъ. Созналил, наконецъ, что принятый у насъ поря- докъ перехода съ мирнаго на военное положеніе не только сложенъ, но и опасно сложенъ. Устраненіе всѣхъ этихъ недостатковъ повело къ разработкѣ, а затѣмъ и къ немедленному осуществленію дѣлаго обширнаго плана реформъ. Этотъ планъ охватилъ весь военный строй сверху донизу.

Разобраться въ его подробности, конечно, не будемъ, тѣмъ болѣе, что многія стороны дѣла доступны только спеціалистамъ, но достаточно указать, что на первыхъ же большихъ маневрахъ результаты этой новой организациі пре- возили всякія ожиданія, что и было потомъ засвидѣль- ствовано въ Государственной Думѣ.

Огромное значеніе, при осуществленіи этого плана, имѣло, конечно, и то обстоятельство, что, начиная еще съ конца 1905 года, слѣдовалъ длинный рядъ отдѣльныхъ мѣ- ропріятій, ставившихъ дѣлью улучшить матеріальное поло- женіе нижнихъ чиновъ. Были увеличены оклады, увели- чены отпускъ денегъ на пищу для солдатъ, введено чайное довольствіе, стали отпускать отъ казны одѣяда и постель- ныя принадлежности, увеличено довольствіе бѣднѣмъ, стали отпускать мясо, увеличили отпускъ на приглядѣ, питье и смазку сапогъ съ 55 коп. до двухъ съ половиной въ годъ на челоувѣка и т. д.

Чтобы попытъ, сколько все это стоитъ казнѣ, достаточно указать хотя бы на слѣдующее: увеличеніе дачи мяса па четверть фунта въ день обходится уже болѣе 9 миллионъ въ годъ, увеличеніе отпуска приварочнаго оклада на три четверти копейки въ день на челоувѣка стоитъ не болѣе, не менѣе, какъ три милліона ежегодно, установленіе от- пуска мяса по полфунта въ мѣсяцъ на челоувѣка—стоитъ около 700.000 рублей въ годъ. Въ общемъ всѣ указанныя улучшенія вызвали новый расходъ свыше 30 миллионъ въ годъ.

Но радомъ съ этимъ пришлось слѣдывать еще многое дру- гое: увеличено содержаніе всему младшему офицерскому составу строевыхъ частей и штабовъ, а также всѣмъ чинамъ,

стоящимъ по своему положенію на рубежѣ между класс- ными и нижними чинами (исаломники, подпрапоршники ни- жнернаго вѣдомства, фельдшера, технические мастера и т. д.), увеличенъ размѣръ лагерныхъ и походныхъ суточ- ныхъ денегъ для офицерскихъ и классныхъ чиновъ; уста- новленъ отпускъ денегъ на обученіе нижнихъ чиновъ пра- мотности и на устройство для нихъ библиотекъ.

Всею, что слѣдано за эти годы въ смыслѣ улучшенія бы- та арміи, и не перечисл. Напримѣръ, казармы. Вопросъ этотъ давно является однимъ изъ особо большихъ вопро- совъ. По размѣрамъ потребности, а съ другой стороны, по значительности требованій средствъ, нужна въ казармахъ всегда оставалась не вполне удовлетворенной. Но надо было, наконецъ, рѣшиться на затраты, и одна за другой стали строиться новыя казармы, просторныя, свѣтлыя, съ примѣненіемъ всѣхъ усовершенствованій, продитованныхъ опытомъ и примѣрами другихъ арміи.

Два ли нужно прибавлять, что радомъ со всѣми этими многочисленными заботами о матеріальныхъ условіяхъ быта арміи необходимо было подуматъ и объ улучшеніи соб- ственно строевого дѣла. Въ этомъ отношеніи работа ве- лась съ исключительнымъ напряженіемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ надо было использовать и ту сторону мнущей войны, которая показала, что наша армія, къ сожалѣнію, недоста- точно снабжена нѣкоторыми видами вооруженія, совре- менными техническими средствами и разнаго рода запаса- ми. Нужно было помнить, что экономія въ расходахъ мирнаго времени не только вызываетъ рѣзко повышенные расходы во время войны, но и въ значительной степени ли- шаетъ дѣйствующую армію возможности пользоваться тѣми новѣйшими средствами борьбы, которыми въ изобиліи мо- жетъ быть снабженъ нашъ противникъ.

Идеаль всегда идеаль, и достигъ его людямъ не дано, какія бы огромныя затраты ни дѣлались. Особенно примѣ- нимо это къ военному дѣлу, гдѣ чуть не ежедневно по- являются все новыя и новыя изобрѣтенія. Но и въ тѣхъ пре-

дѣлахъ, въ которыхъ это оказалось возможнымъ, военною въдомство достигло все же очень многого и при томъ за весьма короткий срокъ. Было, напримеръ, обращено вниманіе на усиленіе производительности нашихъ казенныхъ заводовъ артиллерійскаго въдомства. Стремилась, чтобы заводы эти могли вполнѣ обезпечить нашу армию на случай войны и чтобы не было необходимости прибѣгать къ заказамъ за границею, болѣе дорогимъ и не всегда возможнымъ. Приступили къ устройству особой центральной научно-технической лабораторіи, гдѣ опытнымъ путемъ будутъ разрабатываться техническія условія на пріемъ разныхъ материаловъ. Затѣмъ все строенія части снабжаются пулеметами, вся полевая артиллерія переведена на скорострѣльные пушки, озаботились образованіемъ запасовъ реліефоннаго, подрывнаго, желѣзнодорожнаго и воздухоплавательнаго имущества; штабы военныхъ округовъ были снабжены автомобилями, что привело къ образованію особой учебной автомобильной роты и т. д.

Особое вниманіе, конечно, было обращено на воздухоплавательное дѣло. Не будемъ разсказывать о типантскихъ успехахъ, уже достигнутыхъ нами въ этомъ дѣлѣ—они весьма извѣстны, и не только у насъ, но и вездѣ на Западѣ вызываютъ справедливое удивленіе. Отмѣтимъ лишь, что съ перыхъ же шаговъ были приняты самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы, по возможности, все воздухоплавательное имущество заготовлялось въ Россіи. Можемъ указать, напримеръ, что изготовлявшиеся до сихъ поръ исключительно за границей змѣйковые аэростаты, ткань для нихъ, скатный материалъ и проч., начиная съ 1910 года, изготовляются уже на русскихъ заводахъ.

Пришлось серьезно подумать и о крѣпостяхъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ устарѣли и, по своему устройству, уже не вполнѣ отвѣчали современнымъ требованіямъ, а къ тому же въ значительной степени утратили и свое прежнее стратегическое значеніе. И въ этомъ отношеніи, если не все, то многое, во всякомъ случаѣ, уже сдѣлано.

А интендантское дѣло? Вездѣ, гдѣ люди, получающіе сравнительно небольшое содержаніе, оказываются переломе состояніи,—и были, и будутъ злоупотребленія. Съ этимъ печальнымъ явленіемъ мы встречаемся не только у насъ и не только въ интенданствѣ. Нѣтъ государства, гдѣ бы на такой почвѣ не возникли самыя прискорбные процессы. Тамъ распались арсеналы, здѣсь оказалось, что существуютъ стройная организація, которая тѣснымъ кольцомъ окружила морскіе заводы и требуетъ платы буквально каждаго шага; въ третью мѣсть выискивались типантскія кражи въ дѣлѣ управленія колоніями. Какъ недавно выдвѣялся одинъ нѣмецкій публицистъ: «надо переждать чрезвычайскую природу, если мы, дѣйствительно, хотимъ быть спокойными за судьбу казенныхъ подрядовъ, поставокъ и заказовъ».

Есть полная возможность утверждать, что, сравнительно съ другими европейскими государствами, наши злоупотребленія въ этой области, при всей прискорбности этого грустнаго явленія, не приняли такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отмѣченныхъ печатно на Западѣ. Статистики взаимоотношенія и казнокрадства, правда, не ведется, но надо имѣть въ виду, что и русскій поставщикъ, и русскій пріемщикъ—младенцы, сравнительно съ той высокой школой, которая въ этомъ отношеніи выработана на Западѣ. Тамъ, развѣ гдѣ-нибудь заведется преступная компанія, рѣшающая погубить руки около казеннаго судяника, дѣло ведется столь тонко и осторожно, что иногда десятками лѣтъ не удается сообразить, въ чемъ тутъ дѣло и гдѣ та дыра, куда проваливаются государственныя милліоны. Нашъ же русскій казнокрадъ дѣйствуетъ обыкновенно очень грубо и потому, въ большинствѣ случаевъ, довольно быстро попадаетъ.

Мы хотимъ сказать, что при всякомъ стрѣль, при всякихъ подробностяхъ организаціи злоупотребленія возможны и нѣтъ такой системы, которая обезпечивала бы отъ

нихъ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобы мы непременно оставались при интендантскихъ порядкахъ, уже показавшихъ свою негодность, а, во-вторыхъ, чтобы нельзя было придумать какіе распоряженія при которыхъ опасность злоупотребленій была бы доведена до минимума. Вотъ почему, съ одной стороны, въ послѣдніе годы прошли у насъ въ раскрытіи злоупотребленій въ интенданствѣ; этимъ разрыдалась не только та паутинна, которая съ годами все болѣе и болѣе опутывала и тряслась въ интендантскія дѣла, но и намѣчался матеріалъ для необходимыхъ преобразованій. Съ другой же стороны, тѣ же годы были посвящены установленію началъ новой системы обезпеченія арміи всёмъ необходимымъ и при томъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, по возможности, были устроены условія, которыя способствовали покрыванію однимъ учрежденіемъ другого.

О послѣдствіяхъ судить еще рано, но, безспорно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, положеніе вещей значительно измѣнилось къ лучшему. Мы можемъ судить объ этомъ по даннымъ, которые были представлены думскою комиссіею государственной обороны. Комиссія вполнѣ согласилась съ заявленіями главноинтенданта, и, съ своей стороны, выразила увѣренность, что осуществяемая реформа находится на правильномъ пути.

Особаго вниманія заслуживаютъ старанія главнаго интенданта какъ можно полнѣе освободить войска отъ заботы о своемъ хозяйствѣ. Старая система, при которой полки обрабатывались въ огромную сапожничью мастерскую, то въ правдѣнно, а сверхъ того масса солдатъ отыскалась для хлѣбопеченія и т. д.,—все это теперь пошло на смарку. Устраиваются гарнизонныя хлѣбопекарни, многое сдѣлается частнымъ предпринимательствомъ, вообще проводится мысль, что войска прежде всего и главнѣе всего—войска, а вовсе не собраніе людей, которые могли бы своими трудами облегчить казанъ ихъ содержаніе.

Важное значеніе имѣетъ и другая новая тенденція: теперь требуется, чтобы, при заготовленіи продовольственныхъ запасовъ, покупки совершались, главнѣе образомъ, у сельскихъ хозяевъ, гдѣ возможно—непосредственно, а гдѣ нельзя—черезъ посредство земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ. При такомъ порядкѣ, не говоря уже вообще о болѣе выгодности его, безспорно, слѣдуетъ ждать и меньшихъ злоупотребленій. Доброкачественность и добросовѣстность поставокъ гарантируется тутъ земствомъ, а это, конечно, много значитъ. Въ 1910 году, напримѣръ, было куплено у землевладельцевъ и крестьянъ зерна—52% и крупы 45% всего заготовленнаго интендантствомъ количества продовуктовъ. Въ 1911 году тѣмъ же способомъ было приобретено уже свыше двухъ третей всего потребнаго арміи продукта.

Законочимъ переченъ того, что слѣдуетъ за эти годы въ смыслѣ улучшенія нашей арміи, указаніемъ на заботы о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Во-первыхъ, были улучшены и преобразованы въ военныя всё конкереція училища; во-вторыхъ,—и это, конечно, самое важное,—центръ тяжести всей подготовки будущихъ офицеровъ была перенесена съ теоретической на практическую почву. Было поставлено задачей достигнуть того, чтобы выпускаемые изъ училищъ молодые офицеры могли явиться въ свою часть уже совершенно подготовленными руководителями нижнихъ чиновъ, способными не только разсказывать, что надо сдѣлать, но и показывать, какъ слѣдуетъ дѣлать.

Въ значительной мѣрѣ всё эти начинанія и мѣропріятія отнеслись, на ряду съ сухопутными войсками, также и къ нашимъ морскимъ силамъ. Примѣнялось къ особенно-слабъ морской службѣ, мѣры были приняты въ частностяхъ, но основная ихъ идея, равно какъ и конечныя стремленія были тѣ же: ставили цѣлью улучшить бытъ нижнихъ чиновъ, создать лучшей составъ офицеровъ, омолодить командный составъ, поднять строевыя требованія, снабдить корабли всёми усовершенствованіями и вообще всёмъ, что

требуется современной техникой морского дѣла, упоря-
дочить хозяйство, создать для каждой отрасли морской
службы хорошия спеціальныя школы, добиться необходи-
мой дисциплины, которая въ то же время не мѣшала бы
развитію въ рядахъ моряковъ сознательнаго отношенія къ
дѣлу и военнаго одушевленія.

Но у флота имѣлась и своя особая забота. Несчастная
для насъ война лишила насъ многихъ лучшихъ нашихъ
кораблей. Никогда и раньше мы не имѣли флота, который
по числу и величинѣ судовъ могъ бы соперничать съ фло-
томъ друмихъ болышихъ государствъ. Все же мы кое-какъ
обходились. После войны пришлось поставить вопросъ уже
совершенно иначе. Какъ правильно говорили въ обществѣ,
у насъ оказалось чуть ли не по нѣскольку адмираловъ на
каждый корабль. Освободиться отъ лишнихъ адмираловъ
было, конечно, не трудно, но нужно было еще построить
новые корабли.

А что такое современный морской линейный корабль?
Это—гигантское сооруженіе, дѣлкій плавающий городъ; если
же перевести на цифры, то это—милліоны и даже
десятки милліоновъ. Передъ правительствомъ и законо-
дательными учрежденіями стояла, такимъ образомъ, крайне
отвѣтственная, но и крайне сложная задача. Нужно было
загрратить милліоны, а въ то же время надо было и самому
быть увѣреннымъ, и увѣрить друмихъ, что каждый рубль
пойдетъ на дѣло. Нужно было работать и работать съ осо-
бой энергіей, но въ минуты, когда еще такъ живо напоми-
нало о себѣ тяжелое чувство, вызванное столыкими не-
удачами. Нужно было не только выступить съ опредѣлен-
ной программой судостроенія, но и вызвать къ ней общее
сочувствіе, а въ то же время приходилось считаться и съ
нападками на морское вѣдомство, которому, пользуясь слу-
чаемъ, припоминали всѣ его дѣйствительныя и мнимыя
грѣхи; приходилось считать, что съ тѣмъ обстоятельствомъ,
что денежные средства государства только-только начали,
послѣ дорожаго стоявшей войны, попрежнему поправляться;

наконецъ, необходимо было принять во вниманіе и всю ту
атмосферу недооброжелательства, которая всегда обра-
зуется тамъ, гдѣ случилась неудача и гдѣ поэтому каждый
запасаетъ свой камень, чтобы швырнуть имъ по линіи
наименшаго сопротивленія.

Создался какъ бы заколдованный кругъ: безъ кру-
ныхъ ассигнованій нельзя было приступить къ реформѣ,
по Государственная Дума, а съ ней и значительная часть
общественнаго мнѣнія высказывались противъ ассигнова-
ній, пока не будутъ произведены реформы. Не довѣряли
прежнимъ морскимъ порядкамъ, особенно въ дѣлѣ корабле-
строенія, но этимъ затрудняли переходъ къ новымъ, по-
вымъ порядкамъ. Покойный П. А. Столыпинъ горячо убѣ-
ждалъ народное представительство провать, наконецъ,
этотъ заколдованный кругъ и, во всякомъ случаѣ, не ме-
длить, такъ какъ, при всей справедливости нѣкоторыхъ на-
падокъ на прошлое, все же нельзя было оставлять страну
безъ флота.

Сначала въ Государственномъ Совѣтѣ, а потомъ и въ
Думѣ, эта точка зрѣнія, наконецъ, одержала верхъ, и по-
слѣдовали ассигнованія. Морское вѣдомство ревностно при-
нялось за дѣло, одна за другой стали проводиться реформы,
приступили къ постройкѣ кораблей, и постепенно работа
наживалась. Еще и до сихъ поръ то тамъ, то здѣсь проору-
ваются различныя нападки, особенно со стороны бывшихъ
морскихъ дѣятелей, у которыхъ имѣются старыя счеги съ
вѣдомствомъ, но и законодательныя учрежденія, и обще-
ство въ своихъ широкихъ кругахъ уже безъ тревоги смо-
тритъ на будущее. Нельзя считать, что вопросъ рѣшенъ
и что мы въ правѣ говорить о полномъ возрожденіи нашего
флота, но ясно, что по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ
чертахъ со старыми морскими неурядицами покончено и
что обновленный флотъ—вопросъ сравнительно недалекаго
будущаго.

Все, что мы сказали о дѣятельности государства въ
области обороны за эти послѣдніе годы, можетъ быть выра-
ж. ПОЛЖАКЪ.

жено и языкомъ цифръ. Въ 1907 году на оборону государства было ассигновано 415,6 милліона, въ 1908 году—468,3 милл. рублей, въ 1909 году—507 милліоновъ, въ 1910 г.—514,1 милліона, въ 1911 г.—531,7 милліона и, наконецъ по смѣтѣ 1912 г.—597,1 милліона рублей. Такимъ образомъ, за пять лѣтъ ассигнованія увеличены на 181,6 милліона, т.-е. 43,7%.

Изъ этихъ средствъ первые годы дали увеличеніе, главнымъ образомъ, по расходамъ на армію, а послѣдніе годы—по расходамъ на флотъ. Въ 1907 г. на флотъ было ассигновано 70,2 милліона, уже въ 1910 г. на флотъ было отпущено 85 милліоновъ, а въ 1911 г.—103,6 милліона, т.-е. за два года ассигнованія были увеличены на 33,4 милліона. По смѣтѣ же 1912 г. ассигнованія доведены до 159,5 милліона, т. е. за одинъ годъ увеличеніе выразилось въ громадной суммѣ въ 55,9 милліона.

Все это, однако, выражаетъ лишь размѣры такъ называемыхъ обыкновенныхъ расходовъ. Сюда, согласно правиламъ, которыми руководствуются при составленіи государственной росписи, не входятъ расходы на пополненіе запасовъ и различнаго рода запасы по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ. Если же къ обыкновеннымъ расходамъ присоединить и эти чрезвычайныя, то получимъ слѣдующія цифры третей на оборону государства: въ 1907 г. 415,5 милліона, а въ 1912 г.—667,1 милліона, что составляетъ увеличеніе на 251,6 милліона рублей, т. е. на 60,6%.

IX.

Итакъ, за эти годы государство не скупились ни на расходы, ни на труды на дѣло государственной обороны. Не если оцѣнивать приведенныя затраты съ точки зрѣнія сравнительнаго ихъ значенія, то имѣется полная возможность утверждать, что на дѣло образованія, просвѣщенія и вообще развитія знанія средствъ и трудовъ было истрачено не

только не меньше, но даже больше, чѣмъ на дѣло обороны. Уже изъ тѣхъ обшихъ цифръ, которые были приведены выше, при обзорѣ роста нашей государственной росписи, можно было видѣть, какіе гигантскіе шаги впередъ сдѣланы въ этомъ отношеніи за послѣдніе годы. Но чтобы ближе подойти къ вопросу, надо остановиться на разсмотрѣніи хотя бы главнѣйшихъ его частностей.

Какъ энергично развивалось дѣло всякаго рода специальной школы, земледѣльческой, коммерческой, технической, военной и т. д.,—объ этомъ мы также говорили. Будемъ говорить теперь только о школахъ общей, понимая подъ ней низшую, народную, среднюю и высшую. Обратимся поэтому къ смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Мы видимъ, что еще въ 1907 году эта смѣта равнялась всего 45,9 милліона, а смѣта на прошлый годъ равнялась уже 97,5 милліона. По смѣтѣ же текущаго 1912 года испрашивается свыше 114 милліоновъ, или, другими словами,—съ увеличеніемъ за одинъ годъ на огромную сумму въ 18 милліоновъ, т.-е. болѣе, чѣмъ на третъ того, что въ 1907 году испрашивалось на весь годъ.

Куда же шли эти новыя огромныя затраты? Оказывалось, что на расходы собственно по управленію школами тратились ничтожныя суммы, при чемъ расходы на эту часть за всѣ послѣднія пять лѣтъ возросли только на 340 тысячъ, хотя смѣта увеличилась за то же время на 70 милліоновъ. На народную же школу, если сравнить даже только съ 1907 годомъ, который даетъ уже значительный приростъ противъ прежнихъ лѣтъ, ассигнованія увеличились съ 13,8 милліона до 55,2 милліона, т.-е. болѣе, чѣмъ въ четыре раза. И это все за пять лѣтъ! Можно смѣло сказать, что нигдѣ, ни въ одной странѣ не наблюдалось подобнаго рѣшительнаго роста въ столь короткій періодъ времени.

Расходы на среднюю школу возросли за то же время болѣе, чѣмъ на 29 милліоновъ, а расходы на высшую школу—на милліонъ. Сравнительно скромное увеличеніе расходовъ

на высшую школу объясняется тѣмъ, что пока, кромѣ расширенія существующихъ университетовъ, пришлось открывать только одну факультетъ въ новомъ Саратовскомъ университетѣ. Зато именно теперь заканчиваются работы по открытію новой сѣти новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, общихъ и специальныхъ, по разнымъ угламъ страны. Затѣмъ, конечно, нужно вспомнить, что за послѣдніе годы были открыты политехнической институтъ въ Новочеркасскѣ, а также было создано нѣсколько специальныхъ высшихъ школъ въ Екатеринбургѣ, Москвѣ и т. д. Но деньги на все это брались по сѣтямъ специальныхъ же вѣдомствъ, а потому въ указанную выше цифру не входятъ.

Расходы на среднюю школу также не выйдутъ выражена въ приведенной только что цифрой. Во-первыхъ, въ нее не вошли расходы на среднюю специальную школу; во-вторыхъ, она обвязываетъ лишь сумму, истраченную собственно правительствомъ, между тѣмъ какъ средняя школа въ немаломъ количествѣ случается строится и содержится городами, земствомъ, и правительствомъ лишь приходится имъ на помощь. Достаточно указать, что только за 1909—1911 гг. у насъ было открыто около 150 новыхъ среднихъ школъ, гимназій и реальныхъ училищъ, а въ одномъ текущемъ году предложено открыть ихъ еще около тридцати. Прибавимъ, что за послѣдніе четыре года ежегодно открывалось не менее 40 новыхъ техническихъ, коммерческихъ и профессиональныхъ школъ повышеннаго типа. Прибавимъ, наконецъ, что въ школахъ старыхъ, т. е. существовавшихъ еще до 1906 года, средній ежегодный приростъ учащихся опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 30 процентовъ.

Конечно, все это еще не опредѣляетъ дѣйствительной потребности въ школахъ, но никто и не подгадаетъ, что все уже кончено и что только остается восхищаться дѣланымъ. Наоборотъ, какъ ни велика сдѣланная работа, въ будущемъ предстоитъ сдѣлать еще больше. Но, и въ тѣмъ шагами, какими мы пошли послѣдніе годы, мы очень скоро догонимъ потребность населенія въ школахъ. Важно также

отмѣтить, что, въ связи съ усиленными заботами о нижней школѣ, все время обращалось особенное вниманіе на со-здание специальныхъ учебныхъ заведеній, а въ особенности—школы и курсы для подготовки народныхъ учителей. Въ этомъ направлении и правительство, и законодательныя учрежденія шли на самыя широкія ассигнованія.

Но цифры—цифрами; необходимо еще, конечно, вскрыть ихъ внутреннее содержаніе, т. е. уяснить, что отъ всѣхъ этихъ трудовъ и затратъ получило населеніе.

Подойдемъ, однако, и къ этому вопросу съ нѣкоторыми цифрами: университеты, гдѣ число слушателей еще въ 1904 году колебалось между 4—5 тысячами, считаютъ теперь 10—12 тысячъ слушателей, а гдѣ ихъ было меньше тысячи—теперь ихъ вдвое и даже втрое. При этомъ мы сравниваемъ со счетовъ годы разгара смуты, когда въ высшихъ школахъ, въ силу революціонныхъ стремленій, охватившихъ значительное большинство профессуры, принимались даже такіе, кто могъ представлять развѣ только дипломъ объ окончаніи частной зубоврачебной школы. Тогда выспшая школа имѣла и съ вышней стороны и по существу характеръ общественнаго базара, куда одни приходили послушать революціонныя рѣчи, другіе—дѣлать въ лабораторіяхъ, подъ руководствомъ приватъ-доцентовъ, взрывчатыхъ веществъ, а третьи—просто погрѣться.

Мы говоримъ только о высшей школѣ до 1905 года и сравниваемъ ее положеніе съ тѣмъ, которое опредѣлилось послѣ 1907 года. Откуда же это огромное увеличеніе числа студентовъ, какъ не въ силу того, что стало больше среднихъ школъ, и отъ стали выпускать большее количество окончившихъ? Но слѣдуетъ вспомнить, что у насъ имѣются еще и выспія женскія школы. Количество такихъ школъ и приростъ учащихся въ нихъ прямо поразяютъ, если сравнить съ тѣмъ, что было только шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда высшія женскія школы имѣлись только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а теперь тѣтъ такого университетскаго рода, гдѣ бы ихъ не было. Въ столицахъ же число ихъ утрои-

лось, а ежегодный въ нихъ приростъ учащихся равенъ, въ среднемъ, почти 50⁰/₀.

Нагляднымъ показателемъ движенія къ знанію, просвѣщенію и образованію могутъ служить гакже и всѣ тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о развитіи всякихъ начинаній просвѣдительнаго характера, требующихъ отъ сравнительно небогаченныхъ людей прежде всего затраты времени и денегъ. Этотъ показатель наглядень потому, что, если уже люди готовы расходовать и время, и деньги только чтобы чему-нибудь научиться, то, значитъ, они, дѣйствительно, почувствовали въ этомъ потребность. Между тѣмъ, они никогда не почувствовали бы ея, если бы не совершился общій сдвигъ страны въ сторону стремленій къ знанію и образованію. Кто же и что же является источникомъ такого сдвига? Конечно, работа въ области школьнаго дѣла.

Нагляднымъ показателемъ является и слѣдующій фактъ. Мы беремъ его изъ отчетовъ почтового вѣдомства. 1909 году далъ всѣмъ выходящимъ у насъ газетамъ и журналамъ на 23 процента больше подписчиковъ, чѣмъ 1908 году. Общее же количество лицъ, получавшихъ по подпискѣ (розничная продажа, слѣдовательно, не идетъ въ счетъ) газеты и журналы, равнялось 4 сншкомъ миллионамъ ¹). Если считать въ среднемъ на каждый экземпляръ поврежденнаго изданія только десять читателей (въ дѣйствительности, конечно, много больше), и если при этомъ еще принять во вниманіе, что нѣкоторые получаютъ не одно, а нѣсколько изданій, то въ итогѣ все же получимъ цифру въ 30—35 миллионовъ читателей. Она выразитъ то количество людей въ Россіи, которое уже сейчасъ болѣе или менѣе вело печальное слово въ свой постоянный обиходъ. Сравнимъ эту цифру съ тѣмъ, что наблюдалось всего какихъ-нибудь десять лѣтъ тому па-

здѣ: самое большее, о чемъ говорили, это о 1¹/₂—2 миллионѣхъ читателей на всю Россію.

Напомнимъ: мы привели данныя только за 1909 году. Сейчасъ, между тѣмъ, у насъ уже 1912 годъ. Если даже разсчитывать только на скромный обычный приростъ подписки въ предѣлахъ около 10⁰/₀, то и тогда текущій годъ долженъ былъ дать русскимъ газетамъ и журналамъ почти 5¹/₂ миллионовъ подписчиковъ. При переводѣ на число читателей, мы получимъ цифру, по крайней мѣрѣ, въ 45—50 миллионовъ.

Кто же, спрашивается, слѣдуетъ это? Кому мы обязаны? Конечно, школь, той работѣ надъ школой, которой были посвящены послѣдніе годы. Этой работѣ прежде всего.

Все это, однако, сколько не освобождаетъ общество отъ ряда весьма серьезныхъ, сложныхъ, а въ нихъ отнюдшнѣхъ и тревожныхъ вопросовъ, связанныхъ съ мыслью о школьномъ дѣлѣ и богатами о немъ. Напримѣръ, нишшая задача, какъ извѣстно, стремленіе какъ можно скорѣе создать такую сеть школы, которая обезпечивала бы всеобщее обученіе. Эта мысль была выдвинута давно, но только за послѣднія шесть лѣтъ она приблизилась къ своему реальному осуществленію. Безспорно, тутъ мы встречаемся съ однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній нашего времени. Народное образованіе является первымъ толчкомъ къ болѣе широкому развитію культурности въ странѣ, а это такой серьезный шагъ впередъ, что и правительство, и законодательный учрежденія, столько сдѣлавшія для мысли о всеобщемъ обученіи, могутъ, съ сознаніемъ своей правоты, сказать: если бы за послѣдніе годы было сдѣлано только это, то и тогда никто не могъ бы упрекнутьъ, что годы прошли даромъ.

Проектъ всеобщаго обученія, какъ извѣстно, уже прошелъ черезъ Думу и теперь заканчивается разсмотрѣніемъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Проектъ проходить не безъ треній, но если идти о чемъ-либо болѣе или менѣе серьезный споръ, то только по вопросу за и противъ инородческихъ

¹) Въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, считалось въ 1909 году 2.173 поврежденныхъ изданій, изъ которыхъ 1.643 печаталось на русскомъ языкѣ.

школы, да еще о предѣлахъ рліпшія правительства въ дѣлѣ завѣдыванія школою. Тутъ, въ сущности, главный пунктъ несогласія. Все остальное, какъ оно ни спорно, существованіаго значенія не имѣетъ.

Вспомнимъ хотя бы разнотласіе, которое произошло изъ-за ассигнованія денегъ на церковно-приходскія школы. Большинство Думы хотѣло бы подчинить эти школы общему школьному вѣдѣнію, большинство же Совѣта имѣетъ въ виду сохранить за ними самостоятельность. Дума хотѣла бы, чтобы государство обязалось увеличивать ежегодно на десять милліоновъ расходъ на общую школу, считая въ томъ числѣ и церковно-приходскую, поскольку она войдетъ въ общую сѣть и поглотивъ общій школой. Государственный Совѣтъ, между тѣмъ, хотѣлъ бы, чтобы церковная школа получила особо ежегодное увеличеніе своихъ средствъ въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ милліона въ годъ, но она не вычлѣтъ этой суммы изъ кредита на общую начальную школу, а даже увеличила на полмилліона общее ассигнованіе. Споры ведутся съ до-статочной страстностью, но, по существу, все это частности и къ тому же каже не политическаго, а скорѣе полемическаго характера. Можно быть противникомъ церковныхъ школъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признавать, что школы эти принесли и приносятъ большую пользу. Можно быть сторонникомъ церковныхъ школъ, но все же признавать, что вполнѣ своевременно заботиться ихъ преобразованіемъ, сдѣлать ихъ лучшими и, во всякомъ случаѣ, расширивъ ихъ программу. Кромѣ того, нельзя не видѣть, что, въ дѣйствительности, весь этотъ вопросъ объ обязательныхъ ежегодныхъ прибавкахъ въ 10 милліоновъ—вопросъ некультурный. Необходимость всеобщаго обученія не только признается правительствомъ, но имъ же и проводится; однако деньги на это дѣло все равно будутъ даны не сразу, а постепенно, съ ежегодными увеличеніями въ теченіе 10—15 лѣтъ; сдѣлать это, и при существованіи закона объ обязательныхъ ежегодныхъ прибавкахъ, и безъ такого закона, прибавки все равно будутъ дѣлаться. Мало того: всѣ про-

изведенные подсчеты показываютъ, что прибавки будутъ дѣлаться приблизительно въ предѣлахъ той суммы, о которой спорятъ. Какое же практическое значеніе можетъ имѣть такой споръ?

Мы хотѣмъ этимъ сказать, что сущность дѣла въ все не въ этихъ подробностяхъ. Сущность въ томъ, какова будетъ народная школа, та, которая тускло сѣтью покроетъ всю огромную страну. Тутъ-то и образуется вѣкъ спорныхъ и тревожныхъ вопросовъ. Никакого сомнѣнія нѣтъ, что, если мы хотимъ, дѣйствительно, разумно развиваться и если нашей задачей должно быть дѣйствительное просвѣщеніе народныхъ массъ, то все школьное дѣло, во всемъ его цѣломъ, должно вестись на началлахъ релігіозныхъ, патристическихъ и государственныхъ. Это въ принципѣ, съ такой страстностью оспариваемый революціонными элементами, нацѣль въ третей Думѣ признаніе со стороны подавляющаго большинства. Она же является и крайугольнымъ камнемъ всей работы правительства въ школьномъ дѣлѣ. Нельзя вспоминать при этомъ извѣстное замѣчаніе о томъ, что во франко-прусской войнѣ, кончившейся такими торжествами Германи, побѣдн не столько войска, сколько школьный учитель, т. е. разумная постановка нѣмецкой народной школы. Глубоко вѣрное замѣчаніе. Слѣдуетъ только прибавить, что если, дѣйствительно, нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ, то потому, что нѣмецкая школа, съ первыхъ же шаговъ введенія въ Пруссіи всеобщаго обученія, была релігіозной, патристической и государственной.

Нашъ школьный учитель слишкомъ бѣднъ и малообразованъ, съ одной стороны, а съ другой—слишкомъ предоставляетъ самому себѣ, чтобы мы могли рассчитывать на него, не озботившись въ то же время и кореннымъ пересмотромъ вопроса вообще о положеніи нашей начальной школы. Надо постепенно создать новыхъ учителей, надо непремѣнно по новому составить программу начальной школы, надо озботиться составленіемъ новыхъ учебниковъ, а въ то же время надо на ннхъ началахъ поставить и надзоръ за школой.

Общественная самодѣтельность въ отношеніи къ школь— прекрасная вещь, но подъ общественною самодѣтельностью менѣе всего слѣдуетъ пошмать такое положеніе вещей, при которомъ каждый будетъ дѣлать, что хочетъ, кто во что гораздъ. Необходимо привлечь вниманіе и заботу общественныхъ силъ, весьма важно заинтересовать ихъ возможностью вліять на школу, но работа школы должна идти по определеннымъ и непремѣнно государственнымъ линиямъ, такъ, чтобы все школьное дѣло представляло собой одно гармоническое дѣло.

Если сравнить то, что было у насъ до 1906 года, съ тѣмъ, что имѣется сейчасъ,—разница, конечно, окажется, и разница весьма замѣтная, разница въ сторону значительнаго улучшения. Передъ смутой мы уже дошли до того, что въ предѣлахъ доброй половины земскихъ губерній школа была всецѣло въ рукахъ самозванныхъ комитетовъ изъ учителей, и комитеты эти, дѣйствуя по указкѣ революціонныхъ главарей, засѣдавшихъ въ столицахъ, просто и грубо обращали народную школу въ школу самою неприкрытаго бунтарства. Занятія состояли въ проповѣди безвѣрія, необходимости вооруженнаго возстанія, въ возбужденіи учащихся противъ властей, помѣщиковъ, духовенства, въ пропагандѣ социализма и анархизма. Дѣло доходило до того, что священникамъ, предававшимъ Законъ Божій, платили явное, если они соглашались не вліять въ школу. Платили двадцать копеекъ за данный или урокъ Закона Божьяго и столько копеекъ за пропущенный урокъ. Вѣжато учителя, который рѣшался протестовать противъ повелѣній подобнаго комитета, или выгоняли со службы, или обносили передъ начальствомъ, а иногда доводили до того, что ему приходилось бѣжать изъ села или деревни, если онъ не хотѣлъ дожидаться, пока его сожгутъ или убьютъ. Въ школьныхъ библиотекахъ хранились революціонныя изданія, иконы вѣшались вверхъ ногами, въѣсто церковнаго пѣнія обучали пѣнію маршей, сочиненныхъ политическими каторжанами, противъ каждаго школьнаго инспектора, пытавшася бо-

ротся съ такими ужасными явленіями, велся систематическій походъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ эти учителя революціоннаго типа или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ, являлись людьми съ темнымъ прошлымъ, безъ сколько-нибудь серьезной подготовки. Это были обыкновенно выпитые семинаристы, почти всецѣло типичные вырожденцы и алкоголики. Впрочемъ, не стоитъ и дорисовывать названный типъ. Достаточно напомнить, что добрая половина самыхъ возмущательныхъ персонажей нашихъ первыхъ двухъ Думъ состояла именно изъ такихъ народныхъ учителей. Совершенные разбойники, да кое-кто изъ нихъ тѣмъ и кончили.

Ничего подобнаго сейчасъ нѣтъ. Съ одной стороны, земство, изъ котораго должны были уйти прежнее дѣятели, способствовавшие въ своихъ политическихъ видахъ такому развращенію школы, быстро разотнало революціонныхъ учителей, а съ другой стороны, правительство съ исключительной энергіей занялось вопросомъ. Было обращено особое вниманіе на личный составъ школьной инспекціи, въ самый короткій срокъ организовали особые курсы для подготовки учителей, обратили вниманіе на учебники, а затѣмъ стали изыскиваться мѣры для увеличенія и улучшения учительскихъ инстигутовъ, въ рядѣ отнашеній улучшили матеріальное положеніе народныхъ учителей, озабочились пріобрѣтеніемъ для школы всякаго рода учебныхъ пособій, занялись перемотромъ протрамъ. Но, конечно, многое осталось еще сдѣлать. Россія такъ огромна, потребности ея столь велики и разнообразны, что, очевидно, еще десятки лѣтъ пройдутъ раньше, чѣмъ мы получимъ право сказать, что имѣемъ, наконецъ, народную школу, не выходящую въ обществѣ никакихъ сложностей и тревожныхъ вопросовъ.

Многое сдѣлано и для той школы, которая является какъ бы переходной между начальной и средней. Мы имѣемъ въ виду городскія училища, всякія начальныя школы повѣшеннаго типа, школы профессиональныя и т. д. Главный

вопросъ, который предстояло здѣсь рѣшить, сводился къ тому, должно ли перемѣнно считать эту школу ступенью къ дальнѣйшему образованію, или же правильнѣе въ ней видѣть школу, дающую законченное образованіе. Имѣлись и имѣются сторонники обоихъ взглядовъ. Сколько приходится наблюдать, и въ широкіяхъ кругахъ общества нѣтъ еще опредѣленнаго сужденія по вопросу. Съ одной стороны, едва ли кто хочетъ некустаренно отягечать народную массу отъ практической работы, ради тѣхъ надеждъ и мечтаній, столъ рѣдко бывающихся, которые невольно зарождаются по мѣрѣ прохожденія учебныхъ курсовъ. Съ другой же стороны, очень многихъ смущаетъ мысль, въ правѣ ли мы некустаренно преграждать массамъ доступъ къ углубленію первоначальныхъ знаній и вообще къ болѣе широкому образованию. Забывается, однако, что въ жизни общества, государства, народовъ есть много такихъ вещей, съ которыми людей неволею надо ждать, потому что все равно всякія преждевременныя старанія не дадутъ ничего, кромѣ порога зла. Намъ ли теперь думать о серьезномъ углубленіи просвѣщенія и образованія массъ, когда еще пока намъ въ пору заботиться развѣ только о развитіи и поддержаніи начальной грамотности. Гораздо важнѣе сосредоточиться теперь же на созданіи болѣе или менѣе широкой сѣти профессиональныхъ школъ, которые могли бы давать странѣ столъ необходимыхъ ей практическихъ работниковъ, способныхъ и въ книжку заглянуть, и обратиться къ болѣе тонкому инструменту, и внести въ свое дѣло ту выдумку, которая дается только людямъ, уже получившимъ нѣкоторое образованіе.

Во всякомъ случаѣ, кое-что сдѣлано за эти годы и въ данномъ отношеніи. Улучшено положеніе городскихъ училищъ, устроено болѣе количество новыхъ профессиональныхъ школъ, усиленно поддерживались старанія и работы, проявляемыя въ этомъ направленіи думами и земствомъ, создавались связи специалистовъ и т. д. Ослабное—дѣло будащаго. И оно не за горами: когда всеобщее обуче-

ніе станетъ реальнымъ фактомъ, а въ то же время когда средня школа получитъ возможность принимать всѣхъ желающихъ поступить въ нее, вопросъ о школахъ промежуточнаго типа рѣшится самъ собой. Тогда не придется извлекать его изъ-подъ груды лежащихъ на немъ противорѣчій, и то, что пока разрѣшается лишь теоретическимъ путемъ, само опредѣлитъ свои реальныя формы.

Много сложныхъ вопросовъ связано и съ дѣломъ средней школы. Опытъ-таки, сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли передъ смутой, въ настоящее время дѣло идетъ иначе и много лучше. Но какихъ трудовъ это стоило! Средняя школа старая типа изжила свой вѣкъ. Это въ сомнѣніи. Устарѣли и программы, и приемы преподаванія, и общіе порядки школы, такъ что вполне понятно, если при первомъ же толчкѣ все это разсыпалось и распалзлось. Не понятно, однако, другое: общество, вмѣсто того, чтобы прийти школѣ на помощь, само приняло участіе въ ея разрушеніи. Общество, видимо, не отдавало себѣ отчета въ томъ, что, опрокидываясь всей своей тяжестью и съ такой стремительностью на старыя школьныя порядки, оно вовсе еще не создаетъ этимъ новой школы, а лишь разрушаетъ вѣковую школу вообще.

Это очень важное обстоятельство. Нельзя защищать то, что представляла собой наша средняя школа къ началу новаго столѣтія, но еще менѣе можно оправдывать поведеніе общества въ моментъ, когда общая смута захватывала въ свой водоворотъ и вопросъ о средней школѣ. Отъ крайности, когда директора гимназій и училищъ, охраняя свой личный авторитетъ, ставили ни во что авторитетъ школы, а преподаватели низвели свои сложныя задачи до степеней заурядной чпповничьей службы, школа, подъ вліяніемъ общественнаго натиска, вдругъ была отброшена въ сторону другой крайности, когда каждый, кому не лѣнь, стремился стать полнѣмъ хозяиномъ школы и когда поэтому дѣйствительными ея хозяевами стали дѣти и подростки. Занятія отошли на задній планъ, школьники стали заявлять свои «политиче-

скии платформы», вродѣ того, что они желаютъ демократической републики, горячихъ завтраковъ въ большую перемену, отъѣзны класныхъ наставниковъ и независимости Польши; а учебное начертаніе, растерявшееся до послѣдней степени, готово было идти на что угодно, лишь бы сохранилъ хоть нѣкоторое подобіе школы.

Это были моменты полной школьной анархii. Каждый предлагалъ свой способъ «освободить» школу, но мало кто замѣчалъ, что, въ сущности, онъ «освобождаетъ» школу только отъ ея прямого дѣла, т. е. отъ учебныхъ занятій. Впередъ выступили всѣ тѣ элементы, которые сознательно стремились къ обращенію дѣтей въ революціонную толпу, или же, по наивнѣйшему недомыслію, полагали, будто школа можетъ держаться на распыляемыхъ блатахъ намѣреній, безъ опредѣленнаго строя, безъ точныхъ правилъ и, въ особенности, безъ дисциплины. Все это обшлося странѣ въ два-три выпуска совершеннѣйшихъ недоучекъ и неврасетниковъ да въ нѣсколько выпускоевъ такой молодежи, которая помогла всей жизнью своей будетъ раслачиваться за недомысліе этого общественаго натиска.

Въ силу захватнаго права, школа стала управляться подъ непосредственнымъ вліяніемъ такъ называемыхъ родительскихъ комитетовъ. О нихъ стоитъ поговорить подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ прошломъ году въ лѣвой печати такъ много шумѣли по поводу ихъ пошлаго краха. Въ идеѣ, родительскіе комитеты при средней школѣ — прекрасная мысль. Взаимодѣйствіе семьи и школы, родителей и педагогическихъ педагоговъ, — да что, казалось бы, лучше. Но комитеты, происшедше отъ смуты и образовавшіеся по праву захвата, во всемъ, что они представляли собой и что дѣлали, являлись учрежденіемъ чуждымъ и семье и школѣ. Семья не чувствовала съ ними никакой связи, такъ какъ главенство въ нихъ захватили либеральные крикуны и партійные дѣльцы, а школѣ они не были нужны, потому что все, съ чѣмъ они подходили къ школѣ, въ корнѣ противорѣчно основамъ сколько-нибудь разумной постановки

дѣла обученія, а, главное, — воспитанія молодежи. Были, конечно, исключенія, но, къ сожалѣнію, ихъ было слишкомъ мало. Какъ ни старалась школа отвлечь комитеты отъ непроизводительнаго и никому ненужнаго школьнаго политиканства, ничего изъ этого не вышло. Съ другой стороны, какъ ни типогилась основная масса родителей существованіемъ самозваннаго отъ ихъ имени представительства, годъ шелъ за годомъ, а вопросъ о комитетахъ оставался все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи.

Это побудило, наконецъ, сдѣлать провѣрку. Надо было рѣшить вопросъ: что это, — дѣйствительно ли участвіе семьи въ дѣлахъ школы, или просто невѣдомо зачѣмъ существующій придатокъ, только мѣшающій школѣ возродиться къ новой жизни. Рѣшили обратиться за отвѣтомъ непосредственно къ родителямъ. Было постановлено, что родительскіе комитеты останутся только при тѣхъ школахъ, гдѣ на выборы членовъ комитета явится хотя бы только двѣ трети родителей, дѣти которыхъ обучаются въ данной школѣ. Для болѣея увѣренности въ томъ, что отвѣтъ родителей будетъ точенъ, устанавливалось, что, при неудачѣ перваго избирательнаго собранія, созывается второе. Срокъ давался достаточный; предполагалось, что сторонники комитетовъ будутъ имѣть полную возможность сорганизоваться; не сомнѣвались, что будетъ вестись соответственная агитація.

И агитація была. Слѣдуетъ отдать должное тѣмъ, кто стоялъ во главѣ ея, — агитація велась весьма широко. Но родители отвѣтили на нее съ рѣдкимъ единодушіемъ. Приведемъ точные подсчеты. Изъ 22 учебныхъ заведеній кievскаго округа, гдѣ приходили родителискія собранія, при среднемъ числѣ родителей въ 261 человѣкъ, только въ пяти учебныхъ заведеніяхъ могли состояться выборы. Въ остальныхъ на второе собраніе явилось въ среднемъ 52 человѣка. Это значитъ, что явилось меньше одной пятой общаго числа родителей. Въ одесскомъ округѣ выборы состоялись лишь въ 9 изъ 63 учебныхъ заведеній, при чемъ средняя цифра прибывшихъ на собранія родителей равня-

лась 38 изъ 225, т. е. меньше одной шестой. Въ московскомъ округѣ, гдѣ выборы состоялись въ 5 изъ 39 учебныхъ заведеній, средняя цифра прибывшихъ на вторыя, т. е. болѣе многочисленныя собранія родителей, равнялась 54 изъ 186, т. е. меньше одной трети. Въ казанскомъ округѣ эта средняя цифра равнялась 82 изъ 225, т. е. немногимъ болѣе трети. По мужскимъ учебнымъ заведениямъ петербургскаго округа, за исключеніемъ собственно Петербурга, эта средняя цифра равнялась 58 изъ 278, т. е. немногимъ болѣе одной пятой. По рязанскому и виленскому округамъ эта цифра равнялась почти одной трети. Въ харьковскомъ округѣ состоялись выборы лишь въ 25 учебныхъ заведеній изъ 169, при чемъ средняя цифра родителей, явившихся на собраніе, равнялась немногимъ болѣе одной шестой. Въ учебныхъ заведенияхъ Туркестанскаго края цифра была меньше одной шестой. Для оренбургскаго округа она была меньше половины. Наконецъ для западно-сибирскаго округа она была меньше одной пятой.

Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что приведенныя среднія цифры вовсе еще не рисуютъ всей картины. Онѣ являются лишь ариметическими средними, а не тѣми реальными, которыми выражали бы дѣйствительное положеніе вещей. Возьмемъ, напримеръ, тотъ же оренбургскій округъ, гдѣ средняя цифра наболѣе высока. Тамъ выборы состоялись всего въ 12% всѣхъ учебныхъ заведеній; если исключить изъ расчета количество родителей, явившихся на выборы, которые состоялись, то средняя цифра для всѣхъ другихъ школъ, гдѣ выборы не могли состояться, понижается сразу до одной десятой общаго числа родителей. По харьковскому округу, при такомъ же расчетѣ, средняя цифра понижается до одной четвертидцатой.

Если обратимся къ даннымъ, опредѣляющимъ, какъ разрѣшился этотъ вопросъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, то цифры окажутся еще разительнѣе. Такъ, на первое собраніе 4-й самарской гимназіи изъ 231 человѣка родителей явилось 17, а на второе—12; во 2-й казанской, при 414 роди-

телей, на первое собраніе явилось 20, а на второе—25; въ кременчугской, при 573 родителяхъ, на первое собраніе явилось 30, а на второе—34; въ бахмутской женской гимназіи, при 261 родителяхъ, явилось трое, а въ бахмутской мужской, при 189 родителяхъ, явился одинъ. Приведемъ еще примѣры: въ шуйской гимназіи, при 200 съ лишнимъ родителяхъ, явилось избирать комитетъ 12 человѣкъ, въ шавельской, при 223 родителяхъ,—7, въ мариупольской, при 457 родителяхъ,—20, въ вознесенской, при 192 родителяхъ,—6 человѣкъ и т. д.

Такимъ образомъ, сами родители точно и опредѣленно отвѣтили на этотъ вопросъ. Иного, впрочемъ, нелзя было и ожидать. Правда, сторонники комитетовъ проповѣдали отыграться на томъ, будто бы норма въ дѣйствіи, установленная для признанія собранія состоявшимся, слишкомъ велика. Но можно ли говорить о томъ, высока она или нѣтъ, когда по большинству округовъ оказалась бы высокой и норма въ одну треть и даже—въ одну пятую?

Совершенно ясно, что родители, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, нисколько не интересовались тѣми родительскими комитетами, какіе у насъ были.

Нужны ли вообще родительскіе комитеты—вопросъ другой. Но если они и нужны, все же необходимо считаться съ фактомъ, что у русскаго общества, особенно у той его части, которая въ такихъ начинаніяхъ всегда слѣпится зачать роль руководителей, слова не всегда сходятся съ дѣломъ. Напримеръ, слѣдующее явленіе: сколько въ свое время ломали копій изъ-за предостереженія представителемъ дворянства, городовъ и земствъ права посѣщать педагогическіе совѣты средней школы. Какъ доказывали, что такой контроль—живѣйшая потребность и общества, и школы. Наконецъ, это право было дано. И вотъ оказывается, что, если, напримеръ, взять Москву, городъ, гдѣ имѣется 81 средняя школа и гдѣ, съ другой стороны, и дворянство, и земство, и городъ располагаютъ и достаточнымъ вліяніемъ, и серьезными силами, то за весь 1910 годъ въ 60 изъ

этихъ 81 школы ни разу ни въ одномъ засѣданіи педагогическихъ совѣтовъ не было никто ни изъ представителей земства, ни изъ представителей дворянства, ни изъ представителей города. И это болѣе чѣмъ на тысячу засѣданій педагогическихъ совѣтовъ! Въ остальныхъ же 21 школѣ названные представители бывали. Но какъ? Единственнымъ и то случайнымъ исключеніемъ являлась с-Дьяма гимназія, гдѣ изъ 41 засѣданія на 21, въ качествѣ представителя дворянства, присутствовалъ директоръ дворянскаго пансіона-пріюта. Въ остальныхъ 21 школѣ, гдѣ, въ общемъ, за годъ произошло 676 засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, т. е. естественные представители присутствовали всего 29 разъ. Изъ нихъ одинъ разъ приходился на дворянство, 28 разъ—на городъ и ни одного раза на земство.

Невольно хочется спросить: какой же это общественный контроль и какая ему цѣна? Имѣемъ ли мы право утверждать, что общество, въ лицѣ своихъ организацій, дѣятельно озабочено мыслями получить возможность ближе знакомиться съ постановкой дѣла съ средней школѣ?

Нельзя не понять изъ всѣхъ этихъ фактовъ, что средняя школа, оправившись послѣ революціоннаго натиска, должна была исказъ силы къ возрожденію только въ самой себѣ, а вовсе не въ той помощи, которую столь громко предлагало, но столь опредѣленно не давало общество. Школа такъ и сѣдала. И мы обязаны поэтому отмѣтить, что если наша средняя школа спаслась, а также и достигла за послѣдніе годы извѣстныхъ успѣховъ, то совершилось это усилиями самой школы.

Главный достигнутой успѣхъ мы видимъ въ томъ, что въ школахъ опять начали учить и читаться. Это, конечно, не все, чего мы въ правѣ требовать отъ школы, но и это уже по бѣда. Въ школѣ къ тому же стали ставиться и вопросы воспитанія, были приняты рядъ мѣръ къ организаціи внѣшкольнаго надзора, обращено серьезное вниманіе на физическое воспитаніе, усилено преподаваніе русскаго языка,

а что особенно важно—отказались отъ пустыхъ фантазій, вродѣ полной омыбны экзаменовъ, замѣны уроковъ «общеразвивательными бесѣдами» и т. д. Это опять-таки даетъ надежду, что школа стала на путь правильнаго развитія. Тѣмъ болѣе, что въ то же время было обращено серьезное вниманіе на программы, учебники и пріемы преподаванія, а чтобы имѣть лучший составъ учителей, правительство провело законъ о значительномъ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей.

Остается вопросъ о высшей школѣ. Слѣшкомъ еще у всѣхъ на памяти то рѣдкое безобразіе, до котораго довела себя высшая школа въ разгаръ смуты, чтобы стояло говорить объ этомъ. Профессора и студенты, въ значительномъ большинствѣ своемъ, точно бы соперничали другъ съ другомъ, кто изъ нихъ болѣе революціонеръ и мѣнѣе желаетъ заниматься наукой. Въэто лекціи шли митинги, въэто науки занимались заговорами, всѣ правды были отмѣнены, а съ ними исчезъ и всякій порядокъ. Подоспѣвшее къ тому времени предоставленіе высшей школѣ такъ называемой «автономіи» окончательно довершило дѣло. Можно сказать, что цѣлѣхъ два года у насъ вообще не существовало высшей школы.

Кое-какъ начали налаживать занятія только къ концу 1907 года. Но что это были за занятія! Во-первыхъ, выдвиглось, что масса студентовъ попала въ высшую школу, не пройдя средней. Подложные аттестаты зрѣлости оказались далеко не исключительнымъ явленіемъ. Во-вторыхъ, выяснилось, что профессора потеряли всякій авторитетъ среди студентовъ и что постоу высшей школой управляли, въ сущности, студенты, а вовсе не выбранныя профессорами власти. Въ-третьихъ, оказалось, что автономія была понята, какъ рѣшительная независимость высшей школы не только отъ государственнаго надзора, но и вообще отъ какихъ-либо государственныхъ соображеній, и потому каждый факультетъ, каждое отдѣленіе установили свои программы, такъ что дипломъ объ окончаніи курса уже не выражалъ ничего

больше или меньше определенно. В-четвертых, вообще къ слушателямъ не смѣли предъявлять никакихъ требованій, и каждый учился чему хотѣлъ и какъ хотѣлъ, точнѣе же говора, получалъ тотъ дипломъ, который ему нравился.

Иногда лекціи какъ будто и шли, а чаще — не платились ихъ начинать. Иногда вѣдутъ начинались какіе-то экзамены, а потомъ студенты приказывали отложить экзамены, и ихъ откладывали. Зато прощѣтали землячества, всякіе студенческіе союзы, съезды, коалиціи, объединенные комитеты, всероссійскія студенческія комиссіи и т. д. Профессора дѣлились на угонныхъ и неугонныхъ: первыхъ инкорпировали, а отъ вторыхъ требовали выхода въ отставку.

Совѣты высшихъ школъ занимались въ это время партиными дразгатами, борьбой за первенство, самой неприглядной дѣлежкой тонора.

Это, наконецъ, надѣло и обществу и правительству. Начали тогда напоминать высшей школѣ, что подобное положеніе вещей продолжаться не можетъ и что ей предстоитъ или сознаться въ своемъ безсиліи установить порядокъ, или же принять необходимыя мѣры. Профессора избрали третій путь: ничего не предпринимая, они стали доказывать, что все идетъ болѣе или менѣе благополучно, а куда имъ указывали на опредѣленные факты, они обижались и ссылались на свою автономію. Узелъ настолько запутался, что уже не было сомнѣній, какъ разыграются дальнѣйшія событія.

Поворотнымъ пунктомъ явился процессъ одесскаго ректора Занчевскаго и его помощниковъ. Процессъ этотъ вылился, до какого паденія дошла высшая школа. Профессора, играя въ радикализмъ, наживались на учебникахъ и платя со слушателей, которые ихъ не слушали, но исправно получали дипломы. Студенты, подъ покровомъ университетской автономіи, обрашались вышшую школу въ главный штабъ революціи. Окогда, изъ стѣнъ высшей школы, разливались по ступанъ всякаго рода преступные замыслы, до политическихъ убіійствъ включительно. Что же касается учебныхъ

задачъ высшей школы, то о нихъ даже не говорили. Понималось само собой, что высшая школа вовсе не для того существуетъ, чтобы въ ней учить и учиться.

Общество рѣшительно потребовало, чтобы на вышшую школу было обращено самое серьезное вниманіе. Разумѣется, это должно было вызвать борьбу. Другого исхода, однако, не было. Вънѣкоторыхъ университетахъ, впрочемъ, процессъ оздоровленія совершился болѣе или менѣе самъ собой. Объясняется это тѣмъ, что оба столпичные университеты, тѣ въ минуту острого развала большинство оказалось въ рукахъ дѣвухъ, воспользовались моментомъ, чтобы ступить къ себѣ изъ провинціи въхъ наиболѣе дѣвухъ профессоровъ. Такимъ путемъ дѣвухе ушлились въ столицахъ, но зато разбавили свои силы въ провинціальныхъ университетахъ, а, слѣдовательно, дали возможность оставшимся лучше сорганизоваться.

Началась борьба по всему фронту: ни одно распоряженіе правительства, сколько бы ни указывали на законъ, какъ бы ни призывали къ повиновенію, не оставалось безъ возраженій и исполнялось лишь тогда, когда уже нельзя было больше сопротивляться, но непрежѣнно такъ, чтобы, по возможности, оставить его неисполненнымъ. Все время при этомъ молодежь держалась въ напряженіи. Ее подуживали, ею утрожали и вообще пользовались ею, какъ орудіемъ, которое должно было всей своей массой бороться противъ стремленій правительства. Каждый профессоръ, дѣятельность котораго вызывала тѣ или иные замѣчанія правительства, объявлялся «мученикомъ» и «героємъ». Каждая студенческая выходка, какъ бы ни была она дика и безсмысленна, отстаивалась всей совокупностью университетскихъ властей и учрежденій. Когда въ стѣнахъ университета происходили сходки, университетскія власти доказывали, что звать полицію они не могутъ, а прервать безпорядки своими силами они не въ состояніи. Чуть правительство дѣлалось настойчивѣе — объявлялись общія студенческія забастовки.

Словомъ, это была ежедневная упорная борьба. Она продолжается и сейчасъ. Теперь она сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ какъ въ Москвѣ вся дѣвая профессура, не считавшая шансовъ, демонстративно вышла въ отставку. Доведя университетъ до рѣшительной анархii, московская дѣвая профессура, при первомъ же рѣшительномъ столкновении съ правительствомъ, изобразила изъ себя обиженныхъ и на этой почвѣ попробовала дать генеральное сраженіе. Правительство приняло отставки, замѣнило ушедшихъ другими, и Московскій университетъ сталъ понемногу возвращаться къ правильнымъ занятиямъ.

Такимъ образомъ, и вопросъ о высшей школѣ, несмотря на всѣ осложненія, находится сейчасъ сравнительно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ можно видѣть въ томъ, что теперь уже ни общество, ни правительство не обманываютъ себя насчетъ истиннаго характера студенческихъ движеній и насчетъ дѣйствительной цѣнности той фронды, которой столъ усиленно занимаются дѣвые профессора. А это значителенный шагъ впередъ, такъ какъ только тогда можно правильно дѣйствовать, когда точно учитывается, съ кѣмъ и съ чѣмъ приходится имѣть дѣло.

Х.

Въ предидушихъ главахъ мы пересмотрѣли всѣ главнѣйшія стороны народной и государственной жизни, во всякомъ случаѣ все то, что реально дѣлается народомъ болѣе богатѣлымъ, сильнѣмъ и болѣе культурнымъ. Но послѣдніи шесть лѣтъ дали многое и различнымъ сторонамъ русской дѣйствительности. Можно рѣшительно утверждать, что нѣтъ такого вопроса, который не получилъ бы за эти годы положительнаго движенія и разработка котораго не привела бы уже и въ настоящее время къ ряду весьма замѣтныхъ пра-

ктическихъ результатовъ. Дѣло лишь въ томъ, какъ смотрѣть на эти вопросы и съ какой точки зрѣнія отбѣивать достигнутые результаты.

Обратимся хотя бы къ вопросу о гражданскихъ свободахъ, т. е. къ самому оstromу и боевому, вокругъ котораго то и дѣло разгорается страсти. Мы будемъ настаивать, что за эти шесть лѣтъ страна стала въ данномъ отношеніи рѣшительно неузнаваемой. Но, конечно, прежде всего слѣдуетъ точно установить, чего должны желать разумные люди и чего остерегаться.

Извѣстно, что нынѣ понимаютъ у насъ подъ гражданской свободой. Не что иное, какъ свободу отъ первѣйшихъ обязанностей гражданина. Въ какія бы красивыя фразы ни облекали они это свое пониманіе, какими бы увѣреніями его ни сопровождали, практически все сводится къ тому, чтобы добиться возможности толкнуть жизнь государства на такой путь, который непремѣнно приведетъ бы къ коренному измѣненію русскаго государственнаго строя. Одни мечтаютъ о пролетарской республикѣ, другіе о буржуазно-парламентскомъ режимѣ, третьи и сами не знаютъ, къ чему стремятся, но для всѣхъ такихъ гражданская свобода нужна не сама по себѣ, не какъ одно изъ условій общественнаго развитія страны, а лишь какъ особенно удобное средство для болѣе успѣшнаго и легкаго осуществленія тѣхъ задачъ, которыя въ конечномъ итогѣ должны привести къ политическому перевороту.

Не считаясь съ такимъ положеніемъ вещей государство не можетъ, такъ какъ этимъ оно только показало бы, что не понимаетъ его. Но тѣмъ болѣе оно обязано противопоставлять ему. Жизнь народовъ не укладывается въ узкія рамки одѣльныхъ партійныхъ стремленій, и одна изъ главнѣйшихъ задачъ государственной власти заключается поэтому въ томъ, чтобы всячески содѣйствуя широкому развитію общественныхъ стремленій, опредѣленно и властно устранивать съ пути все то, что входитъ въ крутъ партійныхъ домогательствъ. Гражданская свобода, какъ условіе мирнаго раз-

влия страны, необходима народу. Но признаніе за гражданскою свободою см. ста и значенія боевого средства къ осуществленію государственнаго переворота являлось бы отказомъ государства отъ самого себя. Такое признаніе являлось бы одновременно и ударомъ по основному праву каждаго народа, по его праву мирно развиваться на широкой исторической основѣ.

Чтобы точнѣе опредѣлить нашу мысль, обратимся къ вопросу, который, судя по всему, считается наиболѣе острѣмъ, а именно — къ вопросу о печати. Въ послѣдніе годы передъ смутой русская печать находилась подъ предельно ригорозною цензурою, и только нѣкоторые столичные періодическія изданія да двѣ провинціальныя газеты пользовались правомъ выходить безъ предварительнаго промотра. Девять десятыхъ общественныхъ вопросовъ и рѣшительно всё политическіе считались для печати запрещеными подомомъ. Она вслѣдствіи ткнулась къ нему, но, чтобы указать хоть что-нибудь, она должна была прибѣгать къ особому условному языку и къ самымъ сложнымъ изворотамъ.

А въ настоящее время? Нѣтъ изданія, хотя бы это были жалкія листокъ, созданный исключительно для печатанія за дешевую плату мелкихъ объявленій, который не обремененъ политикой, и при томъ со всей той свободою мнѣній, которая нерѣдко вызываетъ мысль, что, право же, этой свободѣ можно было бы найти лучшее примѣненіе. Если что предсѣдывается и карается, — но и то пріемами болѣе чѣмъ далекими отъ совершенства, — то только свобода сквернословія, т. е. такое пониманіе свободы мнѣнія, которое низводитъ печать на степень орудія клеветы, распространенія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, противогосударственной агитации, возбужденія однихъ классовъ общества противъ другихъ и т. д.

Когда началась смута, печать естественно являлась той силой, исползовавшей которую устремились наиболѣе рѣ-

шительные и энергичные главари изъ числа творившихъ и раздвигавшихъ смуту. Сразу возникла масса партійныхъ изданій, значительное большинство которыхъ, по условіямъ времени, стало на явно революціонный путь. Отъ возможности касаться сколько-нибудь сложныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, безъ всякой посленности, печать перешла къ особо рѣзкимъ сужденіямъ о всѣхъ сторонахъ русской государственной жизни, заговаривая языкомъ, какимъ говорятъ развѣ только въ революціонныхъ прокламаціяхъ. И это вовсе не имѣло характера тѣхъ первыхъ увлеченій, которые болѣе или менее понятны при каждомъ крутомъ переходѣ отъ большихъ стѣбеній къ абсолютной свободѣ. Тутъ дѣйствовали болѣе глубокія причины. Тутъ сказалась истинная природа руководителей тѣхъ кружковъ, которые стояли во главѣ смуты, а также истинный характеръ ихъ нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ взглядовъ. Это не были борцы за новую жизнь, это были борцы за дѣло разрушенія. Это не были люди съ какими-либо положительными идеалами, хотя бы и противоположными тѣмъ, которые раныли считались господствующими; это были люди революціонныхъ страстей, бросившіеся очертя голову впередъ, потому что вѣрили, что уже ничто ихъ не останоитъ.

Первая увлеченія свободой всегда кратковременны, но если рѣчь идетъ о разрушеніи для разрушенія, то, конечно, предѣловъ нѣтъ и быть не можетъ. Страсть, направленная къ разрушенію, разгорается по мѣрѣ успѣха и по мѣрѣ же успѣха все болѣе и болѣе теряетъ предствленіе какъ о формахъ, въ какихъ проявляется, такъ и о слѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ ея дѣятельность. Дейность обращается въ профессию, а идеалы, каковы бы они ни были, вырождаются въ уличныя призывы, на которые съ разныхъ сторонъ бѣжитъ толпа, и непремѣнно вокругъ всего этого образуются такое положеніе, при которомъ идеальность и мошеникъ, проповѣдникъ новаго государственнаго строя и искатель приключеній, убѣжденный писатель и мечущійся объ-

усиленной розничной продажей аферистъ оказываются въ одномъ узлѣ. Печать, какъ работа мысли, терять всякое значеніе, и все, что входитъ въ поле зрѣнія, оказывается уже во власти стремленій сдѣлать изъ печати рѣшительное, хотя бы и грубое орудіе революціоннаго напора. Такъ это и было. Каждая строка кричала о необходимости немедленнаго переворота, возбужденіе политическихъ убійствъ стало первой обязанностью свободнаго печатнаго слова, клевета и дикая брань явились обязательными приемами политической борьбы, отъ обпихъ идей быстро перешли къ отдѣльнымъ личностямъ и, конечно, одновременно нападѣніе на церковь обратилось въ богохульство, нападеніе на правящіе классы свелось къ оскорбленіямъ Величества, паденія на тѣ нравственные начала, которыя могли бы мѣшать революціи, получали весь смѣлъ систематической порнографіи.

Необходимо было положить этому конецъ. Но, разумѣясь, всякая мѣра въ такомъ направленіи принималась печалью не иначе, какъ грубое стѣсненіе ся свободѣ. Иначе не могло и быть. Уже слишкомъ было велико различіе между тѣми пониманіями, которыя тогда стагнивались. Государство не только создало важное значеніе свободнаго печатнаго слова, но готово было всячески содѣйствовать его развитію. Оно, однако, ставило непремѣннымъ условіемъ, чтобы свобода печати неуклонно держалась въ рамкахъ хотя бы элементарнаго приличія, во всякомъ случаѣ не отступала бы, что и у нея имѣются обязанности передъ государствомъ. А тѣ общественные кружки, которые создали революціонную печать, именно противъ этихъ-то обязанностей и протестовали. На государство они смотрѣли, какъ на перваго своего врага, и всю свою задачу видѣли въ униженіи государства. Одни боролись противъ государства вообще, другіе отстаивали свой идеалъ государства, но всѣ они одинаково считали существующее государство, то, въ предѣлахъ котораго они вели свою борьбу, подлежащимъ немедленному упраздненію.

Очевидно, при такихъ условіяхъ нельзя было ни до чего договориться. Приходилось или самоупраздниться, или же прѣдствовать. Но дѣйствовать означало стѣснять. Когда долгина прорвалась, и все считается дозволеннымъ, то каждая мѣра, пытающаяся ввести свободу въ извѣстныя границы, является уже стѣсненіемъ и вызываетъ жалобы и претензіи.

О чемъ бы дѣвая печать ни говорила, она непременно возвращалась и возвращается къ этому вопросу. Печать— основная сила революціи, и потому, конечно, борьба за ничѣмъ не ограниченную свободу печати является для революціонныхъ дѣателей ихъ первой задачей. И мы видимъ: въ Самарѣ или Харьковѣ или въ Тулѣ губернаторъ штрафуетъ редактора за совершенно невозможный пассивъ на правительствѣ, въ лицѣ его вышнихъ представителей, или за опредѣленно революціонный призывъ, а по всей линіи дѣвшихъ органовъ печати уже немедленно сообщается о «новой жертвѣ правительственнаго произвола», при чемъ обстоятельство дѣла излагается въ такомъ видѣ, что просто трудно понять, чѣмъ мочь руководствоваться губернаторъ, карая явно ни въ чемъ неповиннаго редактора. Что ни день, то тамъ, то здѣсь печатаются статьи, говорившія въ рѣзкомъ и неподдающемся тонѣ о «репрессіяхъ» по дѣламъ печати. При малѣйшемъ поводѣ въ Думу вносятся запросы о положеніи печати, и каждый разъ, когда вспоминаютъ о манифестѣ 17-го октября, обязательно повторяютъ, что до сихъ поръ, несмотря на обѣщанія манифеста, печать продолжаетъ оставаться въ «безправномъ» состояніи, въ рукахъ «административнаго произвола».

Все это продѣлывается планомерно, по извѣстной системѣ, настойчиво, такъ что, поневоѣ, даже у не предубѣжденнаго челоука складается убѣжденіе, что печать дѣйствительно безправна и что, пожалуй, ея положеніе нисколько не свободнѣе, чѣмъ было во времена цензуры. А къ этому борцы за революціонную роль печати только и стремятся. Для нихъ дѣлей имъ важно внушить мысль, что,

борясь съ печатью, правительство борется не съ злоупотребленіями свободой слова, а изъ опасенія передать тѣмъ раэоблаченіями, которыя могла бы сдѣлать печать, если бы она была свободна. Все, что доказываетъ, насколько воздуха подобная мысль, тщетально замалчивается. Но зато тѣмъ болѣе выдвигается каждая ошибка кого-либо изъ публицистовъ, особенно, если можно фактически доказать, что редакторъ былъ опграфованъ неосновательно, или что губернаторъ дѣйствовалъ формально неправильно.

Каждый, кто хочетъ разобратъся въ вопросѣ, пусть подумаетъ хотя бы о томъ, въ какомъ положеніи находится теперь его доброе имя, если только онъ не желаетъ идти въ ногу съ революціонерами. Выдумаютъ что угодно—въ пять минутъ, насколько ничѣмъ не стѣсняясь. Выдумаютъ и огласить въ двадцати газетахъ и журналахъ. Что дѣлать оклеветанному? Онъ безвѣстенъ. Подать въ судъ? Но на судѣ, въ роли обвиняемаго, будетъ фигурировать подставной редакторъ, нанимаемый газетою специально для огондки. Курьезъ того, разборъ дѣла будетъ происходить черезъ два года послѣ появленія клеветы въ печати. Наконецъ, судъ или оправдаетъ клеветниковъ, ибо далеко не всегда удается установить формальную сторону дѣла, или же, въ крайнемъ случаѣ, приговорить ихъ къ ничтожному наказанію. Остается единственно разумное средство: молчать и разчитываться на то, что все равно въ наше время уже мало кто вѣритъ газетамъ.

И, дѣйствительно, если и вѣрять, то уже далеко не такъ, какъ въ пору такъ называемой «зари свободы слова». Сравнить нельзя съ тѣмъ, какъ вѣрили прежде, пока революціонная толпа, овладѣвшая печатью, не подорвала уваженія къ печати. Теперь ужъ очень многие понимаютъ, что партійной печати ничто не стоитъ выдумать любой вздоръ, если только онъ нуженъ для цѣлей партіи. Ни для кого не секретъ, что вся организація тѣвой печати строится на убѣжденіи, что нечего разбирать средства, если только они ведутъ къ цѣли. Существуютъ особыя «Бюро», гдѣ изо-

браваются всякія клеветы и инсинуаціи, и изъ этихъ «Бюро» онъ разсылаются по всей Россіи. Потомъ, конечно, по являюся опроверженія, но ихъ или не печатаютъ, или же печатаютъ на задворкахъ, чтобы публика, по возможности, не замѣтила и не прочла; если же опроверженія уже чертучурь неприятны тѣвой печати, то, выжидая день-другой, вся свора клеветниковъ начинается на ту же тему сначала.

Словомъ, мы хотимъ сказать: положеніе печати за эти шесть лѣтъ безопорно измѣнилось радикально; изъ печати, которая не только не имѣла права осуждать политическіе и общественные вопросы, но и должна была ежечасно поминать, что и въ простомъ сообщеніи фактовъ она обязана проявлять осторожность, она обратилась въ политическую печать въ самомъ широкомъ смислѣ этого слова. Если вмѣстѣ съ этимъ измѣнились къ худшему газетные нравы и, съ другой стороны, если уменьшилось уваженіе къ печати, то вина всецѣло падаетъ на партійную печать, дискредитирующую дѣйствовать, не разбирая средствъ. Что же касается отношенія государства къ печати, то вся цѣль принимаемыхъ мѣръ сводится только къ борьбѣ съ наиболѣе рѣзкими и трубыми выходками противъ основныхъ требованій порядка и нравственности. Бываютъ ошибки со стороны отчужденныхъ представителей власти, но сколько бы ихъ ни раздуряли тѣ, кому онѣ на руку, общее положеніе вопроса отъ этого нисколько не мѣняется.

Рѣшительно тѣ же мысли должны мы высказать и по вѣмъ дружимъ вопросамъ, связаннымъ съ понятіемъ гражданской свободы. Напримѣръ, вопросъ объ обществыхъ и союзахъ. Шесть лѣтъ тому назадъ, чтобы образовывать какое-нибудь самое безобидное общество, хотя бы имѣющее въ виду дѣйствовать лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшой задачъ и малого круга лицъ, нужно было ждать, по меньшей мѣрѣ, два года и при этомъ усиленно хлопотать въ Петербургѣ, дѣйствуя черезъ видительныхъ лицъ. Въ настоящее время даже для образованія всероссійскаго общества, ставшаго себѣ любима закономъ дозволеннымъ за-

дачи, достаточно ровно столько времени, сколько нужно, чтобы уставить быль заслужанъ въ мѣстномъ присутствіи. Можно открывать общество и по простому заявленію.

Но не объ этомъ говорить, конечно, когда доказываютъ, что у насъ «задавлена» всякая общественность. Добиваются, чтобы государство оставалось въ роли стороннаго зрителя и тогда, когда общество или союзъ начинаютъ преслѣдовать противозаконныя цѣли или когда общество для того и образуется, чтобы бороться противъ основъ русскаго государственнаго строя. Въ этомъ все дѣло. Хотятъ непременно установить, что государство обязано считать законной и ту равновидность общественной самодѣятельности, которая направлена къ организации массъ противъ государства и вообще противъ спокойнаго развитія русской гражданственности. Одни и тѣ же лица, подъ разными предлогами и наименованіями, высказываютъ со своими замыслами то тамъ, то здѣсь, всегда одинаково вызываяше вѣдуть себя, всегда съ той же безцеремонностью опровергаются на все, что составляетъ наши русскіе уюты, и продѣлываютъ это только затѣмъ, чтобы, вызвавъ влечь на рѣшительныя мѣры, имѣть право указывать на «пронзвольтъ», на «похороны манифеста 17 октября», «на отказъ правительства отъ неоходимости ввести, наконецъ, правовую стройку» и т. д.

То же самое и въ вопросѣ о публичныхъ собраніяхъ. Шестъ дѣтъ тому назадъ не то что публичное собраніе, а простую лекцію можно было устроить только послѣ большихъ хлопотъ. Теперь же даже руководители социалистическихъ партій устраиваютъ лекціи и чтенія. И опять-таки это не считается достаточнымъ. Требуютъ, чтобы влечь не препятствовала и такимъ собраніямъ, которыхъ ставить себя исключительной цѣлью возродить смуту. Какъ будто бы не довольно съ насъ той, которую мы такъ еще недавно пережили! Какъ будто бы мы не достаточно намоглись, что изъ этого выходить, и какъ будто русское общество не достаточно заплатило за удовольствіе, доставленное себя всякаго рода демагогами!

Не споримъ, возможно, что иногда тотъ или иной градоначальникъ или губернаторъ проявляютъ излишнюю осторожность и придирчивость. Но, съ другой стороны, надо вѣдь знать и тѣхъ професіоналовъ, которые, главнымъ образомъ, обращаются за разрѣшеніями всякихъ лекцій и собраній. Это народъ, въ болышинствѣ случаевъ, совершенно безпардонный: объявляютъ темой собранія вопросъ о борьбѣ съ засухой, а читаютъ о предельныхъ пролетарской республики; даютъ слово, что не позволяютъ себя никакимъ нападокъ на православленную церковь, а подъ конецъ лекціи, такъ сказать—подъ занавѣсь, разражаются грубой хулой на священныя таинства. Такие факты, особенно, если они являются обычными, развиваютъ въ мѣстной администраціи невольную придирчивость. Однако, кого слѣдуетъ винить въ этомъ?

Говоря другими словами, у насъ немало глупыхъ, кто считаетъ своимъ долгомъ къ мѣсту и не къ мѣсту поворотъ, что правительству давно пора выступить съ проектами новыхъ законовъ о печати, о неприкосновенности личности, о собраніяхъ, объ обществахъ и союзахъ и т. д. Но такіе забываютъ, что всѣ эти проекты уже разработаны, а одинъ изъ нихъ, именно о неприкосновенности личности,—дѣлать пять дѣтъ лежитъ въ Думѣ. Нужны ли они? Конечно, нужны, потому что дѣйствующіе законы недостаточно опредѣленны, въ свое время выработывались наспѣхъ, въ рядѣ отпущеній мало продуманы. Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ въ настоящее время не пойдетъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ то, что должно будетъ защищать правительство, встрѣтитъ возраженія и справа, и слева, а то, что удовлетворило бы правыхъ или лѣвыхъ, не встрѣтитъ поддержки въ правительствѣ, да не найдеть болышинства и въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Напомнимъ судьбу законопроекта о неприкосновенности личности. Что сдѣлала съ нимъ Дума? Первая работавшая надъ проектомъ комиссія не нашла поддержки въ общемъ собраніи. Рѣшили, что она слишкомъ ретроградна. Передали

проектъ въ либеральную комиссію. Эта общаго справилась съ дѣломъ чуть ли не въ полтора мѣсяца. Но прошло уже полтора года, и комиссія такъ и не могла ни до чего дойти ворваться.

Конечно, если бы отдалъ всё эти вопросы на добрую волю главней революціи и любителей политическихъ переворотовъ, они въ полчаса покончили бы дѣло. Въ практикѣ государства имѣютъ право печатать, что имъ вздумается, клеветать на кого угодно и сколько угодно, но съ тѣмъ, разумѣется, чтобы все ими печатаемое служило въ пользу революціи, — таковъ былъ бы законъ о печати. Законъ о не-прикосновенности личности былъ бы еще рѣшительнѣе. Онъ гласилъ бы: личность политическихъ преступниковъ не-прикосновенна. Надѣмся, однако, что не для того въ Россіи существуютъ новыя законодательныя учрежденія, чтобы подобныя тенденціи и стремленія находили въ нихъ сколько-нибудь широкое признаніе.

Вообще, слѣдовало бы давно уволить ту продиктованную широкимъ историческимъ опытомъ всѣхъ странъ и народовъ истину, что никогда и нигдѣ не выходило ничего хорошаго изъ реформъ, проводимыхъ въ пылу политическо-ской борьбы, подъ влияніемъ временныхъ увлеченій и, если говорить грубо, — реформаторскаго зуда. Каждый разъ, когда по тѣмъ либо инымъ причинамъ страна находится въ движеніи, на ея поверхности опредѣляется рядъ общественныхъ крутовъ, который готовъ настаивать на реформѣ рѣшительно всего, что называется — сверху донизу. И на все имѣются у такихъ совершенно готовые рецепты. Они просты, какъ мысленіе младенца, но практическая дѣя имь — нуль. Это такія реформы, предлагаемыя которыми ничто не стоитъ, но съ послѣдствіями которыхъ, если бы, на не-счастье страны, реформы были приняты, не могли бы справиться даже здоровые государственныя и общественныя органы. Между тѣмъ, налицоность движенія въ странѣ уже сама по себѣ показываетъ, что организмъ эти пораженны извѣстными недугами. Реформы такого рода погубяютъ

почему все значеніе яда, а вовсе не являются дѣлитель-нымъ лекарствомъ.

Что можетъ быть проще, какъ объявить неограниченную свободу печати, обществу, собранію? Разсуждая теоретически, эти свободы должны не только оживить общество, но и оздоровить его, потому что злоупотребленія общественными свободами наглядно покажутъ странѣ, чего слѣдуетъ ей опасаться, а, слѣдовательно, само общество выра-ботаетъ необходимыя элементы отпора. Но практика пока-зываетъ совсѣмъ иное. Она убѣждаетъ, что всякій шагъ въ сторону свободы, мы не говоримъ уже — въ сторону неограниченной свободы, долженъ типательно согласовываться со всѣми общими условіями жизни государства. Тутъ играетъ огромную роль и соотношение различныхъ классовъ, и степерь культурности массъ, и средній уровень благосостоянія, и историческія традиціи и т. д. Ученье всё эти обстоятель-ства очень трудно. Но не учеть ихъ — значить идти на опыты, таяще въ себѣ смертельную опасность.

XI.

Вполнѣ опредѣлвшимся является лишь общее стремле-ніе къ тому, чтобы дѣятельность администраціи была не-премѣнно закономѣрна. Но, во-первыхъ, едва ли эта сто-рона дѣла зависитъ отъ той или иной реформы, ибо вопросъ сводится, главнымъ образомъ, къ людямъ, занимающимъ административныя мѣста. Во-вторыхъ, при всѣхъ круткахъ дѣвой печати о томъ, что мѣстнаго администраціи на ка-ждомъ шагу нарушаетъ законъ и, какъ выражаются дѣвые листки, «чудовищно злоупотребляетъ властью», не трудно представить достаточно объективныя данныя, связываю-щуюся о томъ, что, если и бывають злоупотребленія, то, во-первыхъ, не серьезные, а, во-вторыхъ, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ.

Веремъ эти данныя изъ хроникъ Государственной Думы, которая, какъ извѣстно, путемъ запросовъ и вопросовъ,

предъявляемых правительству, имѣетъ широкую возможность опознаться на каждый получившій огласку случай незаконномѣрности со стороны мѣстныхъ властей. Десятыхъ запросовъ принадлежатъ дѣвять группамъ. Мы знаемъ, однако, что представители этихъ группъ не только не склонны замалчивать промахи мѣстной администраціи, но, какъ показываетъ опытъ, не прочь и преувеличить ихъ, а при случаѣ и измыслить. Слѣдовательно, уже безусловно все, что могло бы опредѣлять степень незаконномѣрности со стороны мѣстныхъ властей, непремѣнно такъ или иначе найдется выраженіе въ думскихъ запросахъ.

Въ первую сессію третьей Думы было внесено 31 запросъ, во вторую—36, въ третью—37, въ четвертую—39. Изъ нихъ только 5% имѣютъ своимъ содержаниемъ общіе вопросы; остальные все касаются дѣятельности мѣстныхъ властей. Но 19 запросовъ были взяты обратно самими подписавшими ихъ, что показываетъ, насколько нерѣдки случаи, когда даже авторы запросовъ сознаютъ, что ихъ обвиненія неосновательны. Такимъ образомъ, всего надлежало обсудить за четыре года 124 запроса и вопроса. Изъ нихъ только 4 не касались дѣятельности мѣстныхъ властей.

Общее собраніе Думы до сихъ поръ заслушало меньше половины этого числа запросовъ; признало же дѣйствія властей незаконномѣрными только въ трехъ случаяхъ. Совершенно ясно, что, если бы, дѣйствительно, незаконномѣрныя дѣйствія мѣстныхъ властей были правдомъ, а не рѣдкимъ исключеніемъ, мы имѣли бы совершенно другія цифры. Совершенно инымъ было бы и общее впечатлѣніе отъ ближайшаго разсмотрѣнія всей этой картинки. Напримѣръ, въ концѣ пятой сессіи оставались еще не разсмотрѣнными запросы отъ первой сессіи, а отъ второй сессіи осталась среди другихъ не разсмотрѣнныхъ запросовъ одинъ, который бытъ принятъ въ порядкѣ «спѣшности», даже, слѣдовательно, безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ комиссіи. Если бы факты, которыхъ касались все эти запросы, представлялись,

дѣйствительно, серьезными, запросы о такихъ фактахъ не лежали бы по пяти дѣтъ безъ движенія.

Не слѣдуетъ путать понятія. Говоря о незаконномѣрности, дѣйствіе, въ дѣйствительности, хотѣтъ сказать только то, что существуетъ много такихъ законовъ, которые имъ не нравятся и исполнять которые, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ. Они хотѣли бы также, чтобы общее направленіе дѣятельности административныхъ чиновъ было непремѣнно разбитано въ пользу, а не противъ революціонныхъ надеждъ и домогательствъ. Напримѣръ, администраціи принадлежатъ по закону право закрывать общества, отклоняющіяся отъ задачъ, указанныхъ въ ихъ уставахъ, или проявляющія явно противоправительственныя стремленія. Дѣвять, однако, симпатичны именно только такімъ обществамъ. Поэтому какъ только какое-нибудь изъ нихъ подвергается закрытію, намъ говорить, что администрація поступаетъ незаконномѣрно. Или, напримѣръ, по закону, губернаторъ имѣетъ право разрѣшать и не разрѣшать публичныя лекціи. Если губернаторъ не разрѣшаетъ лекцію такого господина, который извѣстенъ или нуженъ дѣвятьмъ парціямъ, все дѣвять изданія говорятъ о «незаконномѣрности» губернатора, о томъ, что основную свою задачу онъ видитъ въ нарушеніи закона, о томъ, что имѣтъ такихъ губернаторовъ значить расплысываться въ признаніи произвола первоосновой государственнаго управленія. Шумъ еще повышается въ градушкахъ, если идетъ рѣчь о высылкѣ еврея, не имѣющаго права жительства въ данной мѣстности, или объ отпадѣ подлѣ суда за служебное преступленіе какого-либо земца изъ дѣвять или городского головы, извѣстнаго своимъ радикализмомъ.

Мы не хотимъ еще сказать этимъ, что въ ходѣ управленія все идетъ какъ нельзя лучше. Вѣсьмъ хорошо извѣстно, что среди правительственныхъ агентовъ различныхъ ранговъ и классовъ встрѣчались и встрѣчаются такіе, дѣятельность которыхъ вызвала справедливыя нареканія. Но правительство не только не старалось прикрывать виновныхъ, а, наоборотъ, принимало все мѣры, чтобы виновные,

въ примѣръ друтиимъ, понесли заслуженное наказаніе. Пусть были и товарищи министра, и губернаторы, и вѣросященныя полицейскіе чины, и земскіе начальники, словомъ, лица, занимающія различныя положенія въ рядахъ административной арміи. Впловныхъ не спасало ни ихъ положеніе, ни даже то обстоятельство, что многихъ изъ нихъ старались отстоять ихъ друзья и родные, принадлежашіе къ весьма вліятельнымъ группамъ. Однихъ предавали суду, другихъ удаляли со службы, въ зависимости отъ характера и обстановки совершенныхъ ими нарушеній служебнаго долга.

Конечно, можно представить всѣ эти данныя и въ такомъ освѣщеніи, что вотъ, молъ, каковы порядки: ни на кого нельзя положиться, ибо стоитъ только немного ближе подойти къ дѣйствительности, какъ уже оказывается, что преступники встрѣчаются чуть ли не на каждомъ шагу. Такъ и утверждають дѣвые. Но это—явное извращеніе фактовъ. Въѣсть съ переходомъ страны на новыя рельсы кореннымъ образомъ измѣнился взглядъ на отношеніе власти къ самой себѣ. Господствовавшее прежде убѣжденіе, что во имя сохраненія авторитета власти необходимо мигрится съ возможными злоупотребленіями и, во всякомъ случаѣ, необходимо кончать съ ними болѣе или менѣе кейно, по-домашнему, смѣнилось въѣрой, что только искорененіе привычекъ къ злоупотребленіямъ, искорененіе настойчивое, доступное общему пониманію, способно, дѣйствительно, поддержать и охранить авторитетъ власти. Такая точка зрѣнія встрѣчалась и друзей, и противниковъ, но она проводилась съ рѣшительной опредѣленностью и безусловно освѣжила атмосферу. Она нанесла ударъ убѣжденію въ безнаказанности злоупотребленій и заставила всѣ элементы, входящіе въ систему и строй управленія, пересмотрѣть свои взгляды и пріемы, что одно уже должно было сыграть весьма важную роль. Всѣ, кто или не пожелалъ, или уже не могъ подчиниться этимъ новымъ требованіямъ, оказались тѣмъ самымъ не соответствующимъ занимаемымъ ими должностямъ. Всѣ, кто къ тому же имѣлъ за собой

болѣе или менѣе опредѣлвшіеся противъ нихъ факты, должны были отдать отчетъ суду. Иначе говоря, стремленія власти опредѣлялись исключительно однимъ: твердой рѣшимостью настоять на такихъ пріемахъ и формахъ управленія, а также на такомъ его общемъ духѣ, которые способствовали бы установленію началъ законности, безкорыстія, сознательнаго отношенія къ служебному долгу и уваженія къ нему. А тѣ многочисленные судебные процессы, которые явились слѣдствіемъ этого стремленія правительства, показывають только, что, съ одной стороны, власть никого не прикрывала, и что, съ другой стороны, прежняя система отношенія къ государственной службѣ успѣла разрагчить немалое количество людей.

Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, въ области этого вопроса протекцинишестъ дѣтъ дали весьма дѣльное пріобрѣтеніе: установленія винной, болѣе соответствующей духу времени взгляда на службу, и принятія мѣръ, чтобы взгляды эгошь были равно обязательны и для высшихъ, и для низшихъ чиновъ. Могутъ сказать: но вѣдь сенаторскія ревизіи, которыя въ данномъ случаѣ сыграли столь большую роль, не вѣчны: нельзя же управлять при помощи постоянныхъ сенаторскихъ ревизій; между тѣмъ, имѣется ли увѣренность, что, какъ только ревизіи закончатся, все не пойдетъ опять по-старому? Вопросъ ставится правильно, но успѣаются изъ вида нѣкоторые обстоятельства. Совершенно ясно, что ревизіи, особенно столь широко поставленныя, какъ тѣ, которыя имѣли мѣсто за эти годы, полезны только при условіи, что онѣ—временная, а не постоянная мѣра. Обращаясь въ мѣру не то что постоянную, а даже въ болѣе или менѣе затяжную, онѣ безусловно становились вредными, такъ какъ нарушаютъ нормальный ходъ жизни, возбуждаютъ страсти, вносятъ въ дѣло управленія неизбѣжную дезорганизацию. Но никто и не имѣлъ въ виду слѣдовать ихъ постоянной мѣрой. Это были пріемы общаго пересмотра разныхъ сторонъ управленія, пріемы рѣшительный и важный уже тѣмъ, что сразу вскрывалъ рядъ болѣзней мѣсть.

Но тутъ роль ревизій и кончалась. Однако, вотъ что слѣдовало затѣмъ: широко поставленные ревизіи дали матеріалъ для реформъ; ревизіи же помогли установить тѣ главнѣйшіе пункты, на которые слѣдовало обратить усилненное вниманіе. Въ связи съ этимъ началось, а чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось планомѣрнѣе и систематичнѣе, всестороннее освѣдомленіе центральныхъ управленій съ жеззью и дѣятельностью мѣстныхъ управленій. Оно стало осуществляться частью путемъ разъѣздовъ на мѣста вышшихъ чиновъ разнѣхъ вѣдомствъ, частью путемъ отдѣльныхъ разъѣздовъ ній. Напримѣръ, по одному министерству внутреннихъ дѣлъ такихъ поѣздокъ и разъѣздованій дѣлалось за послѣдніе годы болѣе ста въ годъ.

Можно, при желаніи, критиковать и эту систему, но нельзя все же отрицать, что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще никто не придумалъ лучшаго способа узнавать въ точности всѣ слабѣя и сильныя стороны управленія въ каждой отдѣльной мѣстности. Узнавать же это значитъ и напирать, и всегда имѣть возможность добиться того, чтобы управленіе было, дѣйствительно, закономѣрнымъ.

Но мы говорили о реформахъ. Возьмемъ вопросъ о земствѣ. Какъ только ни предлагали и ни предлагаютъ реформировать его! Тутъ и выборы на началахъ всеобщаго избирательнаго права, при участіи женщинъ; тутъ и такое расширение компетенціи земства, что на долю административной обязанности земской полиціи; тутъ и такіе проекты, которые, подъ флагомъ демократизаціи земства, требуютъ, чтобы земство было непремѣнно противодворинскимъ. Всего и не перечесть. Но мало кто думаетъ, что вопросъ объ измѣненіи состава земскихъ ортановъ—вопросъ только политическій, а между тѣмъ сущность земскаго дѣла, его реальная жизнь, опредѣляется совершенно инымъ крутомъ вопросовъ: надо прежде всего рѣшить, что должно дѣлать земство и на какиа средства оно можетъ разсчитывать. Каковы бы ни были недостатки личнаго состава земскихъ учрежденій, все же главными недостатками являются

устарѣвшія постановленія о предѣлахъ дѣятельности земства и остро чувствуемая нужда въ деньгахъ. Слѣдовательно, и начинать преобразованія, если ихъ нужно начинать, должно непремѣнно именно съ этого конца, а вовсе не съ вопроса о составѣ земскихъ собраній.

Любопытныя указанія можемъ найти по этому поводу въ исторіи прусскаго земскаго дѣла, которое, по справедливости, считается нынѣ наиболѣе организованнымъ. Въ Прусси, какъ извѣстно, въ 1848 году произошло революціонное движеніе, приведшее къ созыву собранія по выработкѣ конституціи. Конституція была выработана, но осталась только проектомъ. Собраніе, его выработавшее, было распущено (вспоминаемъ нашу первую Думу), а второе собраніе, которое, подобно нашей второй Думѣ, оказалось еще дѣвѣе первымъ, было распущено раньше, чѣмъ даже успѣло разсмотреть этотъ проектъ. Сообразно третье собраніе. Это было въ концѣ 1849 года. Оно получило къ разсмотрѣнію уже совсѣмъ иной проектъ конституціи, разработка котораго исходила отъ правительства. Собраніе приняло его почти безъ поправки. Одновременно всѣ три собранія занимались и проектомъ общей земской реформы. И опять наблюдается то же самое: первое собраніе стремилось провести весьма радикальный законъ, ведшій къ усвоенію земства на широкихъ демократическихъ началахъ, второе собраніе внесло въ него еще болѣе радикальныя поправки, а въ третьемъ собраніи правительство внесло проектъ земской реформы уже отъ себя.

Это былъ, такъ сказать, проектъ-компромиссъ. Радикализма не было, но все же проектъ носилъ на себѣ отпечатокъ момента. Небольшой избирательный цензъ, весьма широкая компетенція, прямолинейность при рѣшеніи вопросовъ о расширеніи общинъ, словомъ, тутъ было все, что выдвигали либеральные теоретики того времени. Но, съ другой стороны, тутъ были и различныя оговорки, казавшіяся правительству тѣмъ болѣе необходимыми, что оно весьма опасалось своихъ же собственныхъ услугокъ ради-

кализму. Такъ, отвергая принципъ согласности, проектъ давалъ преобладаніе землевладельцамъ; онъ ограничивалъ финансовую самостоятельность мѣстныхъ учреждений, такъ какъ вовсе не хотѣлъ, чтобы земства выкачивали всѣ народныя сбереженія, но въ то же время, во имя принципа самоуправленія, который выдвигался на первый планъ, предоставлялъ мѣстнымъ органамъ широкія права.

Не успѣлъ, однако, проектъ стать закономъ, какъ съ первыхъ же шаговъ выяснилось, что никого онъ не удовлетворяетъ и менѣе всего способенъ создать живую земскую работу. Однимъ онъ казался недостаточнo принципальнымъ, другимъ—чрезмѣрно отвѣтственнымъ, третьимъ—рѣшительно противорѣчащимъ всѣмъ историческимъ чаяньямъ страны.

Уже въ мартѣ 1851 года, т. е. всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, верхняя палата нашла необходимымъ поднять вопросъ о коренномъ пересмотрѣ этого закона. Пренія немедленно же выяснили, что не только большинство палаты, но и гр. Мантейфель, стоявшій тогда во главѣ правительства, видятъ въ земской реформѣ «внѣбрачное дитя революціи» и что считалось бы наиболѣе желесообразнымъ вернуться къ принципамъ стараго земскаго порядка, хотя бы и съ соответственными измѣненіями, примѣнительно къ условіямъ новаго времени.

Такъ дѣло и пошло. И съ этого момента, вплоть до 1853 года, дѣятельность правительства и солидарныхъ съ нимъ палатъ была направлена исключительно въ эту сторону. Въ концѣ концовъ и правительство, и палаты по всѣмъ основнымъ вопросамъ рѣшительно отказались отъ закона 1850 года, который и былъ отмѣненъ; самое же преобразование было разбито на рядъ отдѣльныхъ реформъ, которыя стали проводиться постепенно одна за другой.

Этотъ моментъ въ исторіи мѣстнаго управленія Пруссіи послужилъ, какъ, впрочемъ, и понятно, предметомъ живѣйшей полемики между историками и публицистами. Довольно обширная группа ученыхъ усматривала въ изло-

женныхъ фактахъ яркій примѣръ «закона реакціи» и, конечно, предостерегала другія государства слѣдовать подобному примѣру. Однако, болѣе спокойное и безпристрастное изученіе вопроса показываетъ, что ни о какой «реакціи» говорить въ данномъ случаѣ не приходится. Политическое движеніе, пережитое Пруссіей, было подобно всѣмъ политическимъ движеніямъ такого рода: тому теченію, которое шло противъ самодержавія и во имя конституціоннаго государства, удаюсь, если и не привели въ жизнь свои стремленія, то все же оказало извѣстное вліяніе на ходъ государственной мысли. Но это же теченіе постепенно само себя разжигло. Оно поэтому тѣмъ болѣе отвлеклось отъ реальнхъ условій дѣятельности, чѣмъ шире были уступки со стороны правительства. Тогда естественно произошло слѣдующее: партія теоретиковъ конституціи стала заигрываться въ своихъ построеньяхъ, въ обществѣ все болѣе и болѣе утрачивалось правильное пониманіе дѣятельности, а въ это время крайнія дѣянія теченія начали быстро продвигаться впередъ. Тамъ, гдѣ, казалось, царствуетъ стройная система принциповъ, все грубое и грубое давала о себѣ знать личная свистопляска, а между тѣмъ государственная власть, при всѣхъ ея ошибкахъ, естественно только крутила и ставновилась все болѣе устойчивой. Тѣмъ болѣе, что на ея сторонѣ оставалось неизмѣнное преимущество: въ вихрѣ страстей она одна боролась за національную круѣдость и, безспорно, ближе другихъ стояла къ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, если Пруссія, отказавшись отъ положившагося закона 1850 года, круто вернулась къ доконституціонному мѣстному порядку, то этимъ она еще не сдѣлала шага назадъ. Наоборотъ, именно тогда палннула бы она назадъ, если бы приняла некуссвенныя постренія закона-компромисса, какимъ былъ законъ 1850 года. Она рисковала бы разрушить исторически сложившееся, но не дала бы взмывать никакихъ прочныхъ основъ для дальнѣйшаго спокойнаго и органическаго развитія мѣстной жизни.

И мы знаемъ, что ни правительство, ни палаты не ошиблись. Рѣшивъ въ 1853 году забыть законъ 1850 года и вернуться къ прежнему порядку, правда, въ обновленномъ и улучшенномъ видѣ, онѣ заслужили глубокую благодарность послѣдующихъ поколѣній. Мы знаемъ, что мѣстное управленіе въ этомъ своемъ видѣ пережило какъ либеральныя, такъ и смѣнявшія ихъ консервативныя настроенія правительства и палаты и оставалось безъ существенныхъ измѣненій въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ строй оставался до тѣхъ поръ, пока конституціонная жизнь, окрѣпнувъ и развившись, не стала неотъемлемымъ достоинствомъ народнаго самознания, опредѣливъ одновременно и всю ту совокупность условій, которая могла бы послужить широкимъ реальнымъ основаніемъ для дальнѣйшей, уже болѣе коренной реформы мѣстнаго строя.

Мы рѣшились на все это отсугупленіе въ надеждѣ, что оно точнѣе опредѣлитъ нашу основную мысль. Мы вовсе не имѣемъ въ виду доказывать, что вообще не нужны реформы или что непремѣнно нужно пользоваться всѣми обстоятельствами, чтобы только задержать ихъ. Мы говоримъ иное: слѣдуетъ осерегаться реформаторскихъ увлеченій и должно помнить, что иногда много проще рѣшиться на реформу, чѣмъ удержаться отъ нея. Мы напомнимъ также, что жизнь не прощаетъ слишкомъ простого отношенія къ ней и, настаивая на своемъ правѣ органически развиваться, всегда дорогой цѣной заставляетъ раслагиваться за всякое непродуманное рѣшеніе. Если же, возвращаясь къ вопросу о русскомъ земствѣ, мы взглянемъ на него уже съ этой точки зрѣнія, то дѣло въ общихъ чертахъ представится въ слѣдующемъ видѣ. Какъ только у насъ было создано народное представительство, земство увидѣло себя вынужденнымъ отказаться отъ той политической роли, которую оно столь тѣлжно сохранило за собой раньше, хотя правительство и не шло до усилій, чтобы держать его въ рамкахъ адми-

нистративно-хозяйственной единицы. Къ этому же времени, въ связи съ общими событіями, началось постепенное изгнание изъ земства радикальнѣющихъ элементовъ, оплчныхъ, какъ показали событія, въ политиканствѣ, но плохихъ хозяевъ, разбросавшихъ по вѣтру нежало земскихъ денегъ. Отношенія между правительствомъ и земствомъ сразу стали иными, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣми, какія были раньше. Прежде, папримѣръ, была позрительность, правда, воплнть законная и основательная, такъ какъ, несомнѣнно, многія земства занимались, главнымъ образомъ, политической борьбой; на смѣну позрительности явилось теперь искреннее стремленіе работать съ земствомъ рука объ руку. Была увѣренность, что необходимо ограничить финансовую самостоятельность земства; на смѣну явилась широкая готовность озботиться улучшеніемъ финансоваго положенія земства. Была тенденція урѣзывать компетенцію земства; на смѣну явилось сознаніе, что, наоборотъ, полезно расширить эту компетенцію. Была мысль о такихъ преобразованіяхъ земства, при которыхъ оно въ значительной степени обратилось бы въ простой исполнительный органъ общей администраціи; на смѣну опредѣлилась увѣренность, что и въ вопросахъ общей администраціи земству должна быть отведена извѣстная роль. Одинъ за другимъ стали отставаться проекты о введеніи земства и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его раньше не было, а между тѣмъ прежде существовала тенденція замѣнять самоуправляющеся земство особыми комитетами смѣшаннаго типа. Напомнимъ, что въ шести западныхъ губерніяхъ земство уже введено, а въ губерніяхъ Оренбургской, Астраханской и Саратовской оно подготовляется. Если же, напримѣръ, встрѣчатся препятствія къ немедленному введенію земства въ Сибирь, то не потому, конечно, что принципиально возражаютъ противъ земства, а только потому, что тамъ въ подавляющемъ большинствѣ въздоль, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, просто не изъ кого составить земскія собранія.

Правительство стало опираться на земство и въ мѣст-ныхъ земскихъ людяхъ оно увидѣло тотъ важный общественный элементъ, благообразіе и жизненный опытъ котораго могутъ значительно помочь государству въ его сложнѣйшихъ практическихъ задачахъ. Какъ ни доказывала дѣвизъ печать, что правительство ведетъ двойную игру, такъ какъ попрежнему губернаторы не всегда утверждали лицъ, избираемыхъ земствомъ на должности, и нѣрѣдко опротестовывають рѣшенія земскихъ собраний,—на мѣстахъ такія рѣши не производятъ впечатлѣнія. На мѣстахъ отлучно знаютъ, что не утверждаютъ только смутьяниковъ, какъ знаютъ и то, что губернаторъ, который вноситъ въ свои отношенія къ земству чувства личнаго раздраженія или вообще не находитъ способовъ установить сотрудничество съ земствомъ работу на разумныхъ началахъ, не долго оставался на своемъ посту. На мѣстахъ отлучно знаютъ и то, что къ каждому земскому ходатайству правительство прислушивается и во всемъ, что только можетъ имѣть реальное значеніе, охотно приходитъ земству на помощь.

Слѣдовательно, общія условия земской работы, если говорить объ этой ихъ сторонѣ, стали особенно благопріятны. Но тогда-то и возникъ вопросъ о земскихъ финансахъ. Земскія смѣты и безъ того росли изъ года въ годъ. Напримѣръ, уже за время съ 1895 года по 1906 годъ общая сумма земскихъ расходовъ увеличилась: съ 66 милліоновъ поднялась до 124 милліоновъ. Но съ момента, когда земства стали на новый путь, т.-е. съ 1906 года, и, по-жимъ, до 1911 года включительно, а, слѣдовательно, всего за шесть лѣтъ, со 124 милліоновъ земскіе расходы возросли до 192 милліоновъ. Это значитъ, что за послѣднія шесть лѣтъ они увеличились на большую сумму, чѣмъ за предыдущія десять лѣтъ. Между тѣмъ, земство все время остается при тѣхъ же источникахъ дохода и, слѣдовательно, имѣетъ возможность увеличивать свои расходы только за счетъ повышенія размѣровъ обложенія. Но такъ какъ

основной источникъ земскаго обложенія—земельная собственность, то, очевидно, за весь этотъ ростъ земскаго дѣла отвѣчаетъ, главнымъ образомъ, сельское хозяйство. Оно замѣтно развивается и идетъ впередъ, но все же ему не легко справиться съ такимъ быстринъ ростомъ земскаго обложенія.

Лучъ и приходится искать корень вопроса о земской реформѣ. Прежде, чѣмъ спорить, кто лучше справится съ земскими задачами, надо точно опредѣлить, въ какіе новыя предѣлы, болѣе соответствующіе условіямъ времени, слѣдуетъ поставить эти задачи, а еще раньше надо рѣшить, на какія же собственно средства будетъ земство вести свою работу. У тѣхъ, кто видитъ въ земствѣ не столько реальное государственное дѣло, сколько навѣстный политическій принципъ, имѣется весьма простой отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Конечно,—говорятъ они,—недостающія суммы будутъ даваться правительствомъ. Но развѣ это рѣшеніе вопроса? Правительство не имѣетъ своихъ денегъ, земство же между тѣмъ введено не во всѣхъ губерніяхъ. Какое же основаніе оспаривать мѣстные расходы 40 земскихъ губерній изъ денегъ, собираемыхъ со всей Имперіи? Кроме того, что же это за мѣстное самоуправленіе, которое кипитъ государственнымъ казначействомъ?

Могутъ сказать: однако и теперь во многихъ случаяхъ правительство даетъ земствамъ ссуды и пособія. Но это не возраженіе. Ссуды даются замомобразно, что же касается пособій, то, во-первыхъ, они отпускаются сравнительно въ ограниченнѣйшихъ размѣрахъ, далеко не достигая той суммы государственныхъ сборовъ, которая въ среднемъ падаетъ на губернію, такъ что тутъ еще нѣтъ основаній видѣть какой-либо отказъ отъ принципиальныхъ основъ, опредѣляющихъ соотношеніе мѣстныхъ средствъ къ государственнымъ. Во-вторыхъ, эти пособія всегда имѣютъ характеръ пособій спеціальнаго назначенія.

Правительство разрѣшило вопросъ иначе. Оно, во-первыхъ, озабочилось организаціей доступнаго земствамъ въ

настоящую пору кредита, во-вторых, пересмотрѣло общее положение мѣстныхъ финансовъ и предложило рядъ правъ, которыя на первое же время дадутъ земствамъ болѣе 40 милліоновъ въ годъ. Кредитъ организуется при посредствѣ особой кассы, которая будетъ выдавать земствамъ и городамъ суды особыми облигациями, въ общемъ до 150 милліоновъ рублей, т.-е. въ десять разъ болѣе того основнаго капитала кассы, который дается ей правительствомъ, и запаснаго капитала кассы. Сверхъ того земства и города получаютъ возможность кредитоваться у частныхъ земельныхъ банковъ. Если же къ этому прибавить указанную прибавку доходовъ въ размѣрѣ до 40 милліоновъ въ годъ, то, конечно, дѣла земствъ сразу значительно поправятся.

Присяжные критики всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій увѣряютъ, что всего этого мало. Предлагаются кредиты въ 150 милліоновъ, а они хотѣли бы, чтобы кредитъ равнялся двумстамъ милліонамъ. Дается прибавка доходовъ въ 40 милліоновъ, а они хотѣли бы, чтобы прибавка равнялась, по крайней мѣрѣ, ста милліонамъ; представители-же партіи народной свободы въ ихъ широконѣшабельномъ планѣ махнули разомъ до 400 милліоновъ, и все это въ періодъ чуть ли не ближайшаго десятилѣтія. Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь не понимаетъ, что дѣлать, а тѣмъ паче чепуха, всегда болѣе, чѣмъ сто, а сто болѣе, чѣмъ сорокъ. Но каждая такая цифра устанавливается не по капризу, а по соображенію со всѣми особенностями. Нуженъ кредитъ, но опасна задолженность, нужны новыя источники доходовъ и вообще болѣе широкое использование мѣстныхъ средствъ, но опасно переобремененіе платежныхъ силъ населенія. Не считаясь съ этими соображеніями значило бы вести игру въ слѣпую.

Было бы неосторожно уже сейчасъ предлагать общую земскую реформу еще и по слѣдующей причинѣ: никто не споритъ противъ того, что земство въ состояніи шире

развернуть свою мѣстную административно-хозяйственную дѣятельность и что многое изъ того, что оно дѣлаетъ только формально или въ качествѣ одной изъ инстанцій, оно могло бы дѣлать въ полномъ объемѣ и по существу. Но чтобы рѣшить, что и въ какихъ предѣлахъ оно можетъ или должно дѣлать, необходимо предварительно пересмотрѣть всѣ тѣ спеціальныя отрасли мѣстнаго управленія, изъ совокупности которыхъ складается мѣстная жизнь. Брачно-санитарное дѣло, ветеринарное, строительное, страховое, продовольственное, дорожное и т. д.—каждая изъ этихъ отраслей находится въ настоящее время въ переходномъ состояніи. Будутъ самыя энергичныя работы по пересмотру тѣхъ законовъ, которые ихъ опредѣляютъ, а одновременно вырабатываются новыя пути для лучшаго устройства этихъ мѣстныхъ нуждъ. Пока все это не будетъ закончено, нельзя съ необходимою для всякой общей реформы точностью, установить объемъ новыхъ правъ и обязанностей земства; между тѣмъ, прежде всего въ этомъ и заключалась бы сущность земской реформы.

Лутъ мы вступаемъ въ область вопросовъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакого соглашенія съ тѣми, кто смотритъ на земскую реформу только, какъ на актъ политическій. Съ такой точки зрѣнія, все, что выставляется нами на первый планъ, является второстепеннымъ, хотя, конечно, никто не отрицаетъ, что нужны и новыя денежные средства, и расширеніе земской компетенціи. Для реформаторовъ этого рода существеннымъ является, однако, отвѣтъ правительства лишь на одинъ вопросъ: должно ли земство и впредь оспариваться по преимуществу дворянскимъ, или же будутъ приняты мѣры, чтобы оно было всеословнымъ? Но здѣсь необходима оговорка. Когда съ этой стороны намъ говорятъ о всеословности, то въ дѣйствительности имѣютъ въ виду совершенно опредѣленный идеалъ, мало схожий съ тѣмъ принципомъ, отъ имени котораго выступаютъ. Имѣютъ въ виду земство съ небольшимъ количествомъ послужившихъ дѣльцамъ партіямъ кре-

стыгать и съ подавляющимъ большинствомъ дѣвой интеллигенціи, преимущественно изъ лицъ, обладающихъ въ мѣстности небольшими цензами, а то и просто пребывавшихъ на жительство. Если же, съ другой стороны, мы спросили бы тѣхъ, кто готовъ полностью отстаивать нынѣ существующее условное земство, то непременно услышали бы отвѣтъ: пусть будетъ въ земствѣ извѣстное число крестьянъ, послужившихъ правымъ партиямъ, а подавляющее большинство пусть принадлежитъ къ правой интеллигенціи. Иначе говоря, дѣль борются вовсе не принципіи условности и безсословности, а лишь правое и лѣвое политическія теченія. Принципы выдвигаются постольку, поскольку готовы ждать, что дворянство дастъ главнымъ образомъ правыхъ гласныхъ, а интеллигентскіе разночинцы — лѣвыхъ.

Но можно ли спорить, что при такой постановкѣ дѣла прежде всего должны пострадать первѣйшіе интересы земскаго хозяйства? Можно ли спорить, что, если имѣется реальная надобность что-либо предпринять по этому вопросу, то каждый шагъ непременно долженъ быть всесторонне взвѣшенъ, дабы избѣжать искинственныхъ голчковъ, которые бросили бы земское хозяйство на путь рѣзкой политической борьбы, ничего не обѣщающей, кромѣ глубокихъ потрясеній?

Въ заключеніе приведемъ, какъ намъ кажется, характерныя цифровыя данныя. Нынѣ работающей составъ земскихъ учрежденій считается лѣвыми не только просто дворянскимъ, но, такъ сказать, сугубо дворянскимъ. Не забудемъ, что этотъ составъ пришелъ на смѣну радикальнымъ земцамъ, и слѣдовательно, у лѣвыхъ имѣются основанія особенно критиковать его. Когда онъ вступилъ въ управленіе земствомъ, лѣвая печать доказывала, что вся его задача сводится къ разрушенію, къ реакціи, а главное — къ такому веденію дѣла, при которомъ «помѣщичьи инстинкты» будутъ питаться на счетъ насущнѣйшихъ интересовъ массъ.

Но вотъ что говорятъ цифры: на дѣло народнаго образования, на которое къ моменту изданія изъ земства радикальствующихъ тратилось всего 25 милліоновъ въ годъ, въ прошломъ году было израсходовано 52 милліона. Въ вопросѣ о медицинскій помощи наблюдается то же самое: съ 36 милліоновъ, израсходованныхъ въ 1906 году, земства дошли въ прошломъ году до 54 милліоновъ. Если же мы обратимся къ расходамъ на экономическія нужды населенія, то увидимъ еще болѣе характерныя цифры: въ 1901 году земства тратили на этотъ предметъ 2,6 милліона, за пять слѣдующихъ лѣтъ расходы увеличились всего на милліонъ; между тѣмъ съ 1906 г. по текущій годъ расходы были увеличены съ 3,6 милліона почти до 10 милліоновъ. А въ то же время, несмотря на всѣ эти новыя расходы, земства новаго состава успѣли уплатить на крупную сумму старыхъ долговъ и выноллили на многие милліоны расходы по смѣтамъ прежнихъ лѣтъ.

Что же во всемъ этомъ «сложнаго»? Что свидѣтельствуется тутъ о «помѣщичьихъ инстинктахъ»? Въ сельскихъ общинахъ помѣщичьи дѣла не обучаются, въ сельскихъ общинахъ дворяне, работающие въ земствѣ, не лечатся, агрономическій помощью помѣщичьи хозяйства пользуются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Но мы понимаемъ лѣвыхъ, когда они нападаютъ на земство нынѣшняго состава и обвиняютъ его въ «реакционности». Именно этотъ составъ земства отогналъ отъ земскаго сундука революціонныя банды, смотрѣвшія на земскія деньги, какъ на естественный фондъ для оплаты революціонныхъ затѣй. Именно онъ вывелъ земство изъ тупика политиканства, куда завели его радикалы прежняго земства, и этимъ подтверждаютъ всѣ тѣнныя стороны прежняго отношенія къ дѣлу. Но дѣйствительно ли это «реакція»? Если ужъ непременно нужно прибѣгать къ такимъ страшнымъ словамъ, пусть называется «реакціей». Безспорно, однако, что такая «реакція» является животворной какъ для государственнаго порядка, такъ и для процвѣтанія земскаго дѣла.

XII.

Остановимся еще на одномъ вопросе. Это—тогда, около котораго за всѣ эти годы шла столь ожесточенная гражданная война. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о русскомъ національномъ самосознаніи, о національной политикѣ правительства, о национализмѣ вообще. Выяснено, правда, очень немного. Напутано зато достаточно. Въ особенности же напутано вокругъ главнаго: какова должна быть роль русскаго національнаго самосознанія въ государственной политикѣ, въ ея руководящихъ идеяхъ и въ практическомъ примѣненіи этихъ идей. А также съ какой мѣркой должно подходить къ тому, что въ этомъ отношеніи сдѣлано правительствомъ за послѣдніе годы.

Начнемъ съ общихъ замѣчаній. Безспорно, что, если сравнить настроенія широкихъ круговъ русскаго общества до смуты и по окончаніи ея, то нельзя не видѣть, что весь переломъ этихъ настроеній совершался по линіи національнаго чувства и національной идеи. Причины ясны. Революція съ особымъ озлобленіемъ набросилась на то, что, съ ея точки зрѣнія, олицетворяло собою старую Россію. Самодержавіе, православіе и народность, а подъ нею понималось національное самосознаніе,—эта формула, считавшаяся основнымъ выраженіемъ, какъ опредѣляла революцію, «официальной Россіи», явилась мишенью для наиболее боевыхъ ударовъ. Противъ самодержавія выступили различныя партійныя идеалы, начиная парламентаризмомъ и кончая пролетарской республикой и даже союзомъ мѣстныхъ пролетарскихъ республикъ; противъ православія выступило ученіе о такой свободѣ совѣсти, которая дѣлала бы необходимымъ только исполненіе православной вѣры; противъ русскаго національнаго самосознанія выступило ученіе о томъ, что Россія является лишь собраніемъ народностей, изъ которыхъ собственно русскій народъ—одна изъ сравнительно большихъ, но

вовсе не преобладающихъ группъ. А чтобы углубить эту мысль въ сознаніи массъ, русская національная идея была приложена къ позорному столбу, и не было той гряды, которой бы въ нее не швыряли, не было издѣвательства, на которое бы не откликнулись.

Не считали послѣдствій. Какія бы кто ни придумалъ статистическія данныя и какъ бы искусно ни пересказывалъ ихъ съ рупки на рупку, русскій народъ ни въ какомъ случаѣ не согласится признать себя въ Россіи только одной изъ народностей и не пожелаетъ, да просто и не сможетъ убѣдить себя въ томъ, что не ему, а кому-то другому принадлежатъ главенствующее положеніе въ русскомъ государствѣ. Какъ будетъ онъ пользоваться своимъ главенствомъ—вопросъ иной. Можетъ быть, никакъ. Во всякомъ случаѣ, въ силу присущей ему исключительно широкой перипетости, навѣрное, не съ тѣмъ, чтобы никому житья не было. Но если начать систематически посягать на это сознаніе главенства, на право самому у себя, на своей землѣ, опредѣлять свое отношеніе къ другимъ сожителямъующимъ племенамъ и народамъ—русскій народъ инстинктивно становится подозрительнымъ, и въ немъ начинаютъ бродить страсти, которыя было бы благоразумнѣе не обострять.

Такимъ образомъ, то обостреніе русскаго національнаго чувства, которое, несомнѣнно, окрасило общія настроенія за эти годы, явилось прямымъ дѣломъ безгладанныхъ и легкомысленныхъ руководителей перекитой нами смуты. Оно зародилось и стало разрастаться, какъ протестъ противъ виновствующихъ части инородчества, слѣшкомъ глубоко и рѣзко пожелавшей использовать русскую смуту. Оно стало принимать опредѣленные реальныя формы по мѣрѣ развитія той борьбы, которая велась противъ національнаго самосознанія, и, если временами дѣло доходило до несомнѣнныхъ крайностей, то только потому, что крайностями же была проникнута и вся борьба противъ него.

Правительство въ этомъ отношеніи шло нѣсколько особымъ путемъ. Конечно, для него не было да и не могло быть даже вопроса о томъ, кому, дѣйствительно, принадлежить главенствующая роль: русскому народу или какому-либо другому. Это вѣдь и вообще не вопросъ, а просто революціонный бредъ. Для него затрудненія были въ другомъ: какими дѣйствительными мѣрами слѣдуетъ охранить главенство русскаго народа тамъ, гдѣ оно въ той или иной формѣ принижается или оскорбляется, но вѣсть съ тѣмъ, какъ должно дѣйствовать, чтобы закономъ признать права и интересы другихъ живущихъ въ Россіи народностей не только не герблили умаленія, но въ извѣстной постепенности и расширялись. Такая задача, сложная и сама по себѣ, осложнялась еще тѣмъ, что, съ одной стороны, приходилось немѣнно бороться съ инородческими шовинизмомъ, а, съ другой стороны, необходимо было считаться, что въ моменты обостренія русскаго національнаго чувства всякая забота о правахъ и интересахъ инородцевъ, какими бы общегосударственными соображеніями она ни вызывалась, должна дѣйствовать удручающе на русскіе круги, и они непремѣнно будутъ видѣть въ этой заботѣ тяжелые для себя признаки, чуть ли не измѣну русскому дѣлу.

При каждомъ правительственномъ начинаніи, касавшемся дѣлъ такого рода, приходилось вести борьбу на два фронта: инородцы и ихъ друзья усленно доказывали, что правительство стремится къ гоненіямъ, или пыгается отдѣлаться отъ требованій государственнаго разума и справедливости мелкими обидными подвѣтками; русскіе же общественные круги увѣряли, что правительство не умѣетъ быть последовательнымъ, что ни одного дѣла оно не доводитъ до конца и слишкомъ легко поддается страху передъ инородческими натискомъ. Правительство не считало себя въ правѣ да и не желало идти далѣе государственно-необходимато, а отъ него требовали или государственно-невозможнаго, или съ государственной точки зрѣнія совершенно ненужнаго.

Если тѣмъ не менѣе многое было сдѣлано за эти годы, то только потому, что правительство стойко шло своимъ путемъ и шагъ за шагомъ, несмотря на всѣ препятствія и осужденія, продвигало впередъ свое пониманіе національной политики.

Центральнымъ вопросомъ былъ, конечно, вопросъ финляндскій. Политика снисходительности и льготъ, объявленная русской властью въкорѣ послѣ убійства тенерала Бобрікова, возвратила въ край вождей обособленности и непримиримости, принадлежавшихъ къ партиіи шведомановъ. Сравнительно болѣе умѣренные, готовые идти на извѣстныя соглашенія съ русской властью, а именно—старофинны, немедленно же стали предупреждать, что этимъ допущена серьезная ошибка. Но слѣдующее уже было сдѣлано, и для всякаго безпристрастнаго наблюдателя было ясно, что остается только ждать со-бытій.

Началось съ объявленія уже давно исполвовать подготавлившейся теоріи особой финляндской государственности. Предполагалось по этой теоріи, что Финляндія, хотя и не является отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но все же и была, и должна быть впередъ на правахъ особаго государственнаго тѣла. Чтобы поддержать такую теорію, тѣвое крыло шведомановъ вступило въ связь съ мѣстными и русскими революціонными кружками и соотвѣтственно стало воспѣывать народныя массы.

Старофинны предлагали различныя компромиссы и вообще старались напомнить, что объявленную русской властью «новую политику» слѣдуетъ использовать въ границахъ хотя бы нѣкотораго благоразумія. Но эти напомненія гонули въ шумъ революціонныхъ окриковъ. Уже съ октября 1905 года руководящая роль въ край оказалась всецѣло въ рукахъ сторонниковъ финляндской обособленности. Мы говоримъ о манифестѣ 22 октября и его послѣдствіяхъ. Этотъ актъ далъ финляндцамъ навѣр-

ное вдвое больше, чѣмъ они могли бы желать за нѣскольکو лѣтъ ранѣе. Кромѣ правъ расширеннаго народнаго представительства, права контроля надъ законодѣрностью распорядженій правительства, а также гражданскихъ свободъ, онъ допустилъ вмѣшательство сейма въ вопросы объ организаціи мѣстной правительственной власти и ея учрежденій. Отвѣтокъ на манифестъ послужили, однако, матежническія вспышки и вообще всѣ тотъ рѣзкій подъѣмъ революціонныхъ настроеній, который былъ почти равенъ возстанію. Сенатъ, состоявшій изъ старофинновъ, уступилъ мѣсто шведоманамъ, и немедленно же шведскія газеты, устами Акселя Лилге, заявили: «препятствія устранены, и слѣдующему сейму, который будетъ избранъ на основаніяхъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, придется рѣшить вопросъ о новой формѣ правленія для Финляндіи и принять мѣры къ установленію акта уніи съ Россіей; разъ навсегда надо опредѣлить и гарантировать отношенія нашей окраины къ Имперіи и изгнать въ царствотѣней всѣ будущіе планы общегосударственнаго законодательства, о которомъ говорится въ февральскомъ манифестѣ».

Дальнѣйшія событія шли въ слѣдующемъ порядкѣ: шведоманскій сенатъ одного за другимъ увольнялъ чиновниковъ, бывшихъ въ періодъ острой борьбы на сторонѣ умѣренности, стараясь при этомъ замѣщать вакантныя должности непремѣнно или «опозиціонистами», которые вышли въ отставку или были уволены при генералѣ Бобриковѣ; была объявлена общая амнистія; русскіе слуги жеще были уволены всѣ безъ исключенія, кромѣ, конечно, чиновниковъ канцеляріи генералъ-губернатора, хотя координирутъ путемъ и въ этомъ отношеніи шведоманы проявили свое вліяніе; было употреблено стараніе задержать разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ общегосударственными интересами.

Но это имѣло значеніе лишь первыхъ болѣе скромныхъ дѣйствій. Далѣе пошли влодки: открылся новый одно-

платный сеймъ, который не только велъ себя вызывающе по отношенію къ русскимъ государственнымъ интересамъ, но и просто заговорилъ языкомъ революціи; одновременно стали на боевой путь всѣ тѣ мѣстныя политическія организаціи, которые стремились, какъ выражались ихъ газеты того времени, «отрѣзать восточныя варварамъ», т.-е. Россіи, «всякую возможность къ возврату и разъ навсегда утвердить за свободной Финляндіей ея неотъемлемыя государственныя права». Между этими организаціями и русскимъ революціоннымъ подпольемъ былъ заключенъ тѣсный союзъ, и вообще, какъ опять-таки говорили въ своихъ изданіяхъ сами же финляндцы, «впросъ ставился уже не о томъ, быть ли Финляндіи Финляндіей, а о томъ, оставаться ли Россіи Россіей».

Иначе говоря, опять наглядно показало, что стоило только русской власти довернуть хотя бы въ некоторой степени охрану общеперсикихъ интересовъ благоразумію финляндскихъ политическихъ круговъ, какъ отвѣтомъ на это являлось совершенно опредѣленная и явно угрожавшая спокойствію Имперіи революція. Оставалось, слѣдовательно, или потерять Финляндію, или же установить, наконецъ, извѣстные предѣлы домогаательствамъ, по крайней мѣрѣ такіе, которые обеспечивали бы русскому государству его законныя права. Правительство стало на второй путь, и это послужило началомъ всего того, что произошло затѣмъ.

Русское общество не оставалось безучастнымъ зрителемъ финляндскихъ событій. Только революціонные круги почувствовали Финляндію, въ руководителяхъ которой они видѣли своихъ естественныхъ союзниковъ. Подавляющее же большинство русскаго общества настойтельно указывало на необходимость немедленной и энергичной борьбы съ финляндскими пригизаніями. Многие даже говорили о томъ, что необходимо лишить Финляндію присвоенныхъ ей автономныхъ правъ. Особенной популярностью пользовалась мысль о необходимости выдѣлить изъ состава Фин-

ланди Выборгскую губернію, а въ остальныхъ края объявить военное положеніе. Правительство отнеслось къ вопросу иначе. Оно сосредоточилось на основномъ, центральномъ пунктѣ вопроса: на установленіи порядка, въ какомъ должно проходить законодательство общеперскаго значенія. Съ принципиальной точки зрѣнія этотъ порядокъ долженъ быть такимъ, чтобы разъ навсегда обрѣвались споры объ особой финляндской государственности; практически же онъ долженъ былъ реально обеспечивать всѣ интересы и права, которые неотъемлемо принадлежатъ въ Финляндіи русскому государству.

Подробности вспоминать не будемъ, такъ какъ слышимъ еще недавно происходила эта борьба, и, очевидно, каждый знаетъ ихъ отлично и самъ. Финляндцы не отрицали, что существуютъ вопросы общеперскаго значенія, но, во-первыхъ, такими они признавали лишь очень немногіе вопросы, а, во-вторыхъ, правилами лишь очень немногіе рѣшенія они считали проведеніе ихъ не только черезъ русскія законодательныя учрежденія, но и черезъ сеймъ, а, въ случаѣ разнотласія—черезъ особое собраніе предсѣвателей отъ «обоихъ государствъ», какъ выразились одни, или отъ «законодательныхъ учрежденій обоихъ народовъ», какъ нѣсколько скромнѣе опредѣляли другіе.

Могло ли Русское государство стать на такую точку зрѣнія? Очевидно, нѣтъ. Въ его глазахъ Финляндія—не особое государство, а русская провинція, хотя и пользующаяся нѣкоторыми автономными правами. Единственное, что могло быть предоставлено финляндскому сейму, это—поредача въносимыхъ въ русскія законодательныя учрежденія общеперскихъ законопроектовъ на заключеніе сейма и участіе въ Думѣ при обсужденіи этихъ вопросовъ извѣстнаго числа выборныхъ отъ сейма.

Немного на усиленные протесты финляндскихъ политиковъ, законопроектъ объ общеперскомъ законодательствѣ прошелъ въ Думѣ и Государственнымъ Совѣтѣ при широкой поддержкѣ всего русскаго общества, и проливъ

проекта были только тѣ политическія группы, которые сливали свои политическіе замыслы съ успѣхомъ финляндскихъ противорусскихъ домогательствъ. Чтобы поддержать силу своихъ заявленій, финляндцы старались привлечь на свою сторону западно-европейское общественное мнѣніе. Специальные агенты были посланы въ Лондонъ и Парижъ, откуда, какъ изъ Петрова, финляндская агитация была распространена по всему Западу, до Португаліи включительно. Это обошлось финляндцамъ въ очень крупную сумму. Пасквильмъ на Россію и вообще всякимъ злостнымъ проливъ не выходякамъ не было конца. Но все это разбито объ единичнѣе русскаго общества. Съ достоинствомъ, но твердо и опредѣленно отвѣтало русское общество на всѣ проявленія иностраннаго вмѣшательства, и вопросъ погасилъ, наконецъ, полное разрѣшеніе.

Тогда финляндцы заявили, что они не признаютъ закона закономъ. Такъ какъ, говорили они, законъ объ общеперскомъ законодательствѣ принятъ безъ участія сейма, то для финляндевъ онъ вовсе не обязательенъ. Отвѣтомъ на это послужило внесеніе въ Думу двухъ законопроектовъ уже въ новомъ порядкѣ общеперскаго законодательства. Первый ставилъ вопросъ объ уплатѣ финляндцами военнаго вознагражденія, взамѣнъ отбыванія воинской повинности, а второй—объ уравненіи русскихъ, живущихъ въ Финляндіи, въ правахъ съ финляндцами. Продолжая протестовать, сеймъ отказался дать свое заключеніе по проектамъ и не избралъ своихъ представителей для участія въ Думѣ при обсужденіи этихъ дѣлъ. Оба законопроекта, однако, были приняты въ Думѣ и Государственнымъ Совѣтѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Заслуживаетъ быть отмѣченными, что злодѣйское убійство П. А. Столыпина, происшедшее къ началу пятой думской сессіи, когда должны были разсматриваться оба указанные законопроекта, учитывалось въ Финляндіи, какъ весьма благоприятное обстоятельство. Выражали увѣренность, что преемникъ П. А. Столыпина пойдетъ въ финлянд-

скомь вопросѣ далеко въ сторону отъ «стоплинскаго шонизма», при чемъ, конечно, пользовались случаемъ, чтобы повторить еще разъ сказку о томъ, будто бы П. А. Столыпинъ «напряталъ всё русскія, чтобы лишить Финляндію при-своенныхъ ей автономныхъ правъ». И все это послѣ того, какъ П. А. Столыпинъ неоднократно заявлялъ въ своихъ рѣчахъ, что въ той же мѣрѣ, въ какой Русское государство не можетъ мириться съ претензіями Финляндіи на особую государственность, оно готово охранять права Финляндіи, какъ автономной русской провинціи.

Премникъ П. А. Столыпина, при первомъ же случаѣ, выступилъ съ программными заявлениями, въ которыхъ подчеркнул и развилъ тѣ же мысли, и этимъ опровергъ всё столь старательно распускавшіеся слухи о какой-то возможной перемѣнѣ во взглядахъ правительства на финляндскій вопросъ. Ему навязывали финнофильство, какъ по-собному П. А. Столыпину—финнофобство. Между тѣмъ, въ действительности оба они прилагали къ вопросу лишь государственную точку зрѣнія.

То же самое мы наблюдаемъ и въ польскомъ вопросѣ. Онъ также отнималъ достаточно времени и силъ. И тутъ, въ общемъ, наблюдалась та же картина. Неудачная война и слѣдовавшая за ней смута подняли духъ польскихъ шовинистовъ и окрылили ихъ надежды на возможность добиться болѣе или менѣе полной автономіи. Частью захватомъ, частью въ силу услугъ власти, слѣдственныхъ въ минутахъ, когда вѣрили, что этимъ путемъ можно разрѣшить всё особо острое вопросъ, польскіе дѣятели настолько опредѣленно подошли къ осуществленію своихъ самыхъ смѣлыхъ мечтаній, что, повидимому, только немногіе изъ нихъ считали необходимымъ сохранять хоть какое-нибудьbladгоразуміе. Тяжело вспомнить, что въ это время дѣлалось въ польскихъ губерніяхъ. Въ русскія школы врывались съ революверами въ рукахъ, изгоняли учениковъ, избивали русскихъ учителей; дѣти, идущія въ школу и говорящія на языкѣ по-русски, подвергались оскорбленіямъ; на за-

сѣдніяхъ различныхъ политическихъ обществъ требовали совершеннаго изгнанія русскаго языка изъ программъ школъ даже какъ предмета; было рѣшено, что еще недостаточно замѣнить русскій языкъ польскимъ, а учителей поляками, но необходимо, чтобы польскія школы прежде всего имѣли дѣльно подготовитъ «польскаго патриота», а потому необходимо отъ правительства контроля. Дѣло доходило, напримѣръ, до такихъ крайностей: разбивали ящики съ русскими списками жильцовъ, нападали на почтадоновъ и уничтожали имѣвшіеся у нихъ письма и телеграммы, адресованныя по-русски.

На ряду съ автономіей школы требовали автономіи судебной и административной, а потому, какъ выражались тогда польскія газеты, «сами русскіе должны теперь понимать хорошо, что править этимъ краемъ они уже не могутъ, что служить и судить въ Царствѣ Польскомъ могутъ только польскія головы и польскія руки». Доглаживали при этомъ, что «на польской землѣ должна господствовать польская мысль, польское слово и польское дѣло».

Наиболѣе вліятельная тогда въ край партія, а именно «народно-демократическая», заявляла: «мы безусловно рѣшили добыть автономію, но какую? какъ далеко простирающуюся? Если до сихъ поръ на собраніяхъ нашей партіи говорилось объ автономіи законодательной, ; министративной и финансовой, а еще не упоминалось о польскомъ войскѣ, то не потому, что мы не хотѣли мечтать объ этомъ, но только потому, что мы не хотѣли преждевременно возбудить бдительность русскаго народа; но въ глубинѣ души нашей всегда таилась мысль, что только совершенная и полная отчужденность всѣхъ правительственныхъ органововъ, не исключая и армии, даетъ намъ право быть свободными за будущность нашего отечества. Теперь именно, господа, настало время, когда мы смѣло, безъ боязни и не только передъ вашимъ народомъ, но и передъ лицомъ всей Россіи, потрясенной до самаго основанія, потерявшей

свою послѣднюю опору—армію, возобновляющую, деморализованную, можемъ открыто сказать: «намъ, вратамъ русскаго режима въ Царствѣ Польскомъ, необходима польская армія.»

Этихъ фактовъ, слѣдуетъ думать, достаточно, чтобы понять, какъ далеко зашло дѣло. Совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена на волности и довѣріе власти политики отвѣчали возстаніями, такъ и на этотъ разъ, въ отвѣтъ на всякую услугу правительства, они отвѣчали новыми и еще болѣе рѣзкими требованіями. Что оставалось правительству? Правда, съ несомнѣннымъ запозданіемъ, но тѣмъ болѣе энергично должно было оно взяться за дѣло возобновленія порядка. Это было тяжело, но это было необходимо. Въ первый минуту такая перемѣна поведла лишь къ усиленію броженія и къ обостренію вопроса. Были минуты, когда казалось, что противорусское движеніе успѣло охватить польскія губерніи уже въ такой степени, что придется столкнуться или съ повтореніемъ польскаго возстанія, или, по крайней мѣрѣ, съ массовымъ мятежомъ. Но затѣмъ атмосфера стала расчищаться. Съ одной стороны, опредѣлился расколъ въ самомъ же польскомъ обществѣ. Страхъ передъ крайними шовинистами заставлялъ дѣлать глупости и умѣренныхъ. Какъ только явилась возможность, голоса болѣе презвыкихъ элементовъ стали звучать громче и отчетливѣе. Съ другой же стороны, на польское общество не могъ не оказывать вліянія и тотъ рѣзкій подъемъ русскаго національнаго самосознанія, который къ тому времени уже опредѣлился. А какъ только проявленная правительствомъ твердость остановила развитіе движенія, все остальное сдѣлалось лишь вопросомъ времени.

Шагъ за шагомъ были отмѣнены всѣ тѣ новыя распоряженія, которые установились въ край силлой революціоннаго захвата, были приняты мѣры къ прекращенію совершенно недопустимыхъ выходовъ противъ всего русскаго, какими отличалась эпоха смуты, а также были ликвидированы и основныя очаги движенія, всѣ тѣ союзы, общества и учре-

жденія, которые образовались въ дни движенія со спеціальной цѣлью не только казнить русскіихъ и русское собственно изъ Привислинья, но и ополчить западныя губерніи.

Вообще же говоря, движеніе было приведено къ концу довольно быстро, во всякомъ случаѣ въ его крайнихъ формахъ. Если что нѣсколько затанулось, то это—борьба противъ натисковъ, съ которыми польскіе шовинисты опрокинулись на западныя губерніи. Политика называлась эти свои натиски «культурными завоеваніемъ». Увы, ведется оно полками въ формахъ, которыя ужъ никакъ нельзя назвать культурными, такъ какъ главными средствами являются тутъ обманъ, насилие, предательство, выкиваніе неудобныхъ людей, бойкоты и т. п. Но натиски эти, дѣйствительно, «культурные», если понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что они ставятъ своей задачей свести къ нулю все, что сдѣлано въ западныхъ губерніяхъ русской культурой, и замѣнить стремятся навязать польскіе идеалы даже русскому населенію край, не говоря уже о литовцахъ.

При такихъ условіяхъ трудно было бы ждать отъ русскаго общества и соотвѣственно съ этимъ отъ законодательныхъ учрежденій особаго расположенія къ полякамъ. Тѣмъ не менѣе поляки были бы крайне несправедливы, если бы они стали отрицать, что за эти годы они многое получили и даже многое такое, на что едва ли еще такъ недавно могли рассчитывать. Былъ отмѣненъ рядъ стѣсненій, ранѣе существовавшихъ для польскіихъ народныхъ школъ, въ западныхъ губерніяхъ были введены земскія учрежденія, хотя и по принципу обезпеченія русскіихъ интересовъ, но съ предоставленіемъ полякамъ полной возможности участвовать въ общемъ дѣлѣ, былъ внесенъ правительствомъ и одобренъ Думой проектъ введенія въ городахъ Привислинья самоуправляющагося городского управленія. Основное же мы видимъ въ томъ, что ни одной своей мѣрой власти не показывала, чтобы у нея существовало стремленіе наказывать поляковъ за ихъ явно революціонное поведеніе въ тяжелыя минуты неудачной для насъ войны. Мы видимъ вмѣстѣ съ

тѣмъ, что каждой принимаемой мѣрой власть говоритъ полникамъ: «противъ вашихъ политическихъ дерзаний мы противопоставимъ силу; противъ вашихъ стремленій ополчимъ русское население края мы выдвинемъ начало обезпеченія русскаго дѣла; но мы не только не намѣрены повсѣлуть на ваше національное самосознаніе, но и считаемъ себя обязанными охранять и содѣйствовать развитію всѣхъ вашихъ реальныхъ нуждъ, во всякомъ случаѣ равнѣмъ съ нуждами другихъ русскихъ подданныхъ».

Кончаемъ. Не сомнѣваемся, что намъ не удалось охватить и половины того матеріала, который съ разныхъ сторонъ представляется жизнью, перекладывающейся съ такой оредѣленностью на путь широкаго, безграничнаго развитія. Наши очерки—не законченная картина, а скорѣе отрывные листы изъ записной книжки наблюдателя, который не столько заботился о цѣльности впечатлѣній, сколько свѣдѣнія отмѣтить все, что казалось ему наблюдѣ заслуживающимъ вниманія.

Шестъ лѣтъ прошли въ огромной напряженной работѣ, и результаты ея сказываются на каждомъ шагѣ. Установить это, показать съ цифрами и фактами въ рукавъ—такова цѣль, къ которой мы стремились. Шестъ лѣтъ въ жизни государства это не болѣе, какъ одно мгновеніе, но бываютъ періоды, когда это—эпоха. То, что мы пережили передъ смутой и въ самые дни смуты, всё потрясенія, ужасы и страданія—это дѣлало наступившіе послѣ смуты годы особо знаменательными. Къ творческимъ силамъ страны былъ предъявленъ рядъ требованій, и въ зависимости отъ того, каковы будутъ отвѣты на эти требованія, должна была опредѣлиться и дальнѣйшая судьба нашей родины.

Выдержала страна экзаменъ или нѣтъ? Мы утверждаемъ, что она не только выдержала его, но выдержала блестяще. Каковы бы ни были недочеты, неудачи, прямая ошибка,

страна показала себя сильной, молодой, здоровой, исполненной энергии и трудопособности. Что сдѣлало само населеніе, что сдѣлано правительствомъ, что болѣе всего надлежало бы отнести на счетъ Государственной Думы,—мы даже не ставимъ такого вопроса. Опрѣлеть на него въ немногихъ словахъ значило бы политиканствовать, а отвѣчать на него съ достаточной обстоятельностью—для этого надо бы предпринять изслѣдованіе всѣхъ условій современности. На такое же изслѣдованіе намъ, современникамъ, менѣе всего, конечно, сдѣлывало бы отвѣкаться. Это сдѣлаютъ уже наши прѣмники, которымъ прежде всего не будутъ мѣшать частности, столь легко закрывающія отъ нашихъ глазъ общее.

Сдѣлано многое, и это важно установить. Въ томъ, что сдѣлано,—залогъ дальнѣйшаго развитія Россіи. То, что осталось сдѣлать,—пусть не ставится въ упрекъ сдѣланному. Пути намѣчены, вѣхи разставлены, средства накоплены—только бы была вѣра въ Россію и готовность работать. Въ этомъ все.